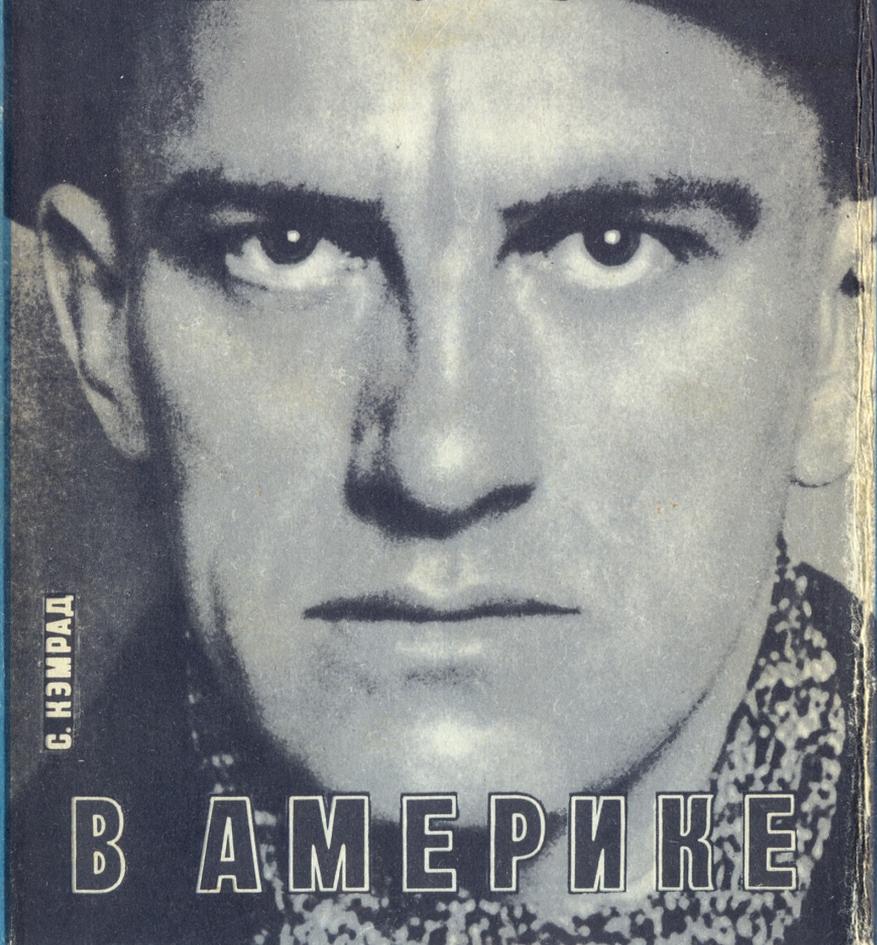

МАЯКОВСКИЙ

В А М Е Р И К Е

С. НЭМРАД

МАЯКОВСКИЙ В АМЕРИКЕ

С. НЭМРАД

МАЯКОВСКИЙ

Мое

Открытие
Америки

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МАЯКОВСКИЙ

ИСПАНИЯ

ОКЕАН

ГАВАННА

МЕКСИКА

АМЕРИКА

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

С. НЭМРАД

**МАЯКОВСКИЙ
В АМЕРИКЕ**

К А Н А Д А

С Ш А

А Т Л А Н Т И Ч Е С К И Й

М Е К С И К А

О К Е А Н

ЧИКАГО

ДЕТРОИТ

КЛИВЛЕНД

НЬЮ-ИОРК

ПИТТСБУРГ

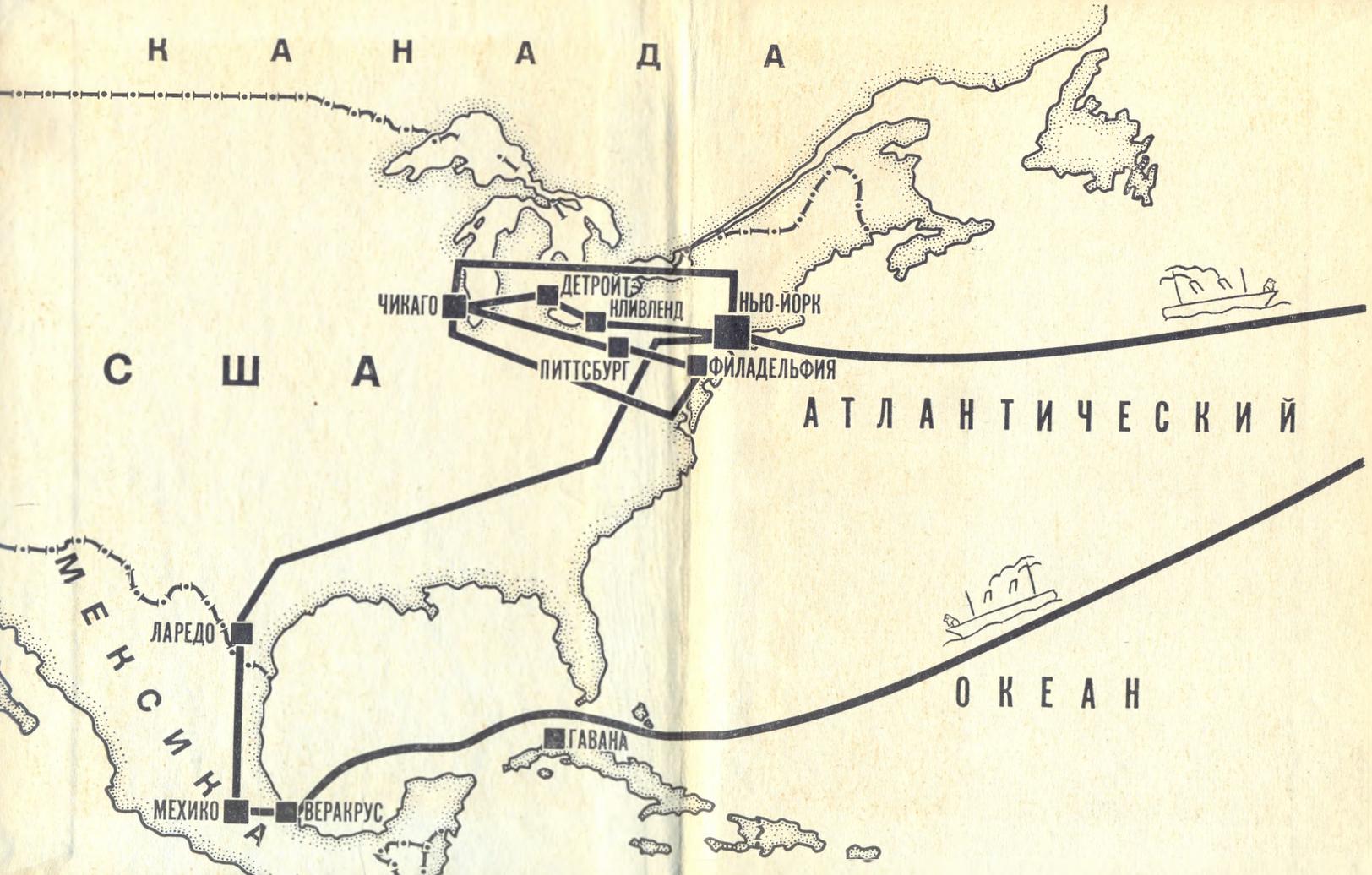
ФИЛАДЕЛЬФИЯ

ЛАРЕДО

МЕХИКО

ВЕРАКРУС

ГАВАНА

С. КЭМРАД

МАЯКОВСКИЙ. В АМЕРИКЕ

С. НЭМРАД

**МАЯКОВСКИЙ
В АМЕРИКЕ**

**СТРАНИЦЫ
БИОГРАФИИ**

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • МОСКВА • 1970

Книга С. Кэмрада—результат многолетних изысканий; в ней автор рассказывает об истории поездки В. В. Маяковского в США с того момента, как у поэта зародилась мысль о ней, и до его возвращения на родину.

Книга С. Кэмрада не является историко-литературной монографией, охватывающей весь круг вопросов, связанных с темой «Маяковский в Америке». Она представляет собой страницы биографии поэта, освещающие один из наименее изученных ее этапов.

Светлой памяти
Героя Советского Союза
Веры Хоружей

— Вот, посмотрите этот снимок, — сказал мне лет 20 назад один исследователь. — Маяковский привез его в тысяча девятьсот двадцать пятом году из Америки. Написал текст, дал в «Огонек». Получил гонорар — пять рублей с копейками. Можете не сомневаться — факт установлен мной по гонорарной ведомости.

На столе лежал тощий, серенький номер «Огонька» от 28 марта 1926 года (№ 13). Текст под фотографией гласил:

«Свобода собраний» в США

Сыщики обыскивают всех входящих в зал Вест-Сайд Аудиториум в Чикаго на собрание протеста против преследований политических заключенных в США.

Как попала фотография к Маяковскому?
Был ли он сам на митинге протеста в Чикаго?

Что он вообще делал в США? Зачем поехал туда?

В книге очерков «Мое открытие Америки» внимание мое привлекли следующие строки:

«В Нью-Йорке, — писал Маяковский, — 4 коммунистических газеты: «Новый мир» (русская), «Фрайгайт» (еврейская), «Щоденні вісті» (украинская) и финская.

«Дейли Воркер», центральный орган партии, издается в Чикаго.

...эти газеты, при трех тысячах членов партии на Нью-Йорк, в одном Нью-Йорке имеют общий тираж в 60 000 экземпляров»¹.

Что, если попробовать найти эти газеты? — подумал я. Не может быть, чтобы они остались безучастными к приезду великого советского поэта за океан. Наверняка должны были так или иначе реагировать на его приезд.

Во Всесоюзной государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина сохранился комплект газеты «Новый мир» за 1925 год. Газета печатала обширную информацию о Маяковском — о его выступлениях и докладах в Нью-Йорке и других городах США, давала изложения этих докладов, помещала впечатления слушателей.

К сожалению, комплект неполный, в нем не хватает многих номеров.

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений в тринадцати томах, т. 7. М., Гослитиздат, 1958, стр. 320. (В дальнейшем все ссылки даются на это издание.)

К счастью, в Центральном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦАОР), на Пироговке, сохранился другой комплект, тоже дефектный, все же с его помощью удалось восполнить ряд пробелов первого.

Не составило особого труда найти «Фрайгайт». Подшивка этой газеты также имелась в Библиотеке имени В. И. Ленина. Правда, в ней оказались те же недостатки, что и в «Новом мире», — комплект обрывался на номере от 7 октября, Маяковский же уехал из США в конце месяца.

«Фрайгайт» не отставала от «Нового мира» в освещении пребывания В. В. Маяковского в США. Чуть ли не повседневная хроника его пребывания там. . . И исключительно интересное интервью — «С Владимиром Маяковским по Пятой авеню».

Теперь предстояло найти «Дейли уоркер». Почти полную подшивку этой газеты за 1925 год удалось разыскать в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Но, несмотря на самые тщательные поиски, так и не нашел я нигде ни одного номера «Щоденні вісті» (полное название: «Українськи щоденні вісті»). Куда только я не обращался с запросом об этой газете: в Киев и Харьков, Львов и Одессу, Черновцы. По моей просьбе, Библиотека имени В. И. Ленина не раз запрашивала библиотеку Конгресса США в Вашингтоне,

Публичную библиотеку в Нью-Йорке. Безрезультатно.

Я так и не нашел «Щоденні вісті». Выходила ли вообще эта газета в 1925 году? Не ошибся ли Маяковский? Нет, он не мог ошибиться, он был человек очень точный. Так в чем же дело? Почему нигде нет этой газеты?

Другим источником сведений о поэте стала выходившая в Нью-Йорке газета «Русский голос». Маяковский не упоминает о ней, потому что она не была органом компартии. «Новый мир» не раз полемизировал с нею. Но она считалась органом русской колонии в США, доброжелательно писала о России. Наконец, — и это самое главное — я знал, что в редакции ее работал друг Маяковского Д. Д. Бурлюк, сыгравший не малую роль в организации поездки Маяковского в Нью-Йорк. Нельзя было не предположить, что и в этой газете окажутся материалы о Маяковском.

Предположение это оправдалось. Круг поисков все расширялся, первоначальная тема все дальше отходила на задний план. И тут я вспомнил об альбоме с вырезками из иностранных газет и журналов, составленном по просьбе поэта П. В. Незнамовым в начале 1930 года для выставки «20 лет работы».

Существует снимок: Маяковский показывает альбом на выставке П. М. Керженцеву — руководителю Роста в 1919—1920 годах.

Единственное упоминание об альбоме имелось в книге В. Катаняна «Рассказы о Маяков-

ском» (1940). Приводились кой-какие материалы из него и указывалось, что альбом хранится в Государственном литературном музее.

Позднее альбом этот был передан в только что организованный Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ)¹.

И вот она передо мной, объемистая тетрадь-альбом, которую держал когда-то в руках Маяковский и с гордостью показывал на выставке, имевшей целью продемонстрировать многообразие работы поэта.

Составляя план выставки, Маяковский записал: «. . . детские книги, газеты Москвы, газеты СССР, СССР о Маяковском, заграница о Маяковском» (курсив мой. — С. К.).

Да, но в каком он виде, этот альбом! Вырезки наклеены кое-как, в хаотическом беспорядке, никакой системы. Статьи и заметки на английском языке перемешаны с материалами на испанском, русский язык следует за французским, чешский соседствует с польским и так дальше.

Ни одного перевода.

Хронология также явно не в ладу с альбомом.

Видно, П. В. Незнамов очень спешил, составляя альбом, Маяковский торопил его.

---

¹ ЦГАЛИ, фонд № 336 поэта Вл. Вл. Маяковского, опись № 39, единица хранения 16 — альбом вырезок из газет и журналов на русском и иностранных языках 1921—1927 гг.

Главное было — наклеить вырезки, разбросанные по папкам, сосредоточить их в одном месте, а там разберемся. . .

Не успел разобраться. . .

Только систематизировав вырезки, приведя альбом в порядок, организовав перевод, можно было в нем разобраться.

Для этого нужно было сначала переписать все.

Недостающие номера «Русского голоса», «Нового мира», «Фрайгайт» необходимо было разыскать. По моей просьбе, Библиотека имени В. И. Ленина запросила в порядке международного абонемента библиотеку Конгресса США. Оттуда прислали микрофильм. При содействии тех же крупнейших книгохранилищ из университетской библиотеки в Техасе удалось получить микрофильм некоторых номеров журнала «Эль универсаль иллюстрадо» (Мексика).

Оказалось, что в Москве проживают товарищи, встречавшиеся с Маяковским в Мексике и США. Как было не посетить их, не записать их воспоминаний!

Теперь можно было приступить к публикации собранного материала и к работе над книгой.

Должен сказать, что своими находками и наблюдениями я охотно делился с другими исследователями и часть их еще до выхода этой книги вошла в научный, литературный обиход — иногда без указания на источник.

Спросят:

— Разве вы ездили с ним?

...Да, ездил,

как еду сейчас!

Много лет

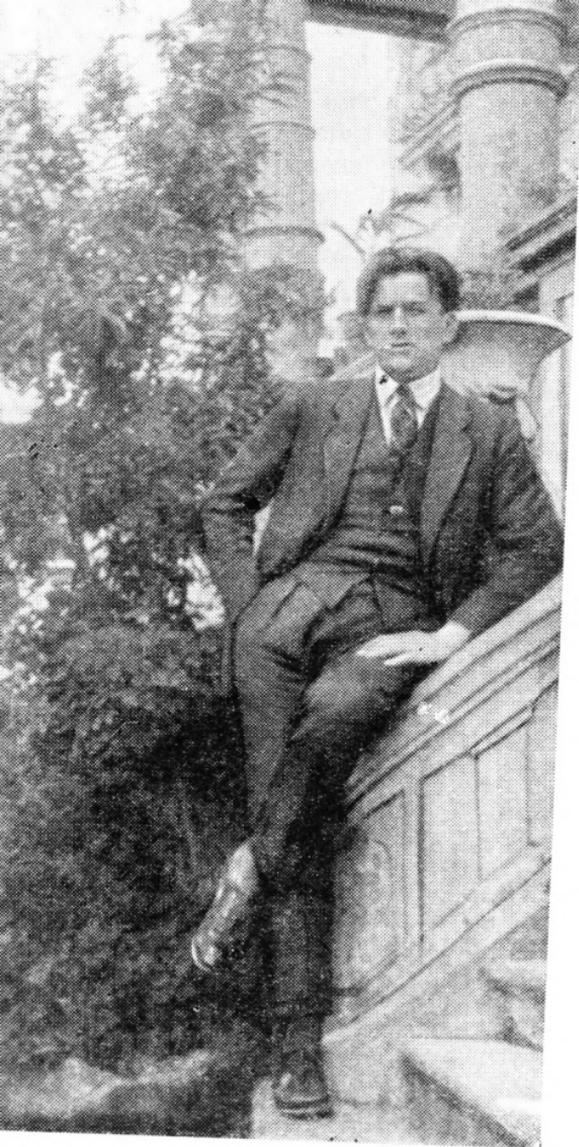
мне его дальние строчки

помогают стремиться,

по времени мчась.

Н. Асеев.

„Маяковский начинается“

1

Из всех поездок Маяковского за границу американская — самая значительная не только с точки зрения непосредственных, творческих результатов: двадцать два стихотворения и книга очерков «Мое открытие Америки». Не только по времени, затраченному на нее: поэт выехал из Москвы 25 мая 1925 года, вернулся в конце ноября. Но и — это важнее всего — по тому не поддающемуся учету воздействию на умы современников, которое она оказала. И до революции ездили за океан выдающиеся русские писатели. В последней четверти XIX века США посетил Короленко, в первые годы XX — Горький, потом Есенин.

Но ни у автора «Без языка», ни у создателя «Города Желтого Дьявола» в период его поездки в Америку не было такой возможности взглянуть на США с той «высочайшей высоты», на какую подняла нашу страну Великая Октябрьская социалистическая революция и какая представилась поэту, воспевавшему ее. И это главное, что определяет характер и значение его поездки.

Маяковский приехал в США в июле 1925 года. За полтора года перед тем умер Ленин. Вся мировая буржуазия ликовала. «Со смертью Ленина умерла и его идея, — утверждала «Нью-Йорк таймс». — Конец брожению призрака коммунизма по земному шару. Метеор пронесся — не больше. . .»

Словно в ответ на это наглое и беспочвенное ликование прозвучал над Нью-Йорком и Чикаго, Питтсбургом и Филадельфией, Детройтом и Кливлендом могучий голос поэта ленинских идей:

Время,
    снова
                    ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
    растекаться
                    слезною лужею?
Ленин
    и теперь
                    живее всех живых.
Наше знание,
    сила
                    и оружие.

«Боюсь прослыть провинциалом, но до чего же мне не хочется ездить», — признается Маяковский в одном из своих писем.

Зачем же он ездил?

— Зачем вы ездите за границу? — спросили у поэта на вечере в Доме Комсомола Красной Пресни 25 марта 1930 года.

— Я там делаю то же, что и здесь, — отвечал поэт. — Там я писал стихи и выступал на собраниях, говорил о коммунистической партии.

— Я путешествую для того, чтобы взглянуть глазами советского человека на культурные достижения Запада, — объяснял Маяковский в другом случае. — Я стремлюсь услышать новые ритмы, увидеть новые факты и потом передать их моему читателю и слушателю. Путешествую я, стало быть, не только для собственного удовольствия, но и в интересах всей нашей страны. . .

— Зачем я поехал в Америку? — спрашивал Маяковский по возвращении из США и так отвечал на этот вопрос: — Чтобы мне, поэту, проповедующему индустриализацию, самому познакомиться со страной, где эта индустриализация достигла наивысших результатов своего развития.

— Ранний футуризм, — говорил Маяковский, — ратовал за индустриализацию — «американизацию» — России. Ныне пришла пора проверить воочию, каков он, этот американизм. . .

«Проверить воочию» — такова была цель его поездки.

Поездка была задумана, очевидно, еще в конце 1922 года, в Париже, или сразу по возвращении в Москву, в самом начале 1923 года.

Сейчас летите, мотором урча, вы:

Париж,

Америка

Бруклинский мост. . . —

читаем мы в одном из вариантов поэмы «Про это» (декабрь 1922 — февраль 1923).

В сентябре 1923 года В. В. Маяковский писал из Берлина в Нью-Йорк Бурлюку: «Дорогой Додичка!

Пользуюсь случаем приветствовать тебя. Шлю книги. Если мне пришлете визу, буду через месяца два-три в Нью-Йорке. . .»¹

Визу не прислали. . .

Это не обескуражило Маяковского. Он задумывает кругосветное путешествие и говорит о нем как уже о решенном деле. В феврале 1924 года поэт приезжает в Одессу. Выступает там с лекциями и стихами. Явившемуся к нему сотруднику одесских «Известий» диктует такую заметку: «Маяковский в скором времени отправляется в кругосветное путешествие, имея приглашение читать стихи и лекции в Америке»².

О каком «приглашении» идет речь — пока не установлено.

Со свойственной ему энергией собирается поэт в путь. «Проездом в Америку в Берлин прибыл вчера Владимир Маяковский»³, — писали спустя два месяца берлинские газеты.

И снова из этого дела ничего не вышло. В первых числах мая поэт был вынужден вернуться в Москву.

. . . Мысль о кругосветном путешествии не оставляла Маяковского. Разрабатывается примерный маршрут: Москва — Париж — Атлантический океан — Америка — Тихий океан — Япония — Москва.

Осенью он снова трогается в дорогу. До Парижа, как и в первый раз, добрался благополучно, а там застрял. Американцы визы не давали.

---

¹ «Красная стрела», сборник-антология. Нью-Йорк, 1932. Издательство Марии Бурлюк.

² «Вечерние известия». Одесса, 21 февраля 1924 г.

³ «Накануне». Берлин, 20 апреля 1924 г.

Он хотел поехать через Канаду, но скоро понял безнадежность такой попытки. «. . . в Канаду я не еду и меня не едут»¹, — юмористически писал он Л. Ю. Брик.

Не попробовать ли попасть в США через Мексику? Но и это, казалось ему, не сулит перспектив.

В хлопотах об американской визе прошло больше месяца. Дело не двигалось. Из попыток опять снестись с Америкой для поездки в Нью-Йорк тоже ничего не выходило. Был момент, когда поэт потерял всякую надежду на получение визы, хотел поставить крест на своей затее. До того надоела она ему. «Сижу в Париже, так как мне обещали в две недели дать ответ об американской визе, — писал он в начале декабря. — Хоть бы не дали — тогда в ту же секунду выеду в Москву, погашу авансы и года три не буду никуда рыпаться»².

Визы не дали. В самый канун нового, 1925 года вернулся поэт в Москву, но не прошло и нескольких месяцев, как он снова начинает «рыпаться».

Причина отказа в визе не составляла ни для кого тайны. Слава «поэта революции» сопровождала Маяковского и за границей.

Но он ведь не только поэт. Художник. Автор рекламных плакатов. В Париже Маяковский принимает участие в организации Советского павильона на Международной художественно-промышленной выставке, открытие которой должно состояться весной. Предполагается показать его работы для Моссельпрома и

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 66.

² Там же, стр. 68—69.

других хозяйственных организаций. Это и было официальной целью его пребывания в Париже.

В конце января того, 1925 года нью-йоркская газета «Русский голос», ссылаясь на сообщения «одной из русских беженских газет в Европе», с опозданием более чем на два месяца, писала: «В Париж прибыл художник-футурист Владимир Маяковский. Официально он здесь «для изучения публикационного дела»¹.

От этой поездки осталась также заметка в журнале «30 дней». «Маяковский, окончив поэму «Ленин», отрывки из которой печатаются в этом номере, поехал в Париж, думая пробраться в Америку, — говорилось в журнале. — Американская виза им не была получена. У поэта остался выбор между Канадой и Мексикой. Так как Маяковский не любит экзотичности, то он скоро вернулся в Москву. . .»²

Здесь все верно, кроме одного. «Выбора», в сущности, не было.

И все же он возобновил свои попытки.

2

1924 год был годом крупнейших дипломатических побед советской власти.

От Коминтерна
до звонких копеек,
серпом и молотом
в новой меди,

---

¹ «Русский голос», 25 января 1925 г.

² «Маяковский в захолустьи». «30 дней», 1925, № 1.

одна
неписаная эпопея
шагов Ильича
от победы к победе.

Одна за другой приподымали капиталистические страны «цилиндры и короны» перед «Ильичевой республикой Советов». «За дедкой репка... Даже несколько репок». 4 августа были восстановлены дипломатические отношения с Мексикой. 15-го президент Мексики Альваро Обрегон официально запретил царскому консулу барону Вендгаузену исполнять консульские обязанности.

Первый советский посол в Мексике Станислав Станиславович Пестковский (1881—1942) с женой Марией Наумовной и шестилетней дочерью, в сопровождении немногочисленного штата посольства (3 человека) выехал из Москвы в октябре. Ехали на пароходе «Рио Пануко», к месту назначения прибыли спустя два месяца после отъезда из Москвы (задержались в Германии). Сначала жили в гостинице, затем, в самом начале 1925 года, сняли дом на улице дель Рио, 37.

Когда Маяковский в мае 1925 года снова тронулся в путь, посольство уже функционировало, вопрос о визе в «страну мокассин» разрешился сравнительно легко. Мексиканским послом в Париже был в то время Альфонсо Рейес. Адвокат, журналист, историк, критик, блестящий дипломат, Рейес еще в юности увлекся литературой, писал стихи, затем прославился как новеллист. Широкой известностью пользовались его книги «Замыслы Косвенного» (1920), «Следы поэзии» (1922), «Жестокая Ифигения» (1924) и другие.

Маяковскому было нетрудно найти общий язык

с Рейесом. Они долго беседовали об искусстве, Рейес говорил, что «сегодняшняя идея мексиканского искусства — это исход из древнего, пестрого, грубого народного индейского искусства, а не из эпигонски-эклектических форм, завезенных сюда из Европы»¹. Не раз упоминалось, должно быть, при этом имя Диего Риверы. Маяковский еще раньше слышал, что Ривера — «величайший мексиканский художник», один из основателей Мексиканской компартии. Еще он знал о нем в связи с повестью — памфлетом И. Эренбурга «Необычайные приключения Хулио Хуренито и его учеников...» (1922). Поговаривали, что «своего Хулио Хуренито Эренбург пытался писать с Диего». В беседе с автором этой книги (1952) писатель опроверг это мнение.

Начало июня. Всемирная художественно-промышленная выставка. Она не понравилась Маяковскому. «Скучнейшее и никчемнейшее место. Безвкусица, которую даже нельзя себе представить»².

Не понравилась она и корреспонденту белоэмигрантских «Последних новостей», посетившему Советский павильон. Но совсем по другой причине. «В Большом дворце открыты пять зал СССР, — писал он. — У входа, на площадке лестницы, конечно, бюст Ленина... По стенам вестибюля, слева, афиши и плакаты... Красный цвет, а также лицо Ленина видны повсюду. Жаль, что от иностранцев ускользает текст советских реклам. «Нам остались от старого мира

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 275.

² Там же, т. 13, стр. 72.

только папиросы «Ира», — гласит, например, один из плакатов»¹.

Итак, все в порядке. Билет на пароход куплен, деньги (25 тысяч франков, аванс, полученный в Госиздате под будущее Собрание сочинений) в кармане. Пароход отплывает 18—20 июня.

И тут произошла катастрофа. У него вытащили все деньги, все, до копейки. Прихватили и бумажник со всеми бумагами. «Я никогда не видела, чтобы на моих глазах кто-нибудь делался такого пепельного цвета»², — вспоминает Эльза Триоле, зашедшая к Маяковскому в гостиницу в ту минуту, когда он обнаружил кражу.

Денег «по молодости лет» Маяковскому было не слишком жалко. Но мысль, что путешествие опять сорвется и ему снова — в третий раз! — предстоит «дураком» вернуться домой, выводила его из себя.

Характер кражи наводит на размышления. Вор действовал «с необычайной талантливостью», сделал свое дело буквально в «двадцать секунд».

В префектуре, куда поэт обратился, только пожали плечами. Сказали, что по всем приметам «это очень известный по этим делам вор»³. «Известный», — значит, не так трудно его найти. Тем не менее все заявления Маяковского «не привели ни к чему».

Еще в первый приезд Маяковского в Париж вокруг него, наряду с неподдельным восторгом друзей,

---

¹ «Последние новости». Париж, 31 мая 1925 г.

² Цит. по кн.: В. Катанян. Рассказы о Маяковском. М., 1940, стр. 253.

³ В. В. Маяковский Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 76.

всегда «фимиамился» фальшивый восторг агентов полиции. С него не спускали глаз, следили за каждым шагом. Из мемуаров французских политических деятелей известно, что французская полиция уже тогда была тесно связана с соответствующими органами одной из заатлантических республик.

Все это как-то невольно вспоминается, когда думаешь о краже. Возможно, когда-нибудь французские архивы выдадут тайну. . .

К счастью, билет уцелел.

Госиздат разрешил Торгпредству СССР во Франции выдать за его счет Маяковскому новый аванс. Дыра в бюджете была заштопана, но долго еще потом пришлось Маяковскому расплачиваться за свою неосторожность. Занимать пришлось и в Мексике и в Нью-Йорке, возвращать долги не один год. В «Разговоре с фининспектором о поэзии» «авансы и займы» — невыдуманный образ, происхождение его не требует доказательств.

Телеграмма (13 июня 1925 г.):

«Госиздат. Москва.

Находящегося Париже отправляющегося Мексику Маяковского обокрели. Пароход уходит девятнадцатого билет куплен. Торгпредство ознакомившись заключенным им Госиздатом договором Полное собрание сочинений согласно выплатить Маяковскому сейчас двести червонцев с тем чтобы вы в ноябре декабре удержали причитающиеся ему эти месяцы двести червонцев каковые переведите нам не позже конца декабря

сего года. Телеграфируйте немедленно согласие. Выплатим получив оформленную расписку Маяковского какую-либо препроводим вам.

Зам. торгпред
Согласен

(подпись)
(Маяковский)»¹.

Письмо (Л. Ю. Брик):

«Завтра утром 8.40 выезжаю Сен-Назер (Бретань) и уже через 12 часов буду ночевать на пароходе. 21-го отплываю!

Спасибо большое за Гиз и извини за хлопоты. В прошлую среду (как раз, когда я тебе послал прошлое письмо) меня обокрали, как тебе известно, до копейки (оставили 3 франка — 30 коп.!) Вор снял номер против меня в Истрии, и когда я на двадцать секунд вышел по делам моего живота, он с необычайной талантливостью вытащил у меня все деньги и бумажники (с твоей карточкой, со всеми бумагами!) и скрылся из номера в неизвестном направлении. Все мои заявления не привели ни к чему. Только по приметам сказали, что это очень известный по этим делам вор. Денег по молодости лет не чересчур жалко. Но мысль, что мое путешествие прекратится, и я опять дураком приеду на твое посмешище, меня совершенно бесила. Сейчас все устроилось с помощью твоей и Гиза.

...Это я уже дописываю утром и через десять минут мне ехать на вокзал»².

¹ В. Катанян. Рассказы о Маяковском. М., 1940, стр. 255.

² В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 75, 76.

Эльза Триоле вспоминает, что он собирался поехать вокруг света и с трудом накопил 25 000 франков. Вдруг, по неизвестной причине, он взял их из банка. Катастрофа разразилась назавтра же.

«Я зашла за ним с утра в его комнату. Он был в жилетке и ел свой утренний завтрак, свой «жамбон». Перед тем, как выйти, он надел пиджак, висевший на спинке стула, и машинальным жестом проверил — все ли в карманах, что ему нужно. И вдруг я увидела, как он побледнел. Я никогда не видела, чтобы на моих глазах кто-нибудь делался такого пепельного цвета. У него украли все деньги, целиком, его 25 тысяч франков. И вот он на первом же этапе его кругосветного путешествия, которое должно было продолжаться год, остался без единого франка в кармане.

Всякий попробовал бы найти денег на обратный билет в Москву и вернулся бы с легким стыдом и разлитием желчи. Но не Маяковский. Его подавленное состояние не длилось и часа. Уже по дороге в полицию, забывая на этот раз соразмерять свои шаги с моими, он говорил мне:

— Главное, ничего не менять в распорядке нашей жизни. Мы завтракаем в Гранд-Шомьер, после чего я пойду за покупками. . .

Он никогда не позволял жизни управлять собой. . .

..Маяковский начал раздобывать деньги, чтобы восстановить украденную сумму. Он находил их, где только мог. Он одалживал их у всех. И сейчас же это стало игрой.

— Сколько даст мне такой-то? Как ты думаешь? Двести? Я говорю: сто пятьдесят. Разница тебе.

А этот? Ничего? А я говорю: тысячу. Если он сколько-нибудь даст мне, ты должна мне двадцать франков.

Это было в 1925 году, во время Всемирной художественно-промышленной выставки, и в Париже было много советских русских.

Мы расценивали теперь людей по тому, как и сколько они давали денег и давали ли они их вообще. Люди, у которых были деньги и которые в них отказывали, переставали существовать для Маяковского. «Собаки!» — говорил он, выражая предельное отвращение жестами, плечами, лицом. И он начинал их преследовать. Он делал из них всеобщее посмешище в течение всего своего пребывания в Париже.

Бывали и такие, которые находили очень забавным, что с ним случилась такая история. «На всякого мудреца довольно простоты», — повторяли они с высоты своей премудрости, широко улыбаясь.

Если же, наоборот, кто-нибудь давал Маяковскому больше, чем он предполагал, то он становился в обращении с этим человеком очаровательным¹.

3

21 июня 1925 года на борт парохода «Эспань», отплывавшего из Сен-Назера (Франция) в обычный рейс к берегам Латинской Америки, взошел высоченного роста пассажир с суровым выражением лица и

---

¹ Цит. по кн.: В. Катанян. Рассказы о Маяковском. М., 1940, стр. 253—254.

глубоко пронизательными темно-кариими глазами. Рейс был обычный, но пассажир, взошедший в этот день на борт корабля, отличался от других не только внешними данными.

По возвращении из Америки Маяковский выступил с докладом о своем путешествии. Читал стихи. Один из слушавших запомнил такие строки:

Проходили тысячи пароходов,
но с поэтом пароход шел первый раз.

Таких строк у Маяковского нет. Но, может быть, были?

Во всяком случае, они очень верно выражают суть.

...«Эспань» отошел от берега. Плыть предстояло 16 дней. Значит, высчитывал Маяковский, ответ на письмо, опущенное по приезде в Мексику, он получит только через 40 дней. В какую даль ему предстояло забраться! «Это и есть чертовы куличики, — писал он. — Даже целые куличи!»¹

22 июня на горизонте показался Сантандер — последний европейский порт перед выходом в океан. Остановка. «Пароход до двенадцати уголь ел и пресную воду пил».

На берег Маяковского не пустили — дипломатические отношения с Испанией оставались разорванными. Тем не менее в записной книжке появилось первое стихотворение.

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 74.

Сантандер не только порт и центр одноименной провинции. Это еще и один из самых известных курортов Испании. Десятки тысяч людей съезжаются сюда во время купального сезона.

Пристально вглядывался Маяковский в испанский берег.

Ты — я думал — райский сад...

«Испания» не случайно открывает цикл «американских» стихов. Когда Маяковский вернулся из-за границы, его часто спрашивали, особенно девушки: «Ах, какой вы счастливый, вы были в Испании, какая очаровательная страна! Там тореадоры, быки, испанки и вообще много страсти».

«Я тоже был готов к тому, чтобы увидеть что-нибудь в этом роде, — рассказывал поэт. — Но ничего подобного. Пароход подплыл к испанскому берегу, и первое, что мне бросилось в глаза, это довольно прозаическая вывеска грязного склада «Леопольдо Пардо». Правда, веера у испанок есть, — жарко, вполне понятно. А так ровно ничего примечательного, если не считать, что по-русски — телефон, а по-испански — телефонос...»¹

Стихотворение разрушает экзотические представления об Испании и разной другой «заграничности», и в этом смысле оно до некоторой степени программное, несмотря на шуточный конец.

Письмо, отправленное 22 июня из Сантандера:

«Так как показалась Испания, пользуюсь случаем

---

¹ П. Лавут. Маяковский едет по Союзу. М., 1963, стр. 17.

известить вас, что я ее благополучно сейчас огибаю и даже захожу в какой-то маленький портик, — смотри на карте Santander.

Мой «Эспань» — пароходик ничего. Русских не обнаружено пока. Едут мужчины в подтяжках и с поясом сразу (оне испанцы) и какие-то женщины в огромных серьгах (оне испанки). Бегают две коротких собачки. Японские, но рыженькие, обе одинаковые...»¹

«...«Повел пароход окованным носом... Европа скрылась, мельчась». Атлантический океан.

Один день океана, другой. «Бегут по бортам водяные глыбы, огромные как года...»

В Сантандере на борт парохода взошло несколько новых пассажиров. Маяковский приглядывается к ним. В записной книжке появляются «6 монахинь».

Откуда взялось на пароходе столько ревностных дочерей равноапостольной римско-католической церкви?

За несколько месяцев до поездки Маяковского, в декабре, в Риме начался так называемый «папский год». Пышная процессия во главе с «наместником Христа на земле» подошла к собору св. Петра. Так называемые «святые ворота» закрывала стена, замурованная 25 лет назад. Папа трижды постучал золотым молоточком по стене, ее быстро разобрали, и процессия вошла в храм. Так начался по традиции «папский год».

Около семисот лет назад папа Бонифаций специ-

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 76.

...Шел двенадцатый день путешествия. В записной книжке Маяковского он отмечен новым стихотворением. Грустно-ироническое, одновременно философское, одно из немногих подобного рода в творчестве поэта. Об ушедшей ли молодости, о чем-то еще, ведомом ему одному...

Я родился,
рос,
кормили соскою, —
жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

При каких обстоятельствах было написано стихотворение? Прежде чем прочитать его, Маяковский рассказывал по возвращении на родину о своем плавании и о том, что испытывал он в этот день: «Я огибаю Азорские острова, — говорил поэт. — И как это ни странно — впервые взгрустнулось — мне, поэту, никогда не грустившему. Здесь я плыву. А дальше? И Азорские плывут. И я впервые в жизни задумался — о жизни, о прожитом пути. И на этом самом месте я написал стихотворение, которое называется «Мелкая философия на глубоких местах».

Прошло еще два дня. «Пароход подошел, завыл, погудел и скован, как каторжник беглый». Куба...

Этот день отразился в творчестве Маяковского стихотворениями «Блэк энд уайт», «Сифилис», очерком «Гавана». «Сифилис» написан по возвращении на

родину, «Блек энд уайт» ошибочно датирован в записной книжке «5.VI».

Отвечая, почти год спустя, на вопрос: «А что вы пишете?» — и перечислив ряд написанных им за последнее время произведений, Маяковский продолжал:

«Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас, такова поэма «Сифилис»... Это стих о занятиях прогнивших хозяев в завоеванных долларом колониях»¹.

...Американские колонизаторы появились на Кубе в конце XIX века. Они отобрали ее у испанских. Война с Испанией знаменовала для США переход к активной борьбе за передел мира.

«1898: Испано-американская война. (Грабят Кубу и Филиппины.)»² — отмечал Ленин.

Маяковский побывал на Кубе в 1925 году. Именно в этот период шло особенно усиленное «освоение» Кубы американскими колонизаторами. За один только прошлый 1924 год их капиталовложения в сахарную промышленность острова составили 750 миллионов долларов. К 1927 году эта сумма вырастет до полутора миллиардов.

Если
Гавану
окинуть мигом —
рай-страна,
страна, что надо. . .

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 123.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 669.

«Энри Клей энд Бок лимитейд», Брэгг и другие «короли» превратили жизнь на ней для основного населения Кубы в ад. Делясь с советскими людьми впечатлениями о поездке, Маяковский особо отметил отношение американцев к жителям колоний. «Несмотря на «демократизм» Америки, сказал поэт, это по-прежнему рабы, парии, «низшие» существа, которым американские эксплуататоры на каждом шагу показывают свой увесистый кулак.

«Помните, — обратился Маяковский к аудитории, — что в случае интервенции из нас сделают таких же рабов. Поэтому не выпускайте из рук винтовки»¹.

Эти слова, свидетельствует газета, поместившая отчет о выступлении, были покрыты громом аплодисментов.

Письмо, написанное на пароходе, адресовано Л. Ю. Брик:

«Получаешь ли ты мои (2) дорожные письма? Сейчас подходим к острову Кубе — порт Гавана (которая сигары), будем стоять день-два. Пользуюсь случаем еще раз безнадежно сунуть в ящик письмо.

Жара несносная!

Сейчас как раз прем через Тропик.

Самой Козероги (в честь которой назван этот тропик), впрочем, я пока еще не видел. Направо начинает выявляться первая настоящая земля Флорида (если не считать мелочь, вроде Азорских островов). Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что

---

¹ Газета «Известия». Саратов, 2 февраля 1927 г.

очень трудно, так как, за неимением одесситов, трудно узнать, как уменьшительное от Христофор. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках дело героическое.

Нельзя сказать, чтоб на пароходе мне было очень весело. 12 дней воды это хорошо для рыб и для профессионалов открывателей, а для сухопутных это много. Разговаривать по-франц(узски) и по-испански я не выучился, но зато выработал выразительность лица, т. к. объясняюсь мимикой.

...Телеграфируй мне обязательно твое здоровье и дела. Адреса нашего посольства я, к сожалению, не знаю. Справься в Наркоминделе. Кажется, телеграфный адрес: Мексика (город), Дельсовпра (делегация сов(етского) прав(ительства)).

Много работаю...»¹

Один только день провел Маяковский на Кубе. Времени у него было в обрез. «Ровно столько, — пишет беседовавший с ним неделю спустя в Мексике Хозе Д. Фриас, — чтобы ухватить основной закон существования этой истерзанной жестокими «цивилизаторами» страны... И его оценка сусально раззолоченного быта гаванцев выкристаллизовалась в высказываниях, публикуемых сегодня в «Эль универсаль иллюстрадо» — органе передовых литературных тенденций Мексики»².

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 77.

² Хозе Д. Фриас. Новая лирика. Русский поэт Владимир Маяковский. «Эль универсаль иллюстрадо». Мехико, 25 июля 1925 г.

На этом заявлении считаем необходимым особо остановиться. О каких высказываниях идет речь?

Вырезку из журнала, в котором была напечатана беседа с Фриасом, Маяковский привез с собой в Москву. Она хранится в альбоме. Ни названия журнала, ни даты выхода по ней нельзя установить. Что это за журнал?

Мы предположили, что это «Анторча» («Факел»), тот самый «Факел», о котором Маяковский упоминает в «Моем открытии Америки» (в главе о Мексике). Нашим предположением мы поделились с другими исследователями.

Начались поиски «Эль универсаль иллюстрадо». Поиски продолжались несколько лет. Нигде в Советском Союзе не нашлось этого журнала.

Обратились в библиотеку Конгресса США. Был прислан микрофильм июльских номеров, но никаких «высказываний» Маяковского мы в нем не обнаружили.

Зато неожиданно выяснилось, что именно в «Эль универсаль иллюстрадо» (а не в «Анторче») был напечатан очерк Фриаса, вырезку с которым Маяковский сохранил. Одна загадка была разрешена. Немедленно возникла другая.

Заявление Фриаса звучит ясно и недвусмысленно. «Высказывания» были.

Может быть, они напечатаны в каком-либо из августовских номеров? Это предстоит еще выяснить. Даже если ничего нового в них нет, если это отрывок из очерка «Гавана» (очерки, как и стихи, писались в пути), — все равно это представляет огромный интерес.

...Одна фамилия, встречающаяся в стихотворении «Блэк энд уайт» (так же, как и в очерке), приковала к себе более двадцати лет назад всеобщее внимание.

В 1948 г. в Германии был издан сборник переводов произведений Маяковского на немецкий язык. В числе других произведений в него вошло и «Блэк энд уайт».

Сборник уже поступил в продажу, как вдруг верховный комиссар США в Германии Люшьес Клей запретил его.

И тут выяснилось любопытное обстоятельство. Автор запрета и «сигарный король» Кубы Энри Клей, у дома которого стоял со щеткой негр Вилли из стихотворения Маяковского «Блэк энд уайт», — близкие родственники.

Это пролило новый свет на стихотворение, заставило заинтересоваться биографией генерала.

Кто же такой Люшьес Клей?

Родившись в Мариетте, в апреле 1897 года, он еще юношей избрал военную карьеру. Окончил военную академию (1918), служил в инженерных войсках в штабе Макартура на Филиппинах. На каком-то этапе военной службы подружился с Эйзенхауэром.

Возвращаясь после войны в США, Эйзенхауэр оставил вместо себя Клея. Клей командует американскими оккупационными войсками в Германии, представляет США в Союзной комиссии (1947—1949).

Именно Клей дал указания об освобождении из тюрьмы Круппа. Он был одним из застрельщиков раскола Германии, возрождения герман-

ского милитаризма, одним из авторов «холодной войны».

Это Клей организовал радиостанцию «Свободная Европа» в Мюнхене. «Если ее деятельность, — говорил он, — вызовет в странах народной демократии подпольные движения, мы не будем удивлены». И добавил: «Нет пределов тому, что мы можем сделать» для свержения советской и народно-демократической власти «и еще сделаем».

Лишнее подтверждение актуальности творчества Маяковского, его полной неприемлемости для врагов советской власти.

Длинной полосой вытянулась Куба вдоль южной оконечности Североамериканского континента. Отсюда совсем рукой подать до США — Флорида рядом, всего 165 километров. Между островом и материком сообщение поддерживалось при помощи парома.

«С завистью» смотрел Маяковский на железнодорожные огни Флориды. Близок локоть, да не укусишь. Удастся ли ему попасть в США? Уверенности не было. Все, что он слышал на пароходе о порядках, связанных с допуском в США иностранцев (рассказ эмигрировавшей одесской машинистки), только усилило его сомнения.

..Когда он спускался на берег в Гаване, пошел дождь, никогда не виданный им раньше «тропический дождина». Спасся в пакгаузе. Таинственно белели на ящиках с виски какие-то надписи. Он прочел: «Кинг Жорж», «Блэк энд уайт», «Уайт хорс».

Одна из них стала названием его стихотворения.
... Уже написан «Христофор Колумб», написан, не-
смотря на жару, тропическую не в переносном, а в
прямом смысле слова.

8 июля... Вера-Крус. Мексика.

С кольцом экватора
вставал в медной ноздре
материк индейцев.

2

В Мексике с Маяковским произошел случай, о котором сам он почему-то ни словом не обмолвился в книге очерков «Мое открытие Америки», — может быть, потому, что не придавал ему тогда значения, — но который тем не менее заслуживает, на мой взгляд, внимания читателей.

Стоило Маяковскому очутиться в столице Мексики, как к нему явился корреспондент одной из самых распространенных мексиканских газет — «Эксцельсиор». Интервью с поэтом было напечатано на другой день после его приезда туда. Вот это интервью:

«Владимир Маяковский, самый известный из современных русских поэтов, прибыл вчера в нашу столицу и был встречен на станции представителем Советского посольства, в доме которого он и поселился, как почетный гость.

Внимание, предметом которого сделался прославленный поэт, побудило нас обратиться к нему за

интервью, представляющим, несомненно, тем больший интерес, что его страна давно уже являет цель, к которой устремлены глаза всего мира с тех пор, как в ней произошла великая революция большевиков.

Поэт беседовал, при помощи переводчика, с мексиканским художником Диего Ривера, когда мы пришли в посольство за интервью. Мы тотчас же приступили к цели своего визита.

Секретарь посольства, г. Волынский, предупредил нас, что Маяковский изъясняется только по-русски. Когда мы выразили свое удивление по поводу того, как это он смог пересечь океан и столько стран по пути без помощи переводчика, Маяковский ответил, что играл на пароходе для времяпровождения в «покер».

Это — интернациональная игра, объяснил он, вот почему он остановился на ней, чтобы во время игры перекинуться хоть парой словечек со своими партнерами.

Сделав это любопытное сообщение, г. Маяковский рассказал о том интересе, который он всегда испытывал по отношению к Мексике, выразил удовлетворение, что его давнее желание посетить эту страну наконец осуществилось, и заявил, что намерен пробыть здесь не больше месяца.

«В России очень интересуются мексиканским темпераментом», — сказал поэт и добавил, что интеллигенция в его стране с большим вниманием изучает все, что касается Мексики: ее быт и нравы, литературное и общественное движение и т. д.

Маяковский собирается написать книгу о Мексике.

Он сказал, что уже приступил к работе... Речь будет идти исключительно о традициях мексиканцев, и он постарается выразить в своих стихотворениях их национальный дух и характер.

Мы спросили у Маяковского, нет ли у него каких-либо поручений от правительства его страны и не состоит ли он в партии? Он ответил в том смысле, что уже давно отошел от официальной деятельности; его путешествие имеет целью лишь удовлетворение очень живого желания ознакомиться с нашей страной.

— Это — первый случай, когда я оставил Европу и направился прямо в Мексику, — сказал поэт. — Я знал, что встречу здесь прием лучший, чем в какой-либо другой стране Америки.

Из своих последних произведений он назвал в первую очередь «Атлантический океан» и «Париж».

— Если в них есть какие-либо тенденции, — сказал он, — то это потому, что без тенденции вообще ничего нельзя писать.

Насколько он дал нам понять, русская литература основана исключительно на темах общественных и благожелательно относится к существующему в России строю.

Один из соотечественников поэта, работавших в посольстве, произнес целую речь в честь поэта, рассматривая его как наиболее выдающееся явление современной литературы. Он сказал, что в России нет дома, где не знали бы и не читали с огромным удовольствием стихи поэта.

Мы расстались с Маяковским после этого короткого интервью, а он возобновил беседу с художни-

ком, о котором у нас идет сейчас так много споров»¹.

Здесь нет еще ни слова о случае, с упоминания о котором я начал эту главу. Но вот передо мной другой текст — на английском языке — из газеты, название которой не сразу удалось установить. Содержание ее почти дословно совпадает с первой, и можно предположить, что автором обеих корреспонденций было одно и то же лицо. Но есть в ней и кое-что новое.

«Владимир Маяковский, наиболее известный из современных русских поэтов, прибыл в столицу, — говорится во второй корреспонденции. — Ему был оказан прием членами местного Советского посольства.

Маяковский прибыл в Мексику вчера. Его посетил в Советском посольстве корреспондент «Эксцельсиор». Когда ему задан был через первого секретаря посольства, Виктора Вольтинского, вопрос, — он ответил, что его миссия в Мексике носит чисто литературный характер и не имеет какого-либо политического значения. Он заявил, однако, что все произведения литературы в России после революции носят политическую окраску. . .

Маяковский — человек физически очень сильный. Во время интервью он сидел на складном корабельном стуле, слишком узком для него, на крыше посольства. По-видимому, он является почетным гостем Советского посольства. В обществе советских дипло-

---

¹ «Известный русский поэт прибыл в нашу столицу. Владимир Маяковский находится здесь со вчерашнего дня». Газета «Эксцельсиор», 10 июля 1925 г.

матических представителей он собирается провести здесь целый месяц. По словам членов посольства, за пределами России он сравнительно мало известен, зато у них в стране он — «притча во языцах».

Маяковский заявил, что собирается написать стихи и прозу о Мексике»¹.

Должно быть, корреспондент «Эксцельсиор» поделился со своим коллегой из той же газеты, выходящей и на английском языке (название в вырезке отсутствует), сведениями, полученными им у поэта. Тот по какой-то причине не мог попасть вовремя к поэту, а откладывать интервью на завтра было нельзя — свежую новость нужно подать в газету немедленно.

А может быть, были другие причины, сейчас трудно сказать.

Так в один день в газетах появилось два интервью: одно на испанском языке, второе — на английском.

Текстуально, как нетрудно заметить, второе интервью почти полностью совпадает с первым, но есть в нем одна особенность: конец.

Прочтем его. «У Маяковского спросили, — пишет газета, — верно ли, что его встретил по прибытии парохода в Вера-Крус радикальный деятель Эрон Проаль?»

На этот вопрос ответил вместо Маяковского Диего Ривера, присутствовавший при большей части интервью. Он сказал, что то был не знаменитый агитатор, чье имя Эрон Проаль, а его, Ривера, друг —

---

¹ «Советский поэт посетил Мексику. Владимир Маяковский почетный гость советского посольства. Никакой официальной миссии. Он хотел бы, если это окажется возможным, посетить также США». «Эксцельсиор», 10 июля 1925 г.

комиссионер Хуан Проаль, которого он по телеграфу попросил встретить Маяковского на пристани в Вера-Крусе, как только тот сойдет на берег.

Без всякой видимой связи с предыдущим Маяковскому был тут же задан другой вопрос:

— А не собираетесь ли вы также посетить США, поскольку вы уже прибыли в Новый Свет? — Маяковский ответил, пишет газета, что он «охотно поехал бы туда, если бы его пустили, но что он отнюдь не собирается использовать представляющийся ему удобный случай пересечь Рио-Грандэ, если этот случай не будет ему предоставлен вполне легально».

Пусть вспомнит теперь читатель, что говорится о Проале в книге очерков «Мое открытие Америки». Есть в этой книге такая страница. Маяковский ходит в Вера-Крусе на берег и видит вместо стройных, мужественных аборигенов, населявших некогда эту сказочно богатую страну, сотни низкорослых, изможденных людей. Поэт пишет:

«— Где же индейцы? — спросил я соседа.

— Это индейцы, — сказал сосед.

Я лет до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду. И вот стою, оторопев, как будто перед моими глазами павлинов переделывают в куриц.

Я был хорошо вознагражден за первое разочарование. Сейчас же за таможенной пошла непонятная, своя, изумляющая жизнь.

Первое — красное знамя с серпом и молотом в окне двухэтажного дома.

Ни к каким советским консульствам это знамя никак не относится. Это «организация Проалья». Мексиканец въезжает в квартиру и выкидывает флаг.

Это значит:

«Въехал с удовольствием, а за квартиру платить не буду». Вот и все.

Попробуй — вышиби»¹.

Как с полной очевидностью вытекает из этого текста, «организация Проалья» представляла собой нечто вроде объединения беднейших квартиронанимателей для отпора домовладельцам, дравшим с них семь шкур. Можно не сомневаться, какой популярностью должна была пользоваться организация в глазах народа и какой ненавистью — в лагере реакции.

Вот эту-то ненависть кое-кто и попытался, судя по всему, использовать в своих интересах. Маяковский все же рассказал о случившейся с ним в Мексике истории — рассказал, правда, очень глухо и скупое, если судить только по газетному отчету — по возвращении на родину, в Москву.

«Меня встречал некий Проаль, — сказал, по словам корреспондентов, поэт, — и из-за этого вышел целый скандал. Мексиканцы вообразили, что я «подслан Москвой» поддерживать организацию неплательщиков, одним из председателей которой был тоже Проаль»².

Было, стало быть, какой-то «скандал», кто-то пытался спекулировать на совпадении фамилий радикального мексиканского деятеля и рядового купца, кто-то явно хотел спровоцировать Маяковского и поднять

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 272.

² «Мое путешествие». «Новая вечерняя газета». Ленинград, 9 декабря 1925 г.

вокруг его имени очередной шум насчет пресловутой «руки Кремля»...

Кто? Ответить на этот вопрос нетрудно, если вспомнить некоторые особенности политической жизни Мексики, с достаточной ясностью обрисованные Маяковским.

2

Один день жил Маяковский в гостинице в столице Соединенных Штатов Мексики. Затем переехал в полпредство. «Во-первых, это приятней, потому что и дом хороший, и от других полпредств отличается чрезвычайной малолюдностью... В-третьих, и денег нет, а здесь складчина по 2 песо (2 руб.) в день, что при мексиканской дороговизне — сказочно»¹.

Мы попытались разыскать кого-либо из людей, встречавшихся с Маяковским в Мексике. В Библиотеке-музее поэта нам сообщили адрес М. Н. Пестковской — вдовы первого советского посла в Западном полушарии.

Мария Наумовна сохранила в своей памяти много деталей, связанных с пребыванием Маяковского в Мексике более сорока лет назад. Некоторые подробности сообщила и ее дочь, Евгения Станиславовна, которой в то время было шесть лет.

С приездом Маяковского в Мексику, вспоминает М. Н. Пестковская, жизнь маленькой советской колонии в этой стране оживилась. Как и в столицах других стран мира, где ему довелось побывать, он пришел

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 78.

сюда, на этот клочок родной советской земли, в полпредство, и вместе с ним под крышу полпредства вошла сама большая, радостная, шумная, московская жизнь.

Улица дель Рино, 37, где помещалось полпредство, — зеленая, нарядная, вся застроенная небольшими, в два-три этажа, особняками. Много цветов, света, воздуха. Улица выходит на дель Пасио — центр города — с двумя площадями, одна неподалеку от другой. Два памятника украшают площадь: колонна Независимости и памятник Гватемоку, национальному герою Мексики.

Здание полпредства — тоже двухэтажное, с плоской крышей, на которой Маяковский любил сидеть. Посреди крыши — надстройка, где жил один из сотрудников полпредства, Витас, принятый на работу уже здесь, на месте.

Узкий, полосатый шезлонг, тотчас оккупированный поэтом. Мы видим его на фотографии, которую Маяковский привез с собой.

В здание и на крышу вела лестница с балюстрадой, которую мы видим на ряде снимков. Позади рос кактус.

Штат полпредства был и в самом деле крайне многочисленный, наиболее интересную фигуру, в глазах Маяковского, несомненно, представлял сам полпред.

С. С. Пестковский прожил яркую жизнь профессионального революционера ленинской складки. В таких людей Маяковский влюблялся сразу, едва познакомившись с ними.

По национальности поляк, Пестковский рано всту-

пил на путь революционной борьбы. К рабочему движению он примкнул восемнадцати лет, с 1902 года состоял в с.-д. партии Польши и Литвы. Агитатор, пропагандист, организатор боевых дружин. Член Лодзинского, Ченстоховского, Варшавского, Домбровского комитетов партии. В 1906 году Пестковский попадает в тюрьму. Приговор: четыре года каторги. Бежит за границу, вступает в Британскую социалистическую партию.

Февральская революция. Пестковский возвращается в Россию. Принимает активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции — комиссар телеграфа в Петрограде. Заместитель народного комиссара национальностей, председатель Военно-революционного комитета Киргизии, начальник Политуправления Западного фронта в период войны с белополяками (1920).

Маяковский любил беседовать с полпредом. Много времени проводил Маяковский также в обществе первого секретаря, Леона Яковлевича Хайкиса. Хайкис работал с Пестковским еще в смешанной Советско-польской комиссии (1921). Он хорошо знал языки, оказал неоценимую помощь Маяковскому в Мексике.

Второй секретарь полпредства, Виктор Григорьевич Волынский, был знаком с Маяковским еще по Москве. У Марии Наумовны впечатление, что он чуть ли не на другой день после приезда поэта уехал на родину, а Маяковский поселился в его комнатах, очень скромно обставленных, на первом этаже. Рядом с комнатами находилась приемная полпредства, спальня, столовая, детская.

Третий сотрудник, Цейтлин, исполнял обязанности машинистки.

Витас был очень высок. Маяковского поразило его рост, Маяковского, неизменно поражавшего других! Он плохо говорил по-русски, зато знал английский и испанский языки. Рабочий по социальному положению. На правой руке у него не хватало двух пальцев — следы какого-то ранения.

Не вмешиваясь в политическую жизнь Мексики, строго блюдя ее обычаи и традиции, полпредство скоро стало тем центром, куда потянулись лучшие люди страны. Маяковский встречался здесь с секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Карйо, с индейцем, редактором «железнодорожного» журнала, художником Халифом Герреро — позже он учился в Международной ленинской школе в Москве, — с Гальвано, Морено, Диего Риверой, многими другими. Шутили, смеялись, пели песни — жизнь была ключом.

Многие заходили сюда запросто, как в родную семью. Часто заглядывал, например, сенатор Монсон, о котором упоминает Маяковский. Он приходил обычно в сопровождении многочисленного потомства — четыре сына и четыре дочери, младшую за маленький рост звали «Блошкой». Садился на диван, притворно вздыхал, приговаривал: «Бедный я, бедный, никто меня не любит, не жалеет». Тотчас же с радостным визгом детвора бросалась на него, «Блошка» забиралась на колени, и начиналась веселая возня...

«Делегат Крестинтерна товарищ Гальван» именно здесь показывал Маяковскому «предвыборные

листки с его же стихами, за грош продающимися на рынках» и приспособленными «к распеву на какой-нибудь общеизвестный мотив». Урсуло Гальвано возглавлял Крестьянскую лигу Мексики, был избран в сенат. В 1923 году Гальвано ездил в Москву, принимал участие в первой Международной крестьянской конференции, основавшей Крестьянский интернационал. Избирался в президиум конференции, выступил с яркой речью от имени мексиканских крестьян, в которой горячо приветствовал трудящихся России. За последние десять лет, говорил он, мы, в Мексике, накопили огромный опыт революционной борьбы, но еще больше дала нам русская революция. Это неоспоримо: годы, истекшие с момента Октября, были годами наивысшего подъема революционного движения не только в Мексике, но и в других странах Америки.

Гальвано обещал по возвращении на родину приложить все силы, чтобы вовлечь в движение также и тех трудящихся, до сознания которых еще не дошло, что американский капитал хочет задушить их, и создать крепкую организацию, способную возглавить борьбу с капиталистами.

Среди гостей полпредства М. Н. Пестковская называет и американских коммунистов, супругов Вольф. Эли Вольф любила фотографировать Маяковского; в частности, снимок на крыше принадлежит ей.

Мария Наумовна приносит еще какой-то снимок. А это вот она сама, говорит М. Н., в ту минуту, когда она фотографирует Маяковского. «Кто-то еще щелкнул в этот момент аппаратом, не помню, кто».

В семейном архиве Пестковских сохранилось много других снимков, сделанных Эли Вольф и еще каким-то фотолюбителем. Маяковский и Карио, Маяковский и Витас. Групповой снимок: М. Н., Хайкис, Герреро, Карио, мексиканская работница Мария Гонзалес — частый гость полпредства, няня Е. С. — Эна Дина. Ребятишки. Снимал Витас. Те же и Витас. Снимал Герреро. С. С. Пестковский с дочерью. Вольф, Витас, Эли Вольф, Хайкис и Цейтлин в саду. Хайкис и Витас на крыше полпредства. С. С. Пестковский в гостях у бывшего министра земледелия Мексики сенатора Негри.

Особый интерес представляет сохранившийся у Пестковских альбом с видами Мексики — этим альбомом пользовался Маяковский, иллюстрируя стихи и очерки о Мексике по возвращении домой. (Издан альбом в 1923 году художественной фотостудией Гуго Брэма в Мексике. Тисненый золотом переплет, до 200 снимков, изображающих здания, памятники, типы, природу Мексики. Способ изготовления — меццо-тинто. Текст — подписи под фотографиями и предисловие — на четырех языках: испанском, французском, немецком, английском.)

Открывается альбом видом на площадь Сокало, упоминаемую Маяковским в стихотворении «Богомольное». А вот и сам собор, описанный в стихотворении.

Кафедраль —

богомольнейший из монашых

институтцев...

Вход в Кафедраль, интерьер, другой. Выхода с другой стороны, которым воспользовалась донна

Эсперанца Хуан-де-Лопец, чтобы наставить рога мужу, в альбоме нет.

Здесь памятники Карлу IV и Колумбу, Независимости и Гватемоку, пейзажи Чапультапека, по аллеям которого, «Фордом разжигая жениховский аппетит, кружат дочери» мексиканских мамаш и папаш...

В здании полпредства познакомился и подружился Маяковский с Морено.

3

Франциско И. Морено сохранился в памяти Пестковской всегда одетым в короткую темную куртку, такие же штаны в обтяжку. Широкий кожаный пояс, револьвер в кобуре из тисненой кожи на поясе. «Очень черный и смуглый». Часто делился впечатлениями о палате депутатов, членом которой он был, скандалах, происходивших там на его глазах, спорах, в которых ему приходилось участвовать.

Морено показывал Маяковскому «кварталы бедняков, мелких подмастерьев, безработных». Рассказывал — да Маяковский и сам видел это, — во что превратилась Мексика, эта «обобранная американскими цивилизующими империалистами страна, — страна, в которой до открытия Америки валяющееся серебро даже не считалось драгоценным металлом». Они охотно сфотографировались вместе, этот снимок часто воспроизводился в печати: великий поэт обнимает за плечи молодого мексиканца.

Морено вписал в записную книжку Маяковского горячий привет русским рабочим и крестьянам.

Уже находясь в Нью-Йорке, Маяковский прочел в газетах, что «товарищ Морено убит правительственными убийцами».

При каких обстоятельствах произошло убийство?

В газете «Дейли уоркер», в одном из номеров за сентябрь 1925 года, мы обнаружили первое сообщение о нем, — очевидно, то самое, которое прочел Маяковский. Оно озаглавлено: «Сенсационное убийство мексиканского политического деятеля».

«В правительственном дворце в Джалапе, — говорится в телеграмме, — убит политический лидер штата Вера-Крус Франциско Морено. Полагают, что расправа с ним вызвана его оппозицией губернатору штата Джаре.

Гибель Морено вызвала большую сенсацию в Мексике, так как ее связывают с предстоящим приездом президента Кайеса в гости к губернатору, вместе со всей семьей»¹.

Сообщение датировано 15 сентября. Спустя два дня корреспондент «Дейли уоркер» отправил в свою редакцию новую телеграмму. Вот она:

«Мексико, 17 сентября. — Франциско Морено приобрел недавно широкую известность в народе разоблачением взятки в миллион песо, полученной губернатором штата Джарой и его коллегами от американской нефтяной компании, добивавшейся концессии на нефтеносные земли. Джара прикидывался до сих пор революционером и однажды даже откликнулся на лозунг, провозглашенный кем-то на массовом кре-

---

¹ «Дейли уоркер». Нью-Йорк, 16 сентября 1925 г.

стьянском собрании, где он присутствовал: «Да здравствует большевистский губернатор!»

Год назад Морено вступил в коммунистическую партию. Избрание в парламент помогло ему разобраться в механике политики «социалистических» партий, у него открылись глаза на их коррупцию. Вступив в партию, он верно следовал ее заветам (убийство подтвердило это), защищал в парламенте рабочих и крестьян. Как депутат, он получал большое жалование. Большую часть денег он отдавал партии, крестьянской лиге штата Вера-Крус, другим рабочим и крестьянским организациям... По профессии Морено был железнодорожником, он считался одним из активнейших лидеров профсоюза работников железных дорог. Впервые он был избран в парламент от псевдорбочей партии, руководившей профсоюзом, и понадобилось лишь несколько месяцев, чтобы он политически созрел, порвал с этой партией и вступил в коммунистическую.

Недовольство рабочих и крестьян штата Вера-Крус и всей страны предательской политикой правительства Кайеса растет с каждым днем. В деле Морено это правительство еще раз показало себя в роли тирана, маскирующегося «левыми» фразами и держащегося у власти при помощи убийств и ссылок.

В мексиканском народе широко распространена поговорка о том, что правительство применяет «33» для иностранцев и «30—33» для тех мексиканцев, кто находится в оппозиции к нему («33» — это статья закона, дающая право сослать любого неугодного человека, «30—33» — небольшая извилинка в стволе ре-

улицу дель Пасио по диагонали. В этом смысле Маяковский точен.

Интерес Маяковского к истории Мексики не ограничивался памятниками. Еще жив был в народе светлый образ Эмилиано Сапаты (1877—1919), одного из благороднейших, наиболее честных и последовательных вождей мексиканской революции 1910—1917 годов.

Сын испольщика, метис, Сапата возглавил в своем родном штате Морелосе стихийное восстание пеонов, охватившее вскоре весь юг страны. Партизанские отряды нападали на помещиков — асендадос, вступали в бой с войсками. Освободительная армия юга, в которой было много индейцев, во главе с Сапатай, соединившись с партизанскими частями Вилья, захватила в 1914 году столицу.

Сапата пользовался необыкновенной популярностью в народе. Единственный из всех вождей революции, он ничего не брал для себя лично из отобранного у помещиков, все отдавал народу. Отличался скромностью и бескорыстностью, воззвания, исходившие от него, были написаны простым, народным языком, пользовались большим успехом. «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» — этот лозунг Сапаты был подхвачен спустя двадцать пять лет, во время испанской революции, Долорес Ибаррури.

Сапата горячо приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России. Реакция не простила ему этого. Он был убит подло, предательски, из-за угла, как спустя шесть лет Морено.

Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное развитие ацтеков. Но культура страны не умерла. Едва ли не самым блестящим представителем ее стал в нашем веке великий мексиканский художник Диего Ривера (1886—1957).

В 1956 году семидесятилетний монументалист приехал в Москву и поделился воспоминаниями о Маяковском.

Когда Маяковский приехал в Мексику, пишет Диего Ривера, нас всех «пленили энтузиазм великого поэта, его сердечность, доброта, в которой чувствовалась большая сила. Все хотели слышать его могучий голос, хотя и не могли понимать слов»¹.

Могучий голос поэта особенно часто раздавался под сводами дома автора знаменитых фресок. Уезжая, Маяковский захватил с собой много репродукций с фресок Риверы, он иллюстрировал ими свою книгу и отрывки из нее, напечатанные в журналах. В «Моем открытии Америки» напечатана репродукция с фрески Диего Ривера «Обучение под охраной вооруженного народа». Очерк Маяковского «Моя встреча с Диего Ривера» иллюстрирован в журнале «Красная нива» пятью репродукциями: 1. Литье. 2. Завод. 3. Похороны рабочего. 4 Сбор плодов. 5. Вождь мексиканского аграрного движения, убитый в 1916 году.

Вероятно по инициативе Маяковского, в том же номере журнала была напечатана статья Я. Т-да (Тугенхольда) «Диего Ривейра, художник мексикан-

---

¹ «Воспоминания Диего Ривера». Рукопись (1956). Государственная библиотека-музей В. В. Маяковского.

ского пролетариата». В конце этой статьи мы читаем:

«Ривейра— подлинный выразитель и глашатай идеалов широких трудовых масс Мексики — тех масс, до которых уже докатилась через океан и горы весть с Востока, имя которой — «Ленин».

Все это делает живопись Ривейры чрезвычайно интересной в наших глазах, и вот почему редакция печатает ниже строки живых впечатлений, вынесенных тов. Маяковским от недавнего его свидания с Диего Ривейрой».

В своих воспоминаниях о Маяковском Диего Ривера приводит не один «любопытный эпизод, непонятный для людей, не знающих Мексики того времени»¹.

Таких «любопытных» эпизодов в стихах и очерке Маяковского о Мексике немало. Нас заинтересовали в стихотворении «Мексика» строки: «Наверху министры в бриллиантовом огне. . .»

Что они означают?

В очерке Маяковский чуть-чуть приподнимает завесу. Упомянув о реформистской «рабочей партии» Мексики, пишет: «Интересна фигура деятеля. . . партии, министра труда Моронеса, которого все журналы рисуют с горящими бриллиантами во всех грудях и манжетах»².

..Рабочий-электрик по своему первоначальному социальному положению, Луис Моронес по «заслу-

---

¹ «Воспоминания Диего Ривера». Рукопись. Библиотека-музей В. В. Маяковского.

² «Красная нива», 1926, № 2.

гам» попал в поле зрения поэта. Это был пройдоха, каких мало. Выдвинувшись как один из руководителей профсоюзного движения, нажив небольшой политический капитал на преследованиях, которым он подвергался в первые годы деятельности со стороны правительства, Моронес быстро смекнул, что «быть министром Мексики» гораздо более «доходная профессия». Он создал конфедерацию по типу АФТ и стал фактически играть в ней роль диктатора.

Кайес пригласил его в члены своего кабинета. Моронес стал считаться «рабочим министром». Он ловко воспользовался своим положением. Его приближенные начали приобретать для себя и для него через подставных лиц гостиницы и другие доходные предприятия, поставлять штрейкбрехеров.

Моронес монопольно распоряжался кассой профсоюзов. На деньги рабочих он накупил бриллиантовых колец и стал украшать ими свои пальцы. Его спросили: «Зачем?», он ответил: «Это резервный фонд, которым рабочий класс сумеет воспользоваться в случае необходимости».

Как всякий ренегат рабочего движения, лютой ненавистью ненавидел Моронес страну Советов. Маяковский противопоставлял ему Гальвано, Морено, Карио. «Кроме таких «рабочих вождей», — писал он, имея в виду предателя, — есть и другие — водители молодой коммунистической партии Мексики...

Морено убили.

Но товарищи, стоящие рядом..., твердо верят и

знают, что над мексиканским арбузом... взметнется красное знамя первой коммунистической революции Америки»¹.

5

По чьей инициативе Маяковский встретился с министром просвещения Мексики? Была ли то инициатива Пестковского? Или Диего Ривера? А может быть, он пришел к министру по приглашению последнего? Рейес, несомненно, информировал министра о своей встрече с поэтом и о том, что Маяковский едет в Мексику.

Мануэль Пуиг Касауранк, известный журналист и издатель, бывший в то время министром, встретил Маяковского с исключительной любезностью. В записной книжке Маяковского (№ 32) сохранился след этой встречи. Запись, сделанная Касауранком (на испанском языке), свидетельствует о том, что ему не чужда была русская литература, что он внимательно следил за ее развитием. В записи, безусловно, нашел отражение разговор, состоявшийся в министерстве.

Вот эта запись:

«Русское литературное движение, с каждым днем все более вдохновляемое горестями народной жизни, в своем суровом изображении этих несчастий и в своем страстном желании социальных преобразований, заслуживает всяческого внимания и изучения.

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 348.

Только смело вступая в контакт с душою масс, чтобы найти свое спасение, мыслители и художники выполняют свою высокую миссию вождей духа»¹.

В Мексике у Маяковского произошло еще несколько встреч. Об одной из них свидетельствует уже упомянутая мною статья Хозе Д. Фриаса в журнале «Эль универсаль иллюстрадо».

«Я узнал, — говорится в статье, — что среди нас находится поэт — представитель новой молодой России, ее самого влиятельного литературного течения. Чтобы повидать его, было достаточно одного слова его друга, художника Диего Ривера.

Судьба, как всегда, благоприятствовала мне, и я застал Маяковского в обществе русского посла, в ту минуту, когда они обсуждали предстоящий визит к министру просвещения Мексики для беседы о московской литературе.

Это — сильный молодой человек высокого роста, чья мощь проявляется совершенно одинаково как в улыбке и взорах, так и в движениях, всегда очень ловких, несмотря на его корпуленцию. Я бы не удивился, если бы мне сказали, что излюбленный вид спорта Карпантье² не чужд его развитию. Меня поразила какая-то необыкновенная гармония между его физическими и духовными данными; он как бы олицетворяет собой известную пословицу: «здоровый дух — в здоровом теле».

---

¹ «Литературное наследство», т. 65. М., 1958, стр. 390.

² Карпантье был в 1925 году чемпионом мира по боксу. — С. К.

Когда читаешь его стихи и, особенно, когда слушаешь его самого, даже у самого предубежденного человека рождается ощущение могучей воли его народа, — народа, сыны которого показали пример всему человечеству, для которого нет ничего невозможного, несмотря на то, что его все время стремятся дискредитировать, так же как и революцию, которую он совершил и о которой мы до сих пор ничего не знаем, потому что все средства информации находятся в руках обманщиков.

Без всякой позы, исключительно благодаря своим природным данным — дыханию, которое чудодейственно ритмизирует и делает необыкновенно яркими все оттенки голоса, — подчиняет себе Маяковский слово настолько, что оно способно увлечь массу даже тогда, когда бывает предназначено для несравненно более узкого круга.

Представляю себе, как же должен звучать этот голос на площади, в буре митингов, как должен он действовать на народные массы, следящие за великолепным потоком его речи, как за лесным пожаром. Вспоминается фотография Ленина на трибуне: убеждая и проповедуя, вдохновляя и подымая массы, заставляя их колыхаться человеческие волны на московской площади.

Я навелstil Маяковского в русском посольстве. Он живет там на плоской крыше здания. Очевидно, такому человеку, как он, невыносимо пребывание в нижних этажах дома, особенно если учесть чудесное ожерелье гор, окружающих нашу долину и ежечасно предлагающих для обозрения лучшие сокровища своей коллекции: Икстатихуатль и Попокатепетль.

Там, на фоне вечно старого и вечно юного чуда природы, вставленного в такую драгоценную оправу... я услышал, как он декламирует одну из жемчужин своей поэзии — «Наш марш», и попытался перевести это стихотворение, но не сумел дать даже отдаленного представления о его изумительном ритме.

Так как я понимаю по-русски столько же, сколько по-гречески, то мы беседовали по-французски.

Он родился в Кутаиси. Ему тридцать лет, и...

Впрочем, это заслуживает еще несколько строк.

Утром того дня, когда он прибыл в Мехико, его встретил на вокзале Диего Ривера со своей ассистенткой, Анаей. Здесь же был Хуан Проаль с женой, с чисто французской любезностью встретивший Маяковского еще в Вера-Круссе. Они посоветовали ему там купить билет для поездки в столицу в международном вагоне. Купил. И вот, когда поезд подошел к платформе и Маяковский стал выходить из вагона, Аная, от зорких глаз которой не укроется ничто, воскликнула, увидев Маяковского:

— Смотрите, дон Диего, смотрите! У него билет в международный вагон, а он выходит из вагона второго класса.

Нечего и говорить о том, как это характеризует этого человека.

На что экстраординарный художник, автор фресок на здании министерства просвещения Мексики, сказал:

— Ну, уж если Маяковский будет путешествовать по Мексике, то он поедет только в вагоне второго класса, чтобы увидеть нас такими, какие мы есть.

В Гаване, как и других странах, которые он посетил по дороге в Мексику, у Маяковского было времени ровно настолько, чтобы ухватить основной закон существования этой истерзанной жестокими «цивилизаторами» страны, — страны, в которой так ярко выражены все результаты несовершенного устройства общества. И его оценка сусально раззолоченного быта гаванцев выкристаллизовалась в высказываниях, публикуемых сегодня в «Эль универсаль иллюстрадо» — органе передовых литературных тенденций Мексики.

Перевод не может дать даже отдаленного представления о ритме, делающем поэзию Маяковского такой могучей. Эти строки просто невозможно передать на испанском языке.

В стихотворении «Наш марш» есть такая строфа:

Эль торо де лес диас эс поликромом,
ля каррета де лос анос ва лектаментэ,
аль диос де носоотрос эс ля карретэра,
нуэстро корасон эс ун тамбор.

По-русски это звучит так:

Наш бык пег,
Медленна дней арба.
Наш бог — бег.
Сердце — наш барабан.

Как можно передать это на испанском языке, сохраняя ритм оригинала?

На тринадцати томах его произведений я не могу сейчас остановиться. Хотелось бы только при помощи этих беглых заметок обратить внимание читателей на то, что есть в мире еще много таких путей, которые и не снились нашим молодым полузападным мудрецам, подымающим обычно много поэтического шума из ничего.

Друг Маяковский! Обо всех этих вещах мы еще потолкуем, надеюсь, в скором времени на площади, где находится Мавзолей Ленина, — на той самой площади, которая, по чудесному определению русского языка, означает две вещи сразу: красная и прекрасная.

То, чего никак не могут взять в толк некоторые европейцы»¹.

Как сложилась судьба Хозе Д. Фриаса, автора очерка о Маяковском в «Эль универсаль иллюстрадо»? Приезжал ли он в Москву? Встречался ли он с Маяковским на Красной площади — на той самой площади, в названии которой, как он пишет, слились воедино, по чудесному определению русского языка, два понятия сразу: красная и прекрасная.

Это, несомненно, был человек прогрессивных взглядов. Родился он в 1891 году. Трудовую деятельность начал юристом. Но был и поэтом, отличным музыкантом (играл на трех инструментах: фортепьяно,

---

¹ Хозе Д. Фриас. Новая лирика. Русский поэт Владимир Маяковский. «Эль универсаль иллюстрадо», 25 июля 1925 г.

скрипке и органе). Он состоял членом известного квартета «Орфенум».

В столицу Мексики приехал в 1911 году. Работал в редакциях, был хроникером, писал парламентские отчеты. Во время первой мировой войны уехал военным корреспондентом во Францию. Объездил всю Европу. По возвращении на родину был избран в палату депутатов.

На конкурсе журнала «Эль универсаль иллюстрадо» в связи с «Неделей лирики» Фриас получил премию за лучший сонет.

Вот все, что нам удалось выяснить о человеке, которому мы обязаны многими ценными сведениями о пребывании поэта в столице Мексики.

Даже М. Н. Пестковская не помнит Фриаса. Должно быть, он не принадлежал к числу частых гостей полпредства. В ее памяти сохранился ряд других людей и деталей.

«...Я уезжал из Мексики с неохотой. Все то, что я описал, делается чрезвычайно гостеприимными, чрезвычайно приятными и любезными людьми.

Даже семилетний Хесус, бегаящий за папиросами, на вопрос об имени неизменно отвечал:

— Хесус Пупито, ваш покорный слуга»¹.

— Это и есть Хесус Пупито, — говорит М. Н. Пестковская, показывая нам снимок. — А рядом с ним моя дочь, Женя.

На этом снимке мальчик и девочка стоят на ступеньках лестницы, ведущей к двери полпредства.

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 291.

Евгения Станиславовна подтверждает.

— Да, мы очень дружили с Хезусом, — говорит она. — Сын дворника и судомойки, обслуживавших полпредство и живших тут же, в здании, в полуподвале, он был хорошим товарищем, неистощимым на всякие выдумки. Худенький, небольшого роста, черный. Необыкновенно подвижный. Исполнял разные мелкие поручения Маяковского, за что ему всегда перепадало «на чай». Аккуратный, очень исполнительный. Мы все относились к нему, как к своему, и Маяковский так относился.

Родители Хезуса очень нуждались. Помню такой случай. Устроили детский утренник по случаю дня моего рождения. Пришли дети некоторых других послов, расфранченные, разодетые. Ждем Хезуса — не идет. Оказывается, стыдно, кроме трусов и старой заношенной рубашонки у него ничего нет. Мама села в машину, поехала и купила ему матросский костюмчик.

Маяковский ошибается, — продолжает Е. С., — называя Хезуса «семилетним». Это он только так выглядел, на самом же деле ему было лет одиннадцать. Это я знаю точно, он был года на три, на четыре старше меня.

Что теперь стало с Хезусом — не знаю. Ведь прошло более тридцати лет.

Пестковские в один голос утверждают, что в текст очерка вкралась еще одна ошибка, на этот раз, очевидно, не по вине поэта. Хезус никогда не называл себя «Пупито», фамилия его была Нуньо. Фраза, которую он произносил, звучала так: «Хезус Нуньо, манде устед».

Это вполне возможно, если учесть, что в книге очерков «Мое открытие Америки» много опечаток, которые кочуют из одного собрания сочинений в другое. Рукопись книги не сохранилась. Маяковский мог написать «Нуньо», а машинистка (или наборщик) принять «н» за «п».

Из письма Л. Ю. Брик.

«Я б здесь не задержался более двух недель. Но, во-первых, я связался с линией «Трансатлантик» на пароход (а это при заказе обратного билета 20% скидки), а во-вторых, бомбардирую телеграммами о визе Соединенные Штаты. Если же Соединенных Штатов не выйдет, выеду в Москву около 15 августа и около 15—20 сентября буду в Москве.

Через несколько дней с секретарем посольства едем внутрь Мексики — в тропические леса; плохо только, что там желтая лихорадка и придется, очевидно, ограничиться только поездом. . .

Когда ты получишь это письмо, меня уже в Мехико не будет, очевидно, т. к. я после поездки вглубь поеду прямо на пароход. Поэтому обязательно все, все мне напиши на Парижское полпредство к 1 сентября, чтоб я по приезде уже застал твое письмо. . .

. . . Шлю стихи и беспокою тебя страшными просьбами:

- 1) «Открытие Америки» дай «Лефу»
  - 2) «Испанию» дай «Огоньку». . .
  - 3) «Монашек» попробуй «Известиям».
  - 4) «Атлантический океан» — «Прожектору»
  - 5) Все вместе предложи Радио-Росте. . .
- } или
наоборот

Деньги ужасно прошу тебя (рассчитываю, что будет 45—50 червонцев...) перевести Андрэ Эльзинуму, у которого я занял перед отъездом, и ему надо заплатить к 1 сентября.

Если денег всех не выручишь или вообще ничего не получишь, то, пожалуйста, своих не шли, а только телеграфируй, и я устроюсь каким-нибудь займом...

Передай, пожалуйста, маленькое письмо маме моей»¹.

Письмо (около 15 июля):

«Дорогие мои мамочка, Оличка и Людочка!

Целую Вас всех страшно и поздравляю Вас со всеми именинами и рожденьями, какие за это время подвернутся, а также благодарю Вас за поздравление.

Числа 10—15—20 сентября надеюсь быть в Москве.

Целую Вас всех еще раз.

Ваш мексиканский сын и брат
В о л.»².

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 78, 79.

² Там же, стр. 80.

И снова потянулись дни ожидания. Маяковский нервничал. Визы не давали, время уходило, деньги таяли. «Бомбардирую телеграммами о визе Соединенные Штаты», — пишет он. И уже предполагает, что, вероятно, «из Соединенных Штатов ничего не выйдет».

Между тем в Нью-Йорке все делалось, чтобы помочь поэту. Бурлюк хлопотал изо всех сил. 15 июля в адрес Маяковского в Мексику пошло письмо на бланке художественной студии Вилли Погани. «Дорогой мистер Маяковский, — говорилось в письме. — Ваши друзья сообщили нам о Вашем желании посетить США и устроить здесь выставку своих плакатов и других рекламных материалов. Наша студия с удовольствием предоставит Вам эту возможность, а также готова оказать любую необходимую помощь. Мы пишем об этом в Государственный департамент. Ставим его в известность, что будем рады помочь Вам, что Вы едете по нашему приглашению, ненадолго, хотите познакомиться с американским искусством, нравами, выставить некоторые свои работы. Надеемся скоро получить удовольствие увидеть Вас, желаем приятного пути»¹.

Автор письма, Вилли Погани (р. 1882), по национальности венгр, из города Сегеда. Окончил Будапештский университет, художественное образование получил в Мюнхене и Париже. Иллюстрировал более

---

¹ С. Кэмрад. Полпред стиха. «Дружба народов», 1958, № 7, стр. 211.

150 книг, некоторые работы отмечены на выставках золотыми и серебряными медалями. Декоратор, скульптор, архитектор, портретист. Некоторое время подвизался в кино, как продюсер.

Член Лиги архитекторов Нью-Йорка. Автор учебников: «Уроки рисования», «Рисование маслом» и других.

Письмо Погани не помогло. 23 июля Маяковский явился, судя по документам, к французскому послу в Мексике, потребовал, чтобы ему завизировали паспорт для возвращения через Францию в Москву. Специальным письмом на имя посла (текст его неизвестен) С. С. Пестковский поддержал просьбу.

Посол ответил. Вот текст этого документа:

«24 июля 1925 г.

Посольство Французской Республики в Мексике.

Его превосходительству, г. Пестковскому
послу Союза Советских Социалистических Республик
в Мексике.

Господин посол и дорогой коллега!

Вчера вечером, сразу же по получении Вашего любезного письма, я пригласил французского консула и попросил его сделать для г. Маяковского все, что может быть сделано по закону, в толковании которого только он один компетентен и за нарушение которого ответственен.

В процессе последовавшей затем беседы г. Тайе

разъяснил мне, что г. Маяковскому нет никакой необходимости снова визировать паспорт, так как имеющаяся на паспорте пометка «Туда и обратно» действительна без ограничения времени; следовательно, Вашему соотечественнику нечего опасаться каких-либо затруднений при высадке во Франции.

Несмотря на это, г. Маяковский настаивал, чтобы ему вновь завизировали паспорт. Г. Тайе ответил, что для этого он должен предварительно получить разрешение французских властей, для чего необходимо послать телеграмму в Париж за счет заинтересованного лица. Но г. Маяковский отказался оплатить такую телеграмму, хотя инструкция от 8.VI.1925 г. на этот счет весьма категорична.

Как бы то ни было, Ваш соотечественник может беспрепятственно вернуться во Францию на основании имеющихся у него бумаг.

На всякий случай можно ему посоветовать присоединить настоящее письмо к этим бумагам.

Соблаговолите принять, г. посол и дорогой коллега, уверения в самом глубоком уважении

Посол Франции

Перье¹.

Ответ — на бланке посольства — скреплен большой круглой печатью с гербом Французской Республики. Маяковский сохранил его. Но в это время

---

¹ С. Кэмрад. Полпред стиха. «Дружба народов», 1958, № 7, стр. 211.

вопрос о визе уже мало волновал его. Положение изменилось.

Еще на пароходе «Рио Пануко» Пестковские обратили внимание на высокого, крепкого старика, с виду немца. Старик — лет ему было, должно быть, семьдесят — ехал с семьей (две дочери и два сына), возвращался из Германии, где не был лет двадцать.

Познакомились. Пестковский назвал свое имя, старик — свое:

— Шендуба.

Новый знакомый оказался помещиком, неподалеку от столицы ему принадлежало поместье «Розас».

Когда пароход с членами советского полпредства пришел в Вера-Крус, рабочие устроили первому советскому послу в Мексике торжественную встречу. Делегация приходила в гостиницу за делегацией, говорили пламенные речи. Подъем был необычайный.

Это произвело огромное впечатление на Шендубу. Он подошел к Пестковскому, сказал, что с удовольствием переведет речи. Язык он знает хорошо, в Мексике акклиматизировался.

Пестковский согласился. Шендуба оказался добросовестным переводчиком. Расстались добрыми знакомыми.

Вот о нем-то и вспомнил полпред, желая помочь Маяковскому. Все шансы на получение американской визы были исчерпаны, оставался последний.

Как местный старожил, человек влиятельный и богатый, Шендуба обладал большими связями. Почему бы не привести их в движение?

Полпред сел в машину, поехал в «Розас». Шендуба отказал наотрез.

— Как я могу поручиться за человека, которого никогда в глаза не видел?

Пестковский поехал еще раз, с женой. Опять неудача.

Тогда в машину сели трое.

— Ехали около часу, — вспоминает М. Н. Пестковская. — Приехали. Кругом благоухание, поместье оправдывало свое название. Старик угостил нас сывороткой — скуп был невероятно.

Пестковский представил поэта помещику. Маяковский сначала сидел мрачный, потом разошелся, стал читать стихи. Пестковский переводил. Немец слушал. Внимательно. Маяковский понравился ему, и он обещал пустить в ход свои связи.

С этой минуты имя Энрике Шендубы было увековечено. Мы находим фамилию случайного знакомого Пестковских рядом с именем Вилли Погани на документе, с которым Маяковский переступил, три дня спустя, порог Североамериканских Соединенных Штатов.

Вот текст этого документа:

Заявление иностранца-неиммигранта о поездке в США.

Американская консульская служба.

Американское консульство. Мехико-сити, 24 июля
1925 г.

Я, Владимир Маяковский, житель России, владелец паспорта № 36258, выданного 12 января 1925 г. в Москве, Россия, собираюсь посе-

тить Соединенные Штаты Америки в сопровождении...

Я родился 7 июля 1894 г. в селе Багдады, Россия. Род занятий последние 2 года — художник. В настоящий момент — тоже.

Я хочу поехать в Соед. Штаты с целью выставить там свои работы и намерен остаться на срок до 5 месяцев. Мой адрес в США будет: Вилли Погани, 152 Вест, 46 стрит, Нью-Йорк: Энрике Шендубе, Аппартадо Н756, г. Мексико.

Не считаю себя иммигрантом, согласно Иммиграционного акта 1924 г., по следующим причинам:

цель поездки временный визит и предлагаю исследовать следующие документы в подтверждение моих слов¹:

Мне известны условия Акта 5 февраля 1917 г., в частности, я знаю, кто не подлежит впуску в США на основании параграфа 3 акта, а также мне известны условия акта 1924 г. Я знаю, что последний предусматривает:

разрешение на въезд в Соед. Штаты иностранца — не входящего в категорию иммигрантов только в том случае и на таких условиях, которые оговорены правилами, включая, если это окажется необходимым, соответствующие гарантии, дающие уверенность, что последний по истечении срока визы или изменении статуса поездки, явившегося основанием для

---

¹ Документы не сохранились. — С. К.

выдачи ему разрешения на въезд, покинет Соед. Штаты.

Я отдаю себе отчет в том, что, поскольку я не принадлежу к категории лиц, не подпадающих под действие иммиграционных законов США, целью которых является оградить допуск иностранцев в США, может случиться так, что моя классификация иностранца, не являющегося иммигрантом, будет пересмотрена по приезду в Соед. Штаты и что в этом случае иммиграционные власти США могут меня задержать или выслать, и беру на себя весь связанный с этим риск высылки или принудительного возвращения обратно.

Торжественно присягаю и заявляю, что все предшествующие мои ответы совершенно искренни в том смысле, в каком я это понимаю.

Владимир Маяковский.

На заявлении имеется следующая пометка:

«Расписался и приведен к присяге июля 24 дня 1925 г.

Вице-консул США (подпись)» —

№ 3105.

Отметки о взносе 100 долларов, уплате еще 9 долларов, много штампов и печатей. Текст одного штампа гласит: «Виза дана, как неиммигранту, на условиях § 3 (2) Акта 1924 г.: цель поездки временный визит».

Фотокарточка. Еще одна печать. Еще подписи.

Новый штамп: «Действие сей визы истекает ровно через 6 месяцев со дня выдачи»¹.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции американские власти фактически опустили «железный занавес» над своей страной. Животный страх перед коммунизмом продиктовал им драконовские законы, регулирующие порядок въезда в США. Такие законы одно время пытались ввести и другие страны «западного» мира. Даже такой человек, как Ф. И. Шаляпин, испытал на себе действие этих ограничений.

«Всюду следят, осматривают, визируют, во всех иностранцах подозревают «опасного большевика», — жаловался Шаляпин корреспонденту «Известий», посетившему его в Париже в 1922 году.

Великий певец указывал на «невероятные трудности», с которыми ему пришлось столкнуться при передвижениях за границей после Октября.

Простым смертным, не пользовавшимся такой мировой известностью, как Шаляпин, приходилось еще трудней. Въезд в США, помимо всего прочего, регулировался для лиц, желавших переселиться туда, еще особой «квотой»: из каждой страны допускалось не больше определенного числа людей. «Квоты» пересматривались каждый год и с каждым годом подвергались все большему сокращению.

---

¹ С. Кэмрад. Полпред стиха. «Дружба народов», 1958, № 7, стр. 212, 213.

Иностранцы, желавшие въехать в США временно, в «квоту» не включались. Они попадали под категорию «туристов», независимо от целей, с которыми они ехали в США. Для въезда достаточно было предъявить на границе паспорт с визой, наложенной американским консулом.

Практически они также подвергались ограничениям. Их осматривали и опрашивали наравне с эмигрантами. При малейшем подозрении задерживали, отправляли (приехавших на пароходе) на Элис Айланд, а затем принудительно высылали (депортировали) обратно в Европу.

«На Элис Айланд отправлены купцы и туристы» — под такой «шапкой» поместила в 1925 году газета «Русский голос» сообщение о том, что власти задержали огромное число туристов, прибывших в США. «Все они отправлены на «Остров слез», — писала газета, — где подвергнутся тщательному опросу. Среди туристов — торговые люди, а также один человек из Советской России, прибывший в гости к своему дяде в Бостон».

По словам газеты, залог для туристов не был обязательен. «Если имеются основания предполагать, что приехавший не застрянет в США, — пишет «Русский голос», — его впускают без залога. В сомнительных случаях требуется залог».

Газета приводит следующие данные о количестве лиц, прибывших в США за период с 1 июля 1924 года по 30 июня 1925 года и подпавших под ту же категорию, что и поэт. Всего прибыло 60 203 человека. Из них 14 460, как значилось в их анкетах, — «по торго-

вым делам», 20 865 — «для времяпрепровождения», 22 697 — «проездом»¹.

Делясь, по возвращении на родину, с советскими людьми впечатлениями о поездке, Маяковский, по словам корреспондента одной из газет, сказал:

«В Америку попасть трудно. А советскому человеку тем более. Начнут слишком пристально рассматривать паспорт и, придется, быть может, поплакать на «Острове слез».

«Вот почему,— продолжает корреспондент,— поэту пришлось обходным маневром заехать в Америку, с тылу пробраться в США»².

В воспоминаниях Л. Я. Хайкиса, отрывок из которых был напечатан в газетах, говорится: «Маяковскому удалось получить визу, только убедив американское консульство в Мексике, что он просто рекламный работник Моссельпрома и Резинотреста»³.

При получении визы возникло новое затруднение. С Маяковского потребовали залог. Огромную сумму — 500 долларов.

Выручил Хайкис. Маяковский на другой же день после прибытия в Нью-Йорк выслал ему половину

---

¹ «Русский голос», 15 августа 1925 г.

² «Америка наших дней. Два вечера Владимира Маяковского». Газета «Советский юг». Ростов-на-Дону, 10 февраля 1925 г.

³ «Литературная газета». Москва, 12 марта 1934 г.

долга. В бумагах поэта сохранилась никем не заверенная копия такого документа:

«31-го июля 1925 г.

Тов. Хайкису.

Полпредство в Мексико

При сем препровождаю чек на 250 долларов в счет одолженных у вас тов. Маяковским 500 долларов»¹.

По словам М. Н. Пестковской, Эли Вольф также пришла на помощь поэту. Она снабдила его письмом к своей матери, жившей в Нью-Йорке, рекомендовала обратиться к последней за ссудой в случае нужды. Поэту, говорит Мария Наумовна, пришлось воспользоваться письмом.

27 июля Маяковский пересек границу США.

Бежала
Мексика
от буферов
горящим
сияющим бредом.
И вот
под мостом
река или ров,
делящая
два Ларедо.

---

¹ С. Кэмрад. Полпред стиха. «Дружба народов», 1958, № 7, стр. 213.

«Для первого знакомства» Маяковского, как известно, на границе арестовали, «всунули» в автомобиль и отвезли в помещение, где под полосатым со звездами американским флагом важно восседал человек без пиджака и жилета.

Помещение при ближайшем рассмотрении оказалось кутузкой, и когда поэт в простоте душевной попытался было выйти вон, его «предупредительными лапками» немедленно «загнали обратно».

Арест продолжался недолго, всего восемь часов, но в сознании поэта уже слились прочно в единое целое помещение «с решетками» и хваленая «страна свобод». В первом же стихотворении, открывающем собственно «американский» цикл, сравнивая США с только что покинутой им Мексикой, где «доблести — скачут, коня загоня», поэт восклицает:

А
 здесь
                   железо —
   не расшатать!
 Ни воли,
                   ни жизни,
   ни нерва вам!
 И сразу
                   рябит
   тюрьма-решета
 вам
           для
                   знакомства
   для первого.

В первом варианте стихотворение называлось «От кактусов до железа».

С этими первыми впечатлениями Маяковского от его пребывания в Америке стоит сравнить последние, сложившиеся в момент отъезда. Поэт покидает Америку.

«Отплывал машущий платками, поражающий при въезде Нью-Йорк... Стало видно сразу все гнездо небоскребов... Потом здания слились зубчатой обрывной скалой, над которой трубой вставал 57-этажный Вульворт.

Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез»¹.

Тюрьма — при первом впечатлении, тюрьма — при последнем.

«Предупредительные лапки», к слову сказать, оказались еще и весьма любознательными. «По независящим обстоятельствам» у поэта пропал на границе листок с приветом Морено «русским рабочим и крестьянам». Можно не сомневаться в характере и этой пропажи.

Несмотря на имевшуюся у него визу, на то, что залог уже был внесен, все формальности выполнены, Маяковского на границе ждало еще одно затруднение. С него потребовали ответа «на сотни анкетных вопросов», и только с помощью переводчика, оказавшегося русским и «влиятельным человеком», удалось ему получить разрешение («манифест») Иммиграционного отдела Департамента труда на въезд в США.

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 342.

«Манифест» уже приводился в печати¹. Ввиду вкравшихся ошибок даем новый перевод:

«Фамилия — Маяковский; имя — Владимир; возраст — 30 лет; пол — мужской; профессия — художник; рост — 6 футов; телосложение — крепкое; волосы — коричневые; глаза — карие; национальность — Россия; раса — русский; место рождения — Багдады, Россия; умеет ли читать — да; какими языками владеет более или менее удовлетворительно — русским, французским; умеет ли писать — да; предъявил денег,

Заметка о приезде Маяковского в Нью-Йорк, напечатанная 31 июля 1925 г. в газете «Русский голос».

да-
ча-
на
дан
смя,
со-
жи
вета
чем
еду
ать
рле
поч-
сны.
про-
ра-
тах

ПРИЕХАЛ МАЯКОВСКИЙ

Вчера в Нью Йорк приехал знаменитый русский поэт Вл. Маяковский, находившийся в последнее время в Мексике.

Интервью с Вл. Маяковским будет напечатано в «Русском Голосе» завтра.

НОВЫЙ ЗАГОВОР В МЕКСИКЕ

АР. МЕКСИКО СИТИ. Раскрыт

имеющихся при нем, — 600 долларов; последнее постоянное местожительство — Россия, Москва (в Мексике 1 месяц); куда едет (место назначения) — Франция (через Нью-Йорк); есть ли билет — нет; переезд по морю оплатил — лично; был ли раньше в США — нет; срок пребывания в США — 5 месяцев; цель приезда — кратковременный визит; намерен ли стать гражданином Соединенных Штатов (вопрос оста-

¹ В. Катанян. Рассказы о Маяковском. М., «Советский писатель», 1940, стр. 265.

влен без ответа. — С. К.); переезжает границу через — Техас — Мексика; зарегистрирован под номером — 623; дата разрешения на въезд — 27 июля 1925 года; примечания — 500 долларов временного таможенного залога при 637 долларах для жизни на шесть месяцев (внес)».

...30 июля 1925 года В. В. Маяковский, преодолев многочисленные трудности и препятствия, о которых мы здесь рассказали, прибыл в Нью-Йорк ¹.

Теперь

повернем вдохновенья колесо.

Наново ритма мерка.

Этой части главное действующее лицо... —

Место действия — Америка.

---

¹ Маяковский приехал в Нью-Йорк 30 июля, а не 31-го, как считалось долгое время. Точную дату приезда помогают установить сообщения в газетах «Новый мир» и «Русский голос».

«Владимир Маяковский в Нью-Йорке. Сегодня утром после непродолжительного пребывания в Мексике в Нью-Йорк прибывает известный русский поэт и писатель Владимир Маяковский» («Новый мир», 30 июля 1925 г., № 858).

«Вчера в Нью-Йорк приехал знаменитый русский поэт Владимир Маяковский... находившийся в последнее время в Мексике. («Русский голос». Нью-Йорк, 31 июля 1925 г.)

3

— Ну, Владимир Владимирович, как вам нравится Америка?

С таким вопросом обратился к Маяковскому, едва завидев его в Нью-Йорке, редактор еврейской коммунистической газеты «Фрайгайт» Шахно Эпштейн.

«Маяковский бросает выкуренную русскую папиросу, закуривает другую и начинает ходить из угла в угол большой мебелированной комнаты на Пятой авеню¹. Его высокая сильная фигура с энергичными

¹ Через семь месяцев после отъезда Маяковского из Америки газета «Русский голос» писала:

«Вчера лишь был Маяковский в Америке, жил на Пятой авеню, три, в старинном домике с темными переходами, с портретами каких-то леди на стене, глядящих таинственно из темноты. Жил на четвертом этаже.

Сегодня иду — весь угол Восьмой улицы и Пятой авеню в пыли. Разборщики... сделали свое дело. Комнаты, где жил советский поэт, уже нет и в помине.

А номер, этажом ниже, где жил до своей трагической смерти Хургин, в стадии разрушения. Кирпич за кирпичом летит вниз...» («Нью-Йорк ломают и строят (уличные зарисовки)», «Русский голос», 31 мая 1926 г.)

обветренными чертами лица и крепкими мускулами стройна, как на марше... В нем совершенно нельзя признать русского. Он больше напоминает мексиканского ковбоя. Вот он остановился, бросил через окно взгляд на Пятую авеню — и своим глубоким, громовым, заполняющим всю комнату голосом сказал:

— Эх, скучно тут у вас!

Мы вспоминаем время после Октябрьской революции в России, в частности зиму 1919—1920 годов — тогда я впервые познакомился с Маяковским. Он работал в Роста, в качестве художника. Все, окружавшие его, корчились от холода. Огромное, неуютное помещение Роста казалось страшно запущенным. Тускло светились лампочки в коридорах, во всех комнатах царил какая-то вялость и беспорядок. Впрочем, в одной комнате все было иначе. Беспорядка в ней, правда, было не меньше, чем в остальных, зато всегда весело и оживленно. Везде набросаны газеты, рисунки. Железная печурка стоит больше для проформы. Если и протопят ее раз в неделю бумагами или сосновыми шишками, то она задымит так, что сажа летит тучею. Тепло держится не более секунды. Маяковский сердится, рычит своим львиным голосом:

— Кому нужна эта скотина?

Он в серой барашковой шапке, длинных лакированных ботинках, изящном дубленом полушубке. Ежедневно он «выбрасывает» по 3 плаката на самые различные политические темы. Каждый плакат необычайно красочен, дышит борьбой, восстанием. Сколько динамики в линиях, как свежи и выразительны образы! Все грандиозно, захватывающе, как грандиозна борьба, к которой они призывают.

Когда нас познакомили, я подумал, что передо мной типичный мексиканец, попавший сюда случайно и олицетворяющий собой примитивную силу из неизвестного мира, полного дикой отваги. Крепкое рукопожатие — и вы чувствуете себя привязанным к нему навеки. Раздается звон в ушах, как при звуках трембиты:

— Ага, приехали из Америки, из Вильсонланда? Ну, как там выглядит Пятая авеню, как поживают «сток-ярды», всякие там небоскребы и подвесные стальные мосты?

Он тотчас же начинает декламировать свою новую поэму, которую он пишет, «150 000 000», и странная вещь: я начинаю немедленно ощущать всю несуразность этой пресловутой американской гигантомании, — такой сумбурной, рекламно-кричащей встает она перед тобой.

— Ну как, можете вы сказать, что я никогда не был в Вильсонии? — спрашивает он, и в том, как он произносит имя Вильсона, чувствуется, что это для него символ всего американского капитализма.

Мы вспоминаем сейчас здесь, в Америке, на Пятой авеню, пять лет спустя, это время. Сколько тепла звучит в его голосе.

— Да, это было время, золотое время, — говорит он. — Холод, голод, но борьба кипела. Сколько плакатов я тогда сделал? Больше тысячи. О чем только в них не было? О каждой новости.

Многие из этих плакатов и сейчас еще живут в памяти. Собственно говоря, ведь каждый из них уже был частью «150 000 000», других произведений поэта. Эти средневековые богатыри-красноармейцы, опро-

кидывающие одним пальцем небоскребы, мосты; эти героические крестьяне, скачущие на своих одрах прямо к солнцу, зажигающие об него серп и молот и вырезающие на нем пять букв: Р.С.Ф.С.Р. — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, — ведь это вовсе не какие-то легендарные существа. Это сама действительность, воплотившаяся в поэте, говорящем от ее имени, это творческая сила нового индустриального города, не знающего невозможного, переделывающая даже солнце.

Какое значение имеют все эти удивительные американские небоскребы и всяческие стальные мосты, все эти «сток-ярды» по сравнению с героической русской Красной Армией, с рабочими и крестьянами-партизанами, сумевшими чуть ли не голой рукой одолеть американские и англо-французские пушки и танки?

«150 000 000» проникнуты одной мыслью, одним стремлением — индустриализировать весь мир, сплотить все человечество в единый творческий коллектив, — и они способны за пояс заткнуть всю вильсоновскую культуру. Они подымут еще сотни и сотни миллионов, и тогда все полетит вверх ногами. Что останется от старого? Одна пыль!

— Как мне нравится Америка? — Маяковский хлопает меня по плечу. — Пойдемте, пройдемте по Пятой авеню.

Мы фланируем по улице. Он декламирует:

О, если б был я тихий, как гром...

О, если б был я тусклый, как солнце...

...Если б быть мне косноязычным, как Данте или Петрарка!

...О, если б я нищ был! Как миллиардер!

Вокруг нас бешено шныряют автомобили, оглушающе орут рекламы. Чувствуется, что не случайно начал Маяковский читать именно эти свои стихи. Поэт говорит:

— Вот мы — «отсталый», «варварский» народ. Мы только начинаем. Каждый новый трактор для нас — целое событие. Еще одна молотилка — очень важная вещь. Что касается вновь открытой электростанции — то это уже совсем замечательное дело. За всем этим мы пока еще приезжаем сюда. И все же — здесь скучно, а у нас — весело, здесь все пахнет тленом, умирает, гниет, а у нас всю бурлит жизнь, у нас будущее.

До чего тут только не додумались?! До искусственной грозы. Тем не менее прислушайтесь, и вы услышите мертвую тишину. Столько электричества, такая масса энергии и света, что даже солнце не может с ним конкурировать, — и все же темно. Такая огромная страна, с тысячами всевозможнейших газет и журналов — и такое удивительное косноязычие, никакого тебе красноречия. Рокфеллеры, Морганы, Форды — вся Европа у них в долгу, тресты над трестами — и такая бедность.

Вот я иду с вами по одной из богатейших улиц мира, с небоскребами, дворцами, отелями, магазинами и толпами людей, и мне кажется, что я брожу по развалинам, меня гнетет тоска. Почему я не чувствую этого в Москве, где мостовые действительно разрушены и до сих пор еще не починены, многие дома сломаны, а трамваи переполнены и изношены донельзя? Ответ простой: потому что там бурлит жизнь, кипит, переливается через край энергия всего освобожденного народа — коллектива; каждый новый камень,

каждый новый кирпич на стройке есть результат целеустремленной, творческой инициативы самих масс.

А здесь? Здесь нет энергии, одна сутолока бесформенной, сбитой с толку толпы одураченных людей, которую кто-то гонит, как стадо, то в подземку, то из подземки, то в «эл», то с «эл».

Все грандиозно, головокружительно, вся жизнь — «Луна-парк». Карусели, аэроплан, привязанный зачем-то железной цепью к столбу, любовная аллея, которая вот-вот должна привести в рай, бассейн, мгновенно наполняемый водой при помощи пожарной кишки, — все это грандиозно, головокружительно, но все это только для того, чтобы еще больше заморочить людям голову, выпотрошить их карман, лишить их инициативы, не дать им возможности думать, размышлять. Так и дома, и на фабрике, и в местах для развлечений. Радость отмерена аршином, печаль отмерена аршином. Даже деторождение — профессия... И это свобода? Помните мою «Мистерию-Буфф»:

Кому бублик, кому дырка от бублика —
Это и есть демократическая республика...

Наши «сто пятьдесят миллионов» — вот кто индустриализирует жизнь, вот кто осуществит настоящую революцию в технике. Всего восемь лет прошло, восемь лет восстания, борьбы со всем старым, отжившим свой век. А какой взлет культуры во всех областях жизни, какой переворот в умах.

Возьмем наши «муви» (фильмы) и ваши. У нас пока еще очень слабая техника, плохое освещение. У вас здесь — последнее слово техники, море света. Зато у нас все насыщено ломкой старья, стремлени-

ем к свету, а у вас? У вас нет этого стремления, одна поганенькая «мораль», какая-то сентиментальная мазня, как если бы вы вдруг попали в глухую-глухую провинцию в средние века. Как может такая «мораль» сочетаться с высшим достижением техники — с радио?

Мы так увлеклись разговором, что совершенно не заметили как дошли до Сентрал-парка. Уселись на скамье в аллее, выходящей прямо на Пятую авеню. Сумерки. Какой-то сумасшедший водоворот автомобилей, автобусов, трамваев, все более увеличивающихся масс людей. Нет ему ни конца, ни начала. Все стучит и гремит, звенит и грохочет. Маяковский весь погружен в себя. Я вижу, как подействовал на него своеобразный говор улицы. Он словно впитывает в себя все эти звуки. Вот он вынул из кармана свой блокнот в черной кожаной обложке и что-то быстро-быстро вписывает в него, как бы в такт окружающего шума. Его фигура постепенно начинает привлекать всеобщее внимание. Кой-кто удивленно оглядывается на него. Сам он, однако, не замечает никого, даже меня, сидящего рядом с ним.

Вдруг Маяковский поднялся и отрывисто бросил:
— Пошли!

Когда мы вернулись к нему в комнату, Маяковский сказал:

— Уловил темп Нью-Йорка, глухой темп, приглушенный... Это будет новое стихотворение: «Маяковский на Пятой авеню».

Незаметно мы возвращаемся к разговору, состоявшемуся два дня назад между Маяковским и одним из известнейших русских литературных критиков, проезжавшим через Нью-Йорк.

Это был весьма примечательный разговор. Он произвел исключительно глубокое впечатление на присутствующих. Из этого разговора мы впервые почувствовали, как мы отстали здесь, в Америке, от России, как провинциальны. Все те вопросы искусства и литературы, которые интересуют нас здесь, показались нам такими маленькими и ничтожными по сравнению с тем, что волнует умы в России.

Интересен был в упомянутом разговоре не столько критик (Н. Осинский. — С. К.), сколько Маяковский. Критик — хорошо образованный марксист с большими знаниями, блестящий оратор, обладает замечательным полемическим талантом. Он свободно ориентируется в мировой литературе, знаком почти со всеми произведениями, вышедшими и выходящими на разных языках. Он принадлежит к школе революционного реализма и является одним из крупнейших представителей этой школы. В качестве реалиста, требующего особой психологической ясности при изображении нового жизненного уклада в России, он — противник футуризма... Маяковского он считает талантливым поэтом; он не согласен, однако, с его художественной концепцией индустриализации жизни и считает, что весь подход Маяковского к новому коммунистическому порядку с индустриальной точки зрения в корне неверен.

Конечно, индустриальное развитие накладывает отпечаток на всю жизнь, говорит он, но это еще не значит, что индустриализация уничтожает духовные потребности, превращает человека в автомат, не обладающий никаким внутренним психологическим миром с его радостями и страданиями. Не проглядеть

духовной жизни личности (индивидуума) в каше коллективных переживаний — в этом и состоит суть революционного реализма.

Масса, дождавшаяся новой жизни, играет главную роль в ней. Это относится и к искусству. Но это вовсе не означает, что со сцены сходит отдельная личность, как таковая, с ее индивидуальными потребностями и запросами. Наоборот, именно потому, что масса становится свободной, встает к новой жизни, — именно поэтому открываются новые горизонты для каждой личности. Свободная от материальных забот, совершенно независимая от кого бы то ни было, она может беспрепятственно развивать все заложенные в ней возможности. Поэтому революционный реализм не может упускать из виду даже отдельную личность, индивидуальные свойства каждого отдельного человека. Он изображает ее на фоне всей массы, знает, каким образом психология всего коллектива влияет на психологию личности. При этом речь идет вовсе не о каких-либо особых формулах, особой теории тех или иных видов искусства, а о совершенно новой действительности, с новым содержанием. Поскольку футуризм создает формулы и обращает внимание главным образом на все то, что так или иначе должно выражать размах коллектива, поскольку он начисто отрицает индивидуальную жизнь, постольку он затемняет настоящие актуальные проблемы нового искусства.

На все железные аргументы критика Маяковский не остался в долгу. Он показал себя при этом во весь свой рост — мыслителя и человека, хорошо ориентирующегося в научной литературе и обосновывающего свои аргументы с чисто марксистской точки зрения.

При этом он также проявил большие познания в мировой литературе. Труды В. И. Ленина он знает чуть ли не наизусть. Его память колоссальна. Он вспоминает писателей, цитирует их, как если бы читал их по книге. В особенности это касается русских писателей. Нет среди них ни одного — от самых старых до самых молодых, — которых бы он не знал. С каким красноречием, с каким полемическим задором отстаивает он свою точку зрения!

Слушаешь Маяковского, обсуждающего проблемы нового искусства, и в голову невольно приходит мысль о культурной неполноценности многих здешних писателей. Они не имеют понятия даже о самых элементарных вещах. Но беда не только в этом. Беда в том, что они совершенно не стыдятся этого своего невежества, более того — бравируют им. Как можно ожидать, что они поведут за собой массы, расширят их горизонт, если сами они так узколобы и невежественны?

От всего этого разговора осталось впечатление, что разногласия между революционным реализмом и футуризмом не так уж велики, особенно когда речь идет о футуризме в толковании Маяковского и его последователей. У всех тех представителей новой русской литературы, которые приняли новый общественный строй не формально, а проникшись им, постепенно вырабатывается общая линия. Лучшим доказательством является единый фронт между футуристами (отдающими, как известно, предпочтение форме) и пролетарскими писателями (ставящими во главу угла содержание). Основная линия разногласий сейчас заключается в отношении к попутчикам, которые, чув-

ствуя наступление нового, считают необходимым как-то приспособиться к нему. Революционный реализм полагает, что попутчиков следует приблизить, ассимилировать и использовать. Революционные же футуристы думают, что, поскольку сейчас идет перестройка всей жизни, попутчики со своими устаревшими взглядами и традициями могут только внести разлад в нее.

Судя по решениям Российской коммунистической партии, изложенным в последней резолюции, мнение революционных реалистов одержало верх.

..Предвечерний шум на Пятой авеню разбудил в Маяковском потребность вернуться к разговору, происходившему два дня назад. Он беспрерывно курит свои длинные русские папиросы, ходит из угла в угол, наконец останавливается и бурчит:

— Поди возись тут с индивидуумом. Это пока не стоит труда. Какое значение он имеет по сравнению с миллионами? Он ничего не может поделывать, абсолютно ничего. Америка лишний раз убедила меня в этом и все больше и больше убеждает. Ах, черт возьми! Такая гигантская техника, настоящая мистерия индустриализма, и такая духовная отсталость, просто дрожь берет. Эх, да ведь если бы наши русские рабочие и крестьяне достигли хоть одной трети такой индустриализации, какие чудеса они бы показали. Они бы не одну новую Америку открыли.

Только одно еврейское слово знает Маяковский: «кадохес» (дрожь, лихорадка). Ему приходит в голову:

— Пойду, сыграю на биллиарде, да так, чтобы «кадохес» проняла. Эх, скучно, скучно у вас!

Он начинает декламировать свою новую удивительную поэму «Открытие Америки», и она звучит

так, что кажется слышной чуть ли не на всей Пятой авеню»¹.

Вскоре после смерти Маяковского Шахно Эпштейн напечатал на Украине воспоминания о поэте. Мы вновь находим в них высказывания Маяковского во время совместной с журналистом прогулки по Пятой авеню. По собственной памяти или по записям, сохранившимся у него, журналист дополнил их некоторыми новыми штрихами.

Когда журналист и поэт вернулись с прогулки, Маяковский, по словам Эпштейна, сказал:

— Уловил темп Нью-Йорка, глухой темп, приглушенный. Это будет новое стихотворение: «Маяковский на Пятой авеню» (1925, первый вариант).

В новом варианте (1930) заявление Маяковского выглядит так (дополнения подчеркнуты мною):

— Уловил темп Нью-Йорка, глухой темп, приглушенный, как будто вой зверей прожорливых и голодных. Это будет новое стихотворение, а может быть, поэма: «Маяковский на Пятой авеню».

Волчица из «Божественной комедии» Данте неспроста, надо думать, вспомнилось Маяковскому во время прогулки по Пятой авеню. Невероятно жестокая и жадная по природе, она никак не могла насытиться своей жертвой, но чем больше она терзала ее, тем больше хотела есть.

Второе дополнение. Маяковский ходит из угла в угол, бурчит.

---

¹ Ш. Эпштейн. С Владимиром Маяковским по Пятой авеню. «Фрайгайт», 14 августа 1925 г. Необходимо учесть, что в данном интервью, как и в ряде других, мы имеем дело с изложением мыслей Маяковского, а не с текстом самого поэта.

— Ах, черт возьми! Такая гигантская техника, настоящий праздник индустриализма, и рядом с этим такая духовная отсталость, просто дрожь берет. Да ведь если бы наши русские рабочие и крестьяне достигли хоть одной трети такой индустриализации, какие чудеса они бы показали. Они бы не одну новую Америку открыли» (1925).

В новом варианте отрывок кончается так:

«И еще откроют, дайте срок!»¹

Слова эти, как теперь признают не только наши друзья, но и враги, оказались пророческими.

Приехав в Нью-Йорк, прямо с вокзала Маяковский направился на Пятую авеню, 3, где жил председатель «Амторга» Исай Яковлевич Хургин. В этом доме Маяковский прожил целый месяц.

С конца 1920 года у нас не было никаких отношений с США. Ни дипломатических, ни торговых. Как официальных, так и неофициальных.

Американская реакция сделала невозможным пребывание Советской миссии в США, добилась высылки Л. К. Мартенса, в течение двух лет возглавлявшего эту миссию.

Встал вопрос: кого послать вместо Мартенса? Кому поручить трудную и весьма деликатную задачу восстановить прерванные в 1921 году взаимосвязи, установить дружественные отношения с США — с их народом, с их деловыми кругами. И если удастся,

---

¹ Ш. Эпштейн. Встречи с Владимиром Маяковским. «Червоний шлях». Харьков, 1930, № 5—6.

подготовить почву для признания Советского Союза Соединенными Штатами Америки, для восстановления дипломатических отношений между США и Россией. Выбор пал на И. Я. Хургина.

В 1923 году он едет в Нью-Йорк, основывает там «Амторг» и становится фактически нашим торговым и дипломатическим представителем в США.

Хорошо зная Америку, Хургин старался познакомиться с ней Маяковского.

2

В первых числах августа 1925 года — на седьмой или восьмой день после приезда В. В. Маяковского в Нью-Йорк — к нему пришел известный американский писатель-коммунист Майкл Голд. Голд был не один. Его сопровождал выдающийся прогрессивный художник, друг Джона Рида и один из основателей журнала «Нью-мессес» Гуго

Американский художник
Гуго Геллерт. Рисунок
В. В. Маяковского.

Геллерт. Оба американца пришли к поэту по поручению газеты «Нью-Йорк уорлд». Один из них должен был взять у него интервью, другой — набросать его портрет.

Геллерт и Голд выполнили это поручение. Интервью и рисунок были напечатаны в газете со следующим примечанием от редакции:

«Мистер Голд недавно вернулся из России. Находясь там, он, в числе других русских художников, встречался и с Маяковским».

Мне хочется особо подчеркнуть, что интервью было напечатано именно в «Нью-Йорк уорлд», а не в «Нью-Йорк таймс», как ошибочно сообщалось раньше (см., например: В. Катанян. Маяковский. Литературная хроника, первое и второе издания). Разумеется, центральный орган демократов тоже был не бог весть каким прогрессивным изданием, но в архиреакционной «Нью-Йорк таймс» появление подобной беседы советского поэта с писателем-коммунистом представляется немыслимым.

Отрывки из интервью в русском переводе уже приводились в печати¹. Ниже оно приводится полностью:

«Маяковский в Нью-Йорке! Владимир Маяковский! Бум, банг, бум!

Выройте метро из-под земли. Оберните его вокруг шеи Вулворт-башни, и пусть оно развеивается по ветру, как современное кашне.

Сбейте метким выстрелом бессмысленное солнце

---

¹ В. Катанян. Маяковский. Литературная хроника. Издание четвертое, дополненное. М., Гослитиздат, 1961, стр. 238—239.

с неба и используйте его в своих интересах. Раскрасьте его футуристическими рекламами и пустите обратно в осиротевшие небеса.

Пусть церковные колокола будут литаврами, гигантские пушки — барабанами и пусть сыграют на них и на тысячах неистовых медных кларнетов, тромбон и труб серенаду Маяковскому!

Пусть надземная железная дорога грохочет еще громче, по крайней мере, — вдвое громче, чем обычно, трамваи звонят, такси визжат и гудят — город все же будет слишком тих для Маяковского! Устройте парад, чтобы поразить его, — с флотилией плавучих кранов, паровых катков, с динамо-машинами швейных фабрик и другими машинами, с процессией исплинских пролетариев, жонглирующих небоскребами и цехами сталелитейных заводов, замыкающих это торжество.

Находит Нью-Йорк несовременным

Увидеть индустриальный век — вот для чего Маяковский приехал несколько дней назад в Нью-Йорк, — тот Маяковский, который был в течение последних десяти лет самым известным поэтом Советской России, голосом ее новой бури, хаоса и созидания, глашатаем ее техники, апостолом индустриализации. . .

Его стихи, которые расходятся в миллионах экземпляров в новой России, насыщены громopodobными кличками индустриализации, фабриками, заводами, самолетами, действием, действием, действием. . . Его темпы — это кричащие ритмы современного большого города, с беспорядочной смесью стали и камня,

Russia's Dynamic Poet Finds New York Tame; We're Old-Fashioned, to Mayakovsky

«Динамический русский поэт находит Нью-Йорк отсталым городом; мы, на взгляд Маяковского, старомодны и неорганизованны».

(Интервью с Маяковским, напечатанное 9 августа 1925 г.
в газете «Нью-Йорк уорлд».)

бесформенной массой людей, непрерывно занятых тяжелым трудом, обливающихся потом, борющихся, рождающих среди великих событий настоящего массовую душу будущего. Нью-Йорк должен был бы удовлетворить своими размерами, шумом и борьбой самого пылкого футуриста, но Маяковский не удовлетворен.

— Нет, Нью-Йорк не современный город, — сказал он мне в своей комнате близ Вашингтон-сквера, без усталости шагая пол. — Нью-Йорк неорганизован. Поток машин, метро, небоскребы и прочее еще не создают настоящей индустриальной культуры. Это только внешние признаки ее. Америка прошла грандиозный путь развития, совершенно изменившего материальное лицо этой части мира. Но люди Америки отстали от этого развития. Они все еще прозябают в далеком прошлом. Духовно нью-йоркцы — глубокие провинциалы. Их ум не сумел еще воспринять полностью все значение индустриального века. Вот почему я говорю, что Нью-Йорк неорганизован — это гигантское недоразумение, анекдот, случай, который мог произойти с детьми, но это не зрелый про-

дукт творчества взрослых людей, которые понимают, чего они хотят, и работают строго по плану, как художники. Когда придет наш индустриальный век в России, он будет другой — он будет иметь план, будет продуктом сознательного творчества.

Художники, пренебрегающие наукой

— У них есть и метро, и телефоны, и радиоприемники, и масса всяких других чудес техники. Но вот, я иду в кино и вижу многочисленную публику, наслаждающуюся такой глупой, пустой и сентиментальной картиной, рассказывающей какую-то любовную историю, что она была бы немедленно освистана в любой, самой глухой деревушке новой России. Что хорошего дают их уму все эти замечательные машины? Видно, суровость, наука и правда машинного века не для них.

Или обратимся к людям искусства. У них есть электричество, тысячи современных тем, воплощенных в стали и камне, бросаются им в глаза, когда они проходят по улицам, но стоит им вернуться в свои студии, как они зажигают свечи, подобно русским крестьянам. Они думают, что это красиво. Они пишут прелестные, милые, маленькие, камерные стишки и картинки, и их вдохновение горит мягким, деликатным светом такой вот свечи, в то время как оно должно полыхать, как пламя в домне.

Или возьмем эти самые ваши небоскребы. Они представляют собой славное достижение современной архитектуры. История никогда не знала ничего подобного. Самые гениальные мастера Возрождения

даже не мечтали о таких высоких зданиях, которые качаются по ветру, бросая вызов закону всеобщего земного тяготения. Всеми своими пятьюдесятью этажами устремлены они ввысь, и они должны быть чистыми, стройными, стремительными, совершенными и современными, как динамо. Но американские архитекторы, по-видимому, только наполовину сознают, какое чудо они создали. Они рассыпают по небоскрегам устаревшие и бесхитростные готические и византийские завитушки и орнаменты. Это все равно, что посадить куколку на паровоз или нацепить розовый бантик на экскаватор. Может быть, это и очень мило, но это не искусство. Это не искусство индустриального века.

Нью-Йорк это недоразумение, а не продукт индустриального искусства. Он создан анархистами, за ним не стоит творческое содружество новых ученых, рабочих, художников и архитекторов.

Искусство должно взять жизнь на абордаж

Видно было, что Маяковский определенно не удовлетворен Нью-Йорком. Ему тридцать лет, он весит не меньше 215 фунтов, у него смелое, суровое выражение лица и выпуклые мускулы футболиста. Он топал все время назад и вперед по комнате, пыхтя папиросами, привезенными с собой из Москвы, и изливая густым, гудящим басом свое недовольство художника этим городом. Его энергия показалась мне необычайной. Это было совсем не то, что ожидаешь встретить в поэте...

— Ничего лишнего, — гудел между тем Маяковский. — Это главный принцип индустриального искусства. Никакой позы, никакой красоты, никакой болтовни, никакой мистики и тоски по прошлому. Мы, в России, давно покончили с выжатыми лимонами и обглоданными куриными косточками крохотного мирка либерально-мистической интеллигенции. «На улицы, футуристы, барабанщики и поэты!» — призывал я в первые дни революции. Искусство застаивается, когда оно слишком респектабельно и рафинировано. Оно должно выйти из обитых бархатом студий и разукрашенных комнат и взять жизнь на бордаж.

Искусство всегда должно иметь какое-либо назначение. И закон нового искусства: ничего лишнего — ничего без назначения. Я освободил поэзию от риторики: я добрался до ее сути. Я проверяю каждое слово и тот эффект, который хочу произвести им на слушателей, в духе тех людей, которые пишут у вас рекламы. Они не хотят тратить даром ни одного слова — все должно быть действенным.

Нью-Йорк не имеет плана

— И вообще, каждый продукт индустриального века должен быть действенным... Против мистицизма, против рабски покорного обожествления природы, против аристократической и всякой иной формы лени, против созерцательности и слезливости. И мы стоим за план, за технику, за научную организацию труда, за сильную волю, отвагу, за скорость, за точность и за нового человека, вооруженного всем этим.

Где у вас, в Америке, люди искусств с подобными

взглядами, выражающими точку зрения нового человека? И какие социальные мотивы стоят за вашей американской индустриальной системой?

Нью-Йорк не имеет плана. Он не выражает никакой идеи. Его индустриальная система — это дело случая, но наша индустриальная система в России будет продуктом зрелого творчества.

Тут я прервал стремительный поток речи поэта, — пишет Майкл Голд, — и задал ему вопрос, который, по всей вероятности, не понравился Маяковскому:

— Вот эти самые либеральные мистики, о которых вы упомянули, ведь они бегут тут, в Америке, прочь от машины. Они думают, что машина разрушает душу человека. Нет ли у вас, русских, таких же опасений — стать слишком «механическими»?

— Нет, — уверенно ответил Маяковский. — Мы сами являемся творцами машин и поэтому совершенно не боимся их. Старая, мистическая, так называемая «эмоциональная», жизнь умирает, да, но ее место непременно займет новая. Зачем бояться творчества истории? Зачем опасаться, что люди станут слишком «механическими»? Это невозможно.

Машины стимулируют смелость мысли

— Но не уничтожают ли машины более тонкие прелести жизни?

— Нет! Всё, что легко может быть уничтожено, заслуживает этого. В будущем придут неизмеримо более тонкие и сильные ценности жизни. У меня есть в Москве приятель — летчик. Он говорит, что когда

он мчится по воздуху со скоростью сто миль в час, то его мозг работает в пять раз быстрее обыкновенного. Век машин должен стимулировать смелость и свободу мысли.

— Находятся ли остальные молодые русские поэты и писатели под влиянием тех же идей и кто самые лучшие из этой молодежи?

— Вся Россия находится под влиянием этих идей. Называть же имена лучших, право, не стоит. Это не имеет значения. Гораздо более важен тот факт, что миллионы женщин и мужчин, вчера еще не умевших ни читать, ни писать, успели отделаться от старых представлений об искусстве и читают сегодня самых передовых из этих поэтов. Этот коллективный взлет культуры имеет в тысячу раз больше значения, чем если бы у нас вдруг появились еще десять Толстых или Достоевских. На такой почве искусство не может не расцвести.

Говоря это, — заканчивает Майкл Голд, — он продолжал носиться по комнате, пыхтя папиросой, точно паровой трубой. Но чувствовалось, что ему очень хочется сказать всё это русским в стихах, на бумаге. Интервью внезапно оборвалось, и он остался стоять у окна, разглядывая нижнюю Пятую авеню, расстилавшуюся внизу. Современные русские высоко ценят этого великана; не малая честь для молодого человека, тридцати лет, живущего посреди огромного стопятидесятимиллионного народа. А сейчас этот молодой человек живет в Нью-Йорке, близ Вашингтон-сквера, посещает иногда негритянское кабаре в Гарлеме или заходит пострелять в тир на 14-й улице. По временам же он откровенно беседует с друзьями

и указывает им на своеобразный провинциализм и местечковость Нью-Йорка»¹.

Прошло после этого пятнадцать лет. В 1940 году Майкл Голд написал по просьбе Иностранной комиссии Союза писателей СССР воспоминания о своих встречах с Маяковским. Они были тогда же напечатаны в «Дейли уоркер».

«Дорогие друзья и товарищи! — писал Майкл Голд. — Мои воспоминания неизбежно покажутся вам слишком краткими и поверхностными. По-русски я не говорю, поэтому не мог, естественно, сойтись с поэтом по-настоящему близко. Что же касается его произведений, то знакомиться с ними я вынужден был через не всегда безупречное зеркало переводов.

Учтите также, что я должен ежедневно давать целый столбец в «Дейли уоркер» — вы называете это фельетоном; что недавно у нас, в редакции, взорвалась бомба, подложенная фашистами, что через каждые два дня на третий нас треплет тайная и явная полиция, — и вы поймете, как трудно мне сидеть в редакции и писать воспоминания, достойные памяти вашего великого поэта.

Атмосфера накалена до предела. Литература представляется нам сейчас чем-то далеким-далеким, почти столь же далеким, как Москва. И правда, где сейчас найдешь в мире другой народ, который чувствует

---

¹ Майкл Голд. Динамический русский поэт находит Нью-Йорк отсталым городом; мы, на взгляд Маяковского, старомодны и неорганизованны; Манхэттен — анекдот, приключившийся с детьми. «Нью-Йорк уорлд», 9 августа 1925 г.

себя достаточно сильным, чтобы открывать музеи в честь своих поэтов?!¹ Вы кажетесь мне совершенно непохожими на других обитателей земного шара... Советские люди живут и трудятся, зная, что у них есть будущее, здесь же нас учат довольствоваться настоящим...

На основании своих встреч с Маяковским я могу сказать, что он очень точно уловил в своих стихах и очерках об Америке дух нашего города. Маяковский приехал в Нью-Йорк в тот год, когда мы взлетели чуть ли не на самую высокую и ослепительную вершину «бума» в промышленности. Даже само многострадальное небо, казалось, не могло служить пределом нашему «просперити».

Либералы и социалисты из «Раббер-компани» (Резинотрест. — С. К.) на скорую руку мобилизовали и выбросили на книжный рынок то немногое, что они знали из политэкономии, создали целую теорию, названную ими «новым капитализмом». Говоря короче, они решили, что социализм уже изжил себя; капитализм, видите ли, достиг такой степени совершенства, что ему незачем эксплуатировать кого-либо, проще сделать всех «зажиточными».

Генри Форд играл в то время в их глазах роль «нового мессии». Его программа — низкие цены, массовая продукция, высокая зарплата — со вкусом расписывалась на страницах многочисленных книг, газет и журналов. Она казалась настоящей революцией в промышленности.

---

¹ В 1937 году в Москве состоялось открытие Библиотеки-музея В. В. Маяковского.

Трудно в нескольких строках восстановить облик этого периода. Достаточно сказать, что преклонение перед американским бизнесом проникло тогда даже в среду некоторых лидеров компартии. Один из них — скользкий Ловстон, скатившийся потом до роли простого шпика, — сочинил знаменитую «теорию» так называемой «американской исключительности», «теорию» о том, будто известные положения марксизма о кризисах совершенно неприменимы в Америке.

С каким презрением смотрели эти филистеры на крохотную горстку передовых американских поэтов и художников, оставшихся верными компартии и посмевших подписаться под спокойным замечанием Сталина, что американское «процветание» чревато кризисом... Такова была интеллектуальная атмосфера, в которую попал путешествующий советский поэт-великан.

Маяковский не знал английского языка. Кроме того, не думаю, чтобы его можно было назвать обыкновенным репортером, то есть собирателем мелочей для последующего рассмотрения их через микроскоп. Нет, он был поэт, то есть человек с телескопом, занимающийся изучением других миров. В качестве репортера Маяковский, может быть, и перепутал кое-что в своих очерках об Америке, например, когда утверждал, что американцы любят жевать в пути резинку, но в качестве поэта-посланца с другой планеты он изумительно верно схватил суть виденного.

Маяковский много ходил по улицам американских городов, наблюдал и сравнивал, и хотя он приехал из страны, все еще находившейся в развалинах, золотые горы американского «процветания» не смутили, не при-

давили и не ошеломили его. Нет, он сразу заметил закулисную сторону этих богатств, увидел скрытые причины, управляющие этим миром, заметил то, чего не могли и не хотели заметить местные либералы и социалисты, — что все это нестойко, непрочно.

Маяковский реагировал на мишурный блеск американского «просперити» со свойственной ему гордостью советского человека. В то время для нас было чрезвычайно важно встретиться с великим советским поэтом — гражданином СССР, подошедшим к Америке с такой великолепной самоуверенностью, — как бы в пророческом предвидении пятилетних планов...»¹

По приезде в Нью-Йорк Маяковский вовсе не был «осажден» американскими журналистами, как сообщают некоторые источники². За исключением «Нью-Йорк уорлд», только коммунистическая печать и «Русский голос» сообщили о приезде великого поэта, напечатали статьи о нем.

Тем не менее весть о предстоящем выступлении В. В. Маяковского катилась по городу. Задолго до него по фабрикам и заводам, многочисленным «шампам» (потогонным мастерским Нью-Йорка) начали распространяться листовки, призывавшие на вечер. Одна из этих листовок — крохотная, величиною с ладонь, — сохранилась в альбоме с вырезками из ино-

---

¹ Майкл Голд. Интеллектуальная атмосфера, которую Маяковский встретил в 1925 году в Нью-Йорке. «Дейли уоркер», 20, 22 и 24 августа 1940 г.

² См., например, «Вечернюю Москву», 25 октября 1925 г.

странных газет и журналов. На обороте листовки можно ясно различить большую круглую печать Русской секции Рабочей (коммунистической) партии Америки с серпом и молотом посередине.

31 июля в «Русском голосе» была напечатана заметка: «Вчера в Нью-Йорк прибыл знаменитый русский поэт и писатель Владимир Маяковский, находившийся последнее время в Мексике. Интервью с Маяковским будет напечатано завтра».

Однако на другой день газета не смогла выполнить свое обещание. «Интервью с нашим сотрудником знаменитого поэта новой России не могло войти в номер сегодня, — писала она. — Оно публикуется завтра. Смотрите в воскресном номере: «У Маяковского. Фельетон Давида Бурлюка. — Маяковский рассказывает о своем путешествии по Мексике».

Воскресного номера газеты не оказалось в комплекте, хранящемся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Москве. Пришлось обратиться за содействием в библиотеку Конгресса США, в Вашингтон. Оттуда нам прислали микрофильм.

«Я не видел Владимира Владимировича Маяковского, поэта и художника, знаменитейшего барда современной новой России с апреля 1918 года, — писал в своем интервью Давид Бурлюк.

Тогда я расстался с ним в Москве.

С особым волнением услышал в телефон его звучный, мужественный бас-профундо.

По голосу признал сразу — голос тот же! Голос не изменился!

Бросаюсь в подземку и мчусь на Пятую авеню, где остановился В. В. Маяковский.

Еще издали вижу большую «русскую» ногу, шагающую через порог, и пару увесистых чемоданов, застрявших в дверях. . .

Ага, думаю, пролетарские русские привычки и здесь не оставил — сам чемоданы носит! . .

Сразу догадался по ноге, что никому, кроме Маяковского, она принадлежать не может. . .

Маяковский — прекрасный товарищ во всех смыслах. В наше время это слово затрепали. . . На слово это надо иметь право. Нужно иметь большое сердце, далекое от температуры «айс-бакса», чтобы пользоваться этим словом.

Долго смотрим друг на друга. Смотрим в темноте вестибюля; оглядываю Маяковского затем и в ванне, когда он смывает со своей львиной гривы и мощного тела пыль тропического Мехико и знойного Техаса.

. . . Упорхнули быстрыми птицами (по слову поэта) семь с лишком лет. Много изменилось.

За спиной у Маяковского уже 52 книги. . .

Его творчество переведено почти на все языки.

А Владимир Владимирович так же юн, так же сыплет кирпичи своих остроумий! Да и неудивительно! Ведь ему тридцать лет! А кто будет усталым от груза, пусть и мировой славы, в счастливые тридцать лет?!

Маяковский в Мексике.

— Был там двадцать дней! Сотни сеньорит машут веерами. Имена в записную книжку заносил. Вот так имена! Что ни имя, то стихотворение! Недаром там все подряд — поэты.

Мексика — милейшая страна, полная романтики, неги, коварства. Был случай, когда пятнадцать всадни-

ков захватили пять городов. Гонят перед собой с гиком стадо лошадей, а население уже в панике, уже бежит!

Особенно понравилась мне мексиканская версия, почему тамошний флаг красно-бело-зеленый. Там все неожиданно: подчас абсурдно, подчас удачно.

Ели переворотчики-революционеры как-то арбуз и вдруг вспомнили, что успех у них есть, а флага нет.

— Какой флаг, братцы?

— Да, какой? Вот, как этот арбуз: красный, белый и зеленый. . .

И вышло: багровое, взвейся, знамя, над мексиканским арбузом!

Страна бедная: искусства нет.

Бой быков видел, чуть было в охоту на львов не втяпался. . . Хорошо, что уехал. . . Бог с ним. . . Уехал вовремя!

В Мексику приехал из Франции; парохом шестнадцать дней ехали. Там, как сказал уже, был двадцать дней, а сколько здесь пробуду — неизвестно; во всяком случае, всю Америку объеду. Все осмотрю.

Дорогой массу писал»¹.

Вскоре после приезда В. В. Маяковского в Нью-Йорк на квартире Д. Д. Бурлюка состоялась встреча с кружком молодых поэтов «Серп и молот». Об этой встрече у нас до сих пор ничего не было известно. Вот как описывает ее один из участников:

---

¹ Д. Бурлюк. У Маяковского. «Русский голос», 2 августа 1925 г.

«С особенным интересом ожидали молодые нью-йоркские поэты в квартире Д. Д. Бурлюка знаменитого поэта и друга Давида Давидовича — В. В. Маяковского, прибывшего на днях в Нью-Йорк из своего путешествия по Европе и Мексике.

Видеться с популярным поэтом новой России было заветной мечтой многих.

Маяковский — плечистый, высокий молодой человек. Не будучи гордым, все ж знает себе цену. Мне было особенно приятно прислушиваться к рассказам Маяковского, исполненным тонкой шутливости. Владимир Владимирович является одним из тех немногих поэтов, которые свое творчество одухотворили темпом жизни.

Нас познакомили, и, сидя за общим обедом, мы завели интересный разговор. Настроение было праздничное.

В. Маяковский намерен устроить лекцию в Нью-Йорке. Интересно, что из России Владимир Владимирович летел в Париж аэропланом¹. Гениальный поэт очень заинтересован Нью-Йорком. Он собирается также немедленно изучить английский язык.

Мы, молодые поэты, читали Маяковскому свои стихотворения. Алланд преподнес ему свою книгу, я — фотографию с надписью... У каждого из нас осталось большое впечатление от первой встречи с Маяковским»².

---

¹ Это не совсем точно. Маяковский летел из Москвы только до Кенигсберга.

² Д. Подоксик (Леонид Опалов). Впечатления от встречи с Маяковским. Зарисовка с натуры. «Русский голос», 9 августа 1925 г.

Кружок молодых поэтов, о котором идет здесь речь, представлял собой незаурядное явление в русской колонии в США. Вот что рассказывает о нем журналист и писатель Осип Дымов:

«Мне случилось прошлой зимой познакомиться с этим кружком. Вечер, который провел в их обществе, оставил во мне прекрасное впечатление. Не потому только, что они молоды и полны обаяния молодости, но и потому, что они одарены, кто меньше, кто больше, и серьезно, вдумчиво относятся к поэзии.

Трудно приходится этим одаренным юношам, вынужденным пробивать себе дорогу среди чужой обстановки, чужого языка, вдали и в отрыве от родной почвы, работа похожа на подвиг»¹.

Легко понять, чем была для них встреча с Маяковским.

Совершенно естественно, что Маяковский мог общаться в Америке преимущественно с людьми, с которыми ему, не знавшему английского языка, легче всего было столкнуться. Людей этих не так мало. «В Нью-Йорке... — писал Маяковский, — 300 000 русских... 150 000 поляков... Загадочная картинка: кто же такие, в сущности, американцы и сколько их стопроцентных?» («Мое открытие Америки»).

Однако встречами с русскими, с Майклом Голдом, Гуго Геллертом не исчерпываются контакты, которые Маяковский установил в Америке. Известно, например, о беседе с группой сотрудников «Нью-мессес»

---

¹ О. Дымов. Молодые поэты. «Русский голос», 16 февраля 1926 г.

во время товарищеского ужина, устроенного в честь поэта.

«Маяковский всем своим обликом резко отличался от большинства писателей, которых мы привыкли встречать в Гринвич Виллэдже, — вспоминает Джо-зеф Фримэн. — ...Что-то очень выразительное было в его типично русском лице, гладко выбритом и смелом...»

Мы с Маяковским подружились, и он попросил меня перевести несколько стихотворений для американских журналов. Фрида Кирчвей из «Нейшен» предложила их напечатать. Русского языка я в то время не знал, мне помог Леон Тальми из «Фрай-гайт»...

Во время беседы Маяковский спросил через девушку, переводившую разговор:

— Как это случилось, что так называемые революционные американские писатели не имеют своей организации?

— Мы основали журнал.

— Этого мало. Вам надо организовать союз... Во многих странах писатели объединены.

— А зачем создавать специальную организацию? Если писатель верит в коммунизм, пусть вступает в партию.

— Но не каждый писатель, верящий в коммунизм, годен для вступления в партию. Кроме того, многие писатели против капитализма, но еще не верят в коммунизм. Разве вы не думаете, что им следовало бы объединиться?

— Боюсь, что из этого ничего не выйдет. Американские писатели не привыкли работать в группах.

Это одиночки, индивидуалисты, которые работают замкнуто, в тиши своих кабинетов.

— Выйдет, даже очень выйдет! Как только писатели поймут, что они на самом деле вовсе не свободные люди, что они целиком зависят от своих издателей, они объединятся»¹.

Приходится только пожалеть, что среди «сто процентных», с которыми Маяковский встречался в Америке, не было Теодора Драйзера, Эптона Синклера и других видных представителей американской литературы. Автор «Американской трагедии» жил в то лето далеко от Нью-Йорка. Верный друг Советского Союза, человек, сказавший: «Всем сердцем одобряю это», — лишь спустя два года встретился с Маяковским.

Осенью 1927 года Теодор Драйзер приехал в Москву. В бумагах поэта сохранилось письмо:

«Владимиру Маяковскому, Москва.

Уважаемый товарищ Маяковский!

Предъявитель сего — американский беллетрист Теодор Драйзер, с произведениями которого Вы, несомненно, знакомы. Несколько из его книг переведены также на русский язык. В Америке он считается самым крупным реалистом.

В Советском Союзе Драйзер находится по инициативе МОПР. Он очень заинтересован познакомиться с советскими писателями, художниками и режиссера-

---

¹ Д. Фримэн. Завет американца. «Интернациональная литература», 1937, № 3, стр. 166—168.

ми и выразил особое желание познакомиться с Вами...

С товарищеским приветом

Джозеф Фримэн».

Письмо написано по-русски, на бланке журнала «Нью-месес». Датировано 17 октября 1927 года¹.

Знакомство состоялось в середине ноября на квартире Маяковского, в Гендриковом переулке. Великий писатель рассказал о своей встрече с Маяковским в книге «Драйзер смотрит на Россию», вышедшей в Нью-Йорке год спустя. Поделившись впечатлениями о различных литературных группах, Драйзер пишет:

«Левая группа, к которой принадлежит Маяковский, представляет значительно больший интерес... В результате персонального контакта с представителями этой группы я пришел к выводу, что они придают форме не меньшее значение, чем содержанию. Содержание же у них всегда ревлюционное...»

Маяковский, о котором здесь счень много говорят, большой, высокий, динамичный... Он безоговорочно приветствовал век машин и стоял на той точке зрения, что этот век должен наступить в России возможно скорей. Он как бы весь создан для него. Он считал, что индустриализация освободит духовную энергию русских для создания значительно лучших вещей.

---

¹ С. Кэмрад. Полпред стиха. «Дружба народов», 1959, № 10, стр. 204.

(Что ж, возможно! У нас, в Америке, уже наступил этот век, но я что-то не заметил большей свободы.) При этом он несколько не боялся, в отличие от других, что коммунистическая программа ущемит его индивидуальность. Наоборот, он, кажется, думает, что осуществление этой программы приведет к еще большему расцвету личности»¹.

Драйзер указывает в своей книге, что творчество самого Маяковского как раз является лучшим подтверждением этого тезиса — о наиболее полном раскрытии заложенных в каждой личности возможностей при социализме.

По словам О. В. Третьяковой, присутствовавшей при встрече, Драйзер был во время беседы очень оживлен и даже, стоя в передней, уже одетый продолжал говорить. Уходил он от Маяковского в приподнятом настроении.

Что касается других американских поэтов и писателей, с которыми Маяковский мог встречаться в Нью-Йорке, то либо они не интересовали Маяковского, либо он был совершенно неприемлем для них. «В то время, — вспоминает Д. Фримэн, — еще господствовало убеждение, что большевики уничтожили всякое искусство. Маяковского можно было встретить лишь в радикальных кругах: только там можно было узнать о его изумительном таланте, о его славе крупнейшего поэта Советской России»².

Несмотря на это, не может быть и речи о каком-

---

¹ «Dreiser looks at Russia». New York, 1928, p. 201.

² Д. Фримэн. Завет американца. «Интернациональная литература», 1937, № 3, стр. 166.

либо «одиночестве» великого советского поэта в Америке. Из дальнейшего мы увидим, как тепло принимали его действительно передовые круги американского общества, как благодарны были ему за его приезд.

В 1940 году США посетил известный советский художник А. Дейнека. «Бродя по «стритам» Нью-Йорка, — пишет он в своих воспоминаниях о Маяковском, — я встречал людей, помнивших, любивших его. . .»¹

8 августа 1925 года в газете «Фрайгайт» появилась такая заметка:

«Владимир Маяковский, один из талантливейших поэтов новой России, прибыл на днях в Нью-Йорк с целью провести короткое время в Штатах.

Знаменитый поэт и блестящий оратор, он выступит в пятницу, 14 августа, в Централ Опера Хауз с лекцией об искусстве и литературе»².

«Новый мир» писал:

«В пятницу — вечер Маяковского. Купите билеты заблаговременно. В этот день «Новый мир» посвятит одну из своих страниц творчеству великого поэта рабоче-крестьянской России».

«Фрайгайт» предупреждала:

«Кто пропустит завтра возможность лично познакомиться с Маяковским, долго не простит себе этого.

---

¹ А. Дейнека. «Владимир Владимирович». Журнал «Искусство», 1940, № 3, стр. 52.

² «Владимир Маяковский выступит в ближайшую пятницу», «Фрайгайт», 8 августа 1925 г.

Запаситесь билетами сегодня, чтобы не очутиться в толпе одиночек, вынужденных остаться за порогом завтра»¹.

«Завтра — вечер Маяковского, — писал «Новый мир». — Завтра Маяковский будет рассказывать о молодом литературном творчестве молодой рабочекрестьянской страны. Завтра мы все встретимся на вечере Маяковского»².

Газета выполнила свое обещание и посвятила 14 августа Маяковскому целую страницу. Она открывалась приветствием:

«Товарищ Маяковский!

В продолжение веков борьбы с самодержавием лучшие русские поэты и писатели будили русский народ и звали его на бой. Когда же в исторические дни зажегся факел Великой Русской революции, осветившей ярким светом весь мир обездоленных и рабов, и русские рабочие и крестьяне восстали против поработителей, многие писатели и поэты испугались и бежали. Немногие остались с теми, кто совершил подвиг. В числе оставшихся были и вы.

Вместе с русскими рабочими и крестьянами вы прошли тяжелый путь революции, вторжений и блокады. Вместе с русскими рабочими вы участвовали в строительстве нового строя. Вместе с немногими понявшими, полюбившими Советскую Россию и сжившимися с нею писателями и поэтами вы наметили путь

---

¹ «Маяковский выступит в Централ Опера Хауз завтра». «Фрайгайт», 13 августа 1925 г.

² «Завтра все на вечер Маяковского». «Новый мир», 13 августа 1925 г.

новой литературе, оставив в ней все лучшее из прошлого. Вы прониклись идеалами строителей новой жизни, близко подошли к ним, поняли, что «единица — вздор, единица — ноль», один, даже если очень важный, не подымет простое пятивершковое бревно.

В каждый фибр вашей души проникло сознание, что «партия — это миллионов плечи, друг к другу прижатые туго».

Прижатые туго и борющиеся за счастье, за мир, за равенство, за свободу — свободу от уз современного капитала. И каждое ваше слово, каждое произведение — одно из тех орудий партии, от которых «лопаются укрепления врага».

Вслед за вами, вслед за немногими, оставшимися с вами, подымается армия новых людей, армия пролетарских писателей и поэтов, кующих новые слова, новые песни.

Широко и гулко раздаются эти слова и песни по всему Союзу трудящихся и громким эхом разносятся по всему миру, где миллионы обездоленных и эксплуатируемых чутко прислушиваются к каждому слову.

Редакция «Нового мира», идущего по стопам нашего всеобщего великого учителя Ленина и несущего в русские массы Америки новые слова и песни, приветствует вас, товарищ Маяковский, и в вашем лице всех пролетарских писателей и поэтов СССР»¹.

Газета полностью перепечатала отзыв В. И. Ленина о стихотворении «Прозаседавшиеся», опубликовала

---

¹ «Владимир Владимирович Маяковский». «Новый мир», 14 августа 1925 г.

написанное по дороге в Америку стихотворение «Испания», а также «Наш марш» и отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин», начинающийся словами:

Америку
                  пересекаешь
  в экспрессном купе,
идешь Чухломой —
  тебе
в глаза
                  вонзается теперь
  РКП,
и в скобках
                  маленькое «б».

«Америку пересекаешь в экспрессном купе»... Давно ли это было только мечтой, далекой и, казалось, недостижимой мечтой поэта? А сегодня он реально, в жизни, совершил это путешествие через весь американский континент — с юга на север, действительно «пересек» Америку в купе экспресса «Твенти сенчери» («Двадцатый век»), и вот он стоит перед тысячами нью-йоркских рабочих, восторженно аплодирующих ему и партии, которую он воспел. . .

Программа вечера Маяковского, опубликованная в газетах, гласила:

1) Поэзия, живопись и театр в СССР (доклад прочтет Маяковский).

2) Стихи и отрывки из поэм: «Необычайное приключение» (Солнце в гостях у Маяковского), «Облако в штанах», «Хорошее отношение к лошадям», «Левый марш» и др.

3) Сатиры: «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума», «Прозаседавшиеся»,

«Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе» и др.

4) Новые стихи: «Открытие Америки», «Атлантический океан», «Нью-Йорк» и другие.

5) Маяковский отвечает на записки»¹.

Ниже приводится очерк, напечатанный в день первого выступления Маяковского в Нью-Йорке газетой «Русский голос». Автор очерка — сотрудник газеты поэт З. Гисенькин.

«Несколько часов с Маяковским. Два свидания, которые навсегда останутся в памяти. И по многим причинам. Я знал Маяковского по разнообразным данным. Так сказать, из «спутника по Маяковскому» — со слов Давида Давидовича Бурлюка. А Бурлюк всегда говорит о нем с необыкновенной любовью. Но Бурлюк слишком субъективен в своих суждениях о поэтах. Если футурист, ему все прощается. . .

. . . И когда я шел к Маяковскому, я тоже думал — увижу человека, произнесшего такое сильное, уверенное:

Мы разливом второго потопа
перемоем миров города. . .

Кто вчитался в Маяковского, именно — вчитался, для кого его стихотворения не были случайным чтением, тот не может не заинтересоваться им. Маяковский интересуется и приковывает даже врагов. Ибо — и это не будет преувеличением — в его поэзии и, прежде всего, в его ритме — весь пульс современной

---

¹ «Программа вечера Маяковского». «Новый мир», 14 августа 1925 г.

России — от беспорядочных первых раскатов революционного грома до порывов и лихорадочности нового строительства.

Немудрено, что у Маяковского мне не о чем было спрашивать. Он виден весь; он живая программа, живой плакат СССРовского «сегодня»...

И я наблюдал. Наблюдал за Маяковским.

«Маяковский улыбается»; «Маяковский смеется»; «Маяковский издевается»; «255 страниц Маяковского» — все это его собственные названия книг.

А когда мы шагали с ним по Пятой авеню, Бродвею, я думал — следующее Маяковского это:

«Маяковский шагает по Нью-Йорку»...

Я не спросил у Маяковского, о чем он думает. Молча наблюдал за ним.

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», Маяковский ходит стричься, осматривает витрины, покупает шляпу и заворачивает в ресторан.

Будни Маяковского. И я не желал обрывать эти будни. Только изредка касались общих вопросов.

А потом коснулись. Заговорили. При другой встрече. Хотелось узнать от него самого многое из того, что не интересует непосвященного человека. О литературных фракциях. Об успехах пролетарских поэтов, особенно волнующих меня.

Маяковский точен, ясен. Не допускает замены одного из многочисленных сокращений другим. А о самом главном говорит нервно, горячо.

И здесь я узнал, что многое в характеристиках Маяковского, сделанных как врагами, так и друзьями, не совсем точно...

Нет прежнего Маяковского, Маяковского первых дней «бунта». Передо мной взад и вперед шагал человек, переживший многое, отбросивший прочь блестящие и декорации. Предо мной был новый Маяковский, знавший точно и определенно, куда он идет...

Новое искусство требует и новых подходов к нему. Надо и в форме и в самом подходе к поэзии быть новым, по духу времени. Надо идти впереди эпохи, а не в хвосте ее... Так или приблизительно так наставляет Маяковский.

И вдруг меня заинтересовало: а как показался Маяковскому Нью-Йорк?

Маяковский на секунду остановился:

— Нью-Йорк? Тихий, в сущности, город...

«Маяковский издевается»...

А сегодня послушаем его с эстрады.

«Он умеет произносить слова так, что они падают, как камни, пущенные из пращи. Его речь — монументальна. Его сила — в силе. Его образы как-то физически больше обычных»... Так писали о нем уже...

Послушаем. Будем там, где раздадутся «слова-камни, пущенные из пращи»!..»¹

14 августа 1925 года огромное помещение Централ Опера Хауз в Нью-Йорке было переполнено так, что блоку негде было упасть.

---

¹ З. И. Гисенский. Несколько часов с Владимиром Маяковским. «Русский голос», 14 августа 1925 г.

«Незабываемый вечер пережили в последнюю пятницу революционные рабочие Нью-Йорка в Централ Опера Хауз, — писала «Фрайгайт». — Надолго останутся у них в памяти часы, проведенные с Маяковским. Как очарованные, сидели три тысячи человек, собравшиеся в зале, и чутко прислушивались к каждому слову поэта. За два часа, что они с ним провели, перед ними открылся совершенно новый, светлый мир, построенный на месте старых представлений о литературе и искусстве.

Маяковский мастерски разбил эти представления, едко высмеял мистицизм и индивидуализм в искусстве».

По словам газеты, председательствующий т. Радванский, открыв митинг, тепло приветствовал поэта от имени русской колонии в Нью-Йорке. Первым он предоставил слово Шахно Эпштейну. Редактор «Фрайгайт» приветствовал Маяковского не только от имени редакции, но и от всех революционных рабочих Нью-Йорка.

«Маяковский, сказал Ш. Эпштейн, — пишет газета, — это одно из крупнейших достижений пролетарской культуры, выросшей и получившей развитие на почве страны Советов. Создавая эту культуру, В. В. Маяковский решительно изгоняет из нее всякую камерность, мистику старого искусства. Вот почему некоторые ультрарафинированные интеллигенты не могут принять его. Старые, отжившие представления о литературе и искусстве мешают им понять Маяковского. Маяковский — борец за новую культуру, культуру коллектива. Свое мощное перо и весь свой талант он поставил на службу пролетариату. Его новые

формы, ритмы, язык выражают жизнь большого города, отражая чаяния и зовы нового мира. Сегодняшнее выступление поэта у нас, здесь, в Нью-Йорке, показывает, что та культура, за которую борется Маяковский, находит все более благоприятную почву и в Америке.

Эпштейн приветствовал Маяковского по-русски и по-еврейски.

Интересную речь произнес, пишет газета, «известный русский художник», «отец русского футуризма» — Давид Бурлюк. В этой речи он коротко осветил путь, пройденный Маяковским. . .

— Приезжали в Америку Короленко и Горький, — сказал Бурлюк. — Они описали одну Америку. Теперь к нам прикатил локомотив новой русской литературы, и теперь, надо надеяться, будет впервые создано нечто настоящее американское.

Мы верим, — сказал в заключение Бурлюк, — что первый великий поэт новой русской и мировой литературы сумеет раскусить крепкую скорлупу американского ореха и показать здоровое ядро солнца, которое скрывается в его груди».

Затем слово получает Владимир Маяковский.

Недостаток места не позволяет нам, к сожалению, передать все содержание его речи. Но столько силы и горячего убеждения заключалось в ней, что слушатели готовы были еще два часа слушать Маяковского и ни за что не хотели расставаться с ним. Речь его была такой красочной, что, о чем бы он ни говорил — о старых ли формах искусства или о новых, — все тотчас же доходило до слушателей. Он говорил о положении в поэзии, о том, что многие крупнейшие фран-

цузские мастера культуры вынуждены сейчас читать свои произведения только в узком кругу своей собственной семьи, в то время как книги русских поэтов расходятся в миллионах экземпляров. Так, произведения Демьяна Бедного, например, разошлись уже в трех миллионах экземпляров, а его собственные, Маяковского, — в двух.

«Это потому, — сказал Маяковский, — что мы сделали из поэзии оружие борьбы трудящихся».

По словам «Фрайгайт», он осветил развитие футуризма с первых дней его возникновения и до наших дней.

«— В футуризме, — сказал Маяковский, — произошел раскол, подобный расколу между большевиками и меньшевиками. Часть футуристов пошла с новым миром, часть — осталась со старым. . .

Выше мы заявили, что не можем дать даже краткое содержание его речи и что весьма сожалеем об этом. Нам кажется, что нет иного выхода, как устроить еще несколько его лекций во всех районах Нью-Йорка.

В заключение своей речи Маяковский заявил:

— Я — только первый «мизинец» своей страны. Америка отделена от России 9000 миль и огромным океаном. Океан можно переплыть за 5 дней. Но то море лжи и клеветы, которое вырыли белогвардейцы, в короткий срок преодолеть нельзя. Нужно работать много и упорно, чтобы могучая рука новой России могла пожать без помех могучую руку новой Америки.

Лекция и чтение стихов закончились, но собравшиеся все еще не хотели покинуть зал. Да, долго

будет жить в их памяти вечер, который они провели с Маяковским»¹.

«Бурным потоком прибывает революционный пролетариат Нью-Йорка и его окрестностей в Централ Опера Хауз, чтобы посмотреть-послушать певца Октябрьской революции Владимира Маяковского, — говорилось в «Новом мире».

Тысячи искрящихся глаз устремлены на эстраду, заполненную представителями печати, пролетарских организаций. Ждут с затаенным дыханием «богатыря советской поэзии».

Но... прежде надо выслушать приветственные речи. Они люются ручьями самых красивых, возвышенных слов. И при каждом упоминании имени поэта и определении его творчества как «титана русской литературы», «певца революционных масс» своды огромного зала оглашаются долгими аплодисментами. . .

Кончились речи. Из-за кулис появляется Маяковский.

— Добро пожаловать, Владимир Владимирович! — раздается голос председателя вечера. . .

Зал гремит. Долго-долго.

Вот он — Маяковский! Так же прост и велик, как и сама Советская Россия. Гигантский рост, крепкие плечи, простенький пиджачок, коротко остриженная большая голова и широкая русская ноздря.

С виду — ничего величественного, отличительного: просто русский парень, здоровенный, угловатый, размашистый.

---

¹ «Маяковский гипнотизирует более двух тысяч человек на своей лекции». «Фрайгайт», 16 августа 1925 г.

Он стоит и ждет, чтобы смолкли аплодисменты. Как будто начинают утихать, но вдруг — совершенно неожиданно — новый взрыв рукоплесканий, и вся публика вскакивает со своих мест.

В воздух летят шляпы, машут руками, платками. Не видать конца овациям!

Зал замирает.

Воцаряется полная тишина.

И, словно раскаты грома, раздается голос Маяковского.

Так гремел голос пролетариата в Октябре 1917 года.

Просто, но красочно знакомит Маяковский публику с историей развития новейшей русской поэзии, с ростом художественной советской литературы.

— В тысяча девятьсот семнадцатом году вся «соль» земли русской, а стало быть, и литературы, бежала за границу. И из варшавских, берлинских редакций неслись их предательские голоса: «По-осмотрим, как они без нас будут жить, какая будет у них литература!»

Но революционная пролетарская Россия даже не заметила их отсутствия.

Вот одно из красноречивейших доказательств.

Известный в свое время писатель-ученый, господин Философов, оставшийся первое время после Октября в России, был, наряду с другими учеными, зачислен на так называемый академический паек. Вскоре, не стерпев пролетарского духа, сбежал он по ту сторону границы. Заметила ли новая Россия его отсутствие?

Ничего подобного! В течение полутора лет ему

продолжали выписывать академический паек... Просто не заметили, что его нет...

Так было и с другими спецами. Молодая революционная Россия, воюя на всех фронтах, одновременно выдвигала своих собственных спецов, своих собственных поэтов и писателей. Еле знавшие грамоту, с закорючлыми корявыми пальцами, они брались за перо. И в настоящее время у нас имеется целая плеяда писателей, творящих на литературном фронте то самое важное и большое, что организованный, ставший у власти пролетариат творит и создает на всех других фронтах великого Союза Социалистических Республик!

Долго-долго говорил еще Владимир Маяковский. В громовых раскатах его голоса чудилась та великая страна, которая породила одного большого и много-много малых Маяковских, значение которых растет вместе с ростом величия единственной в мире Социалистической Республики.

С напряженным вниманием выслушивала огромная аудитория стихи Маяковского в мастерском чтении самого автора. Все то непонятное, непереваримое для непривычного читателя, что имеется в стихах и поэмах Маяковского, совершенно исчезало, становилось ясным и понятным, простым и величественным в устах самого Маяковского. Каждое прочтенное стихотворение вызывало долго не смолкаемые рукоплескания. И было очевидно, что публика не устанет его слушать еще, еще и еще.

Но время было ограничено: только до полуночи...

Да и здоровенный голос Маяковского уже стал слабеть — шутка ли:

— Три гремящих «трейна» я уже перекричал. А вот и четвертый катит, черт! — смеется Маяковский и вместе с ним — вся аудитория.

Полным добродушного, но едкого сарказма стихотворением, посвященным характеристике старых и новых писателей и поэтов прошлой и настоящей России, Владимир Маяковский закончил «вечер новой русской поэзии». Этот вечер долго-долго будет жить в памяти присутствовавших!»¹

«Фрайгайт»:

«Пятница. Жарко. Солнце печет так, что, кажется, весь мир вот-вот захлебнется в поту. Лица блестят, движения ленивы, мозг не работает — он спит или дремлет.

В дремлющем мозгу вдруг рождается мысль:

— А Маяковский? Ведь сегодня его первое выступление в Централ Опера Хауз...

Но кто он?

Ах, да, поэт...

Он прибыл из Советской России.

Но кто пойдет его слушать? Там жарко, такая лень...

Да и что мы знаем о нем? Кто интересуется им?

Поэт... Разве мало поэтов в самой Америке?

Но кому они нужны? Кому нравятся?

Он прибыл из Советской России?

А что он воспевает? Чему посвящены его песни — эти новые, небывалые песни великой революции?

Кто пойдет их слушать?

---

¹ И. Пришелец. На вечере Маяковского (впечатления). «Новый мир», 18 августа 1925 г.

Просчет, большой просчет допустили устроители лекции Маяковского в Нью-Йорке — у него не будет сегодня аудитории.

Вечер. Солнце устало лить раскаленные лучи на землю и перевернулось на другой бок.

Но в воздухе так же душно. Люди по-прежнему стремятся в холодок.

— Вы не идете к Маяковскому? Не хотите послушать новые песни новой России?

Жаль...

В метро. Вагон переполнен.

Куда едут все эти люди? К Маяковскому? О нет!

Их лица бесстрастны, движения ленивы, их глаза не выражают ничего, кроме апатии и усталости.

Нет, это — не слушатели Маяковского, не люди, жаждущие русской правды.

Вот стоит один из них возле меня, читает «Русское слово».

Смотрю на него. К Маяковскому?

О нет! Глаза у него какие-то пустые, лицо вытянулось, как у белогвардейца.

Смотрю на часы. Уже поздно. Ах, черт возьми. Почему это медленно движется сегодня метро? Разве не может оно двигаться быстрее? Экспресс, а ползет как черепаха.

Наконец на улице. Тишина.

Где же люди?

Ведь не вымер же Манхэттэн?

Вот медленно-медленно, не торопясь, будто считая шаги, идут какие-то женщины.

О чем-то шепчутся между собой...

О чем они шепчутся? Почему идут таким тихим шагом?

Разве не знают они, что вот здесь, совсем рядом — Централ Опера Хауз? Разве не чувствуют, что там сейчас происходит?

...У входа в зал. Полное спокойствие. Ни одного человека у кассы. Ни звука.

Не чувствуя под собой ног от волнения, в один прыжок взлетаю по лестнице. Сердце стучит как барабан. В полном изнеможении прислоняюсь к стене.

О, радость! Зал переполнен. Ни одного свободного местечка. Люди стоят и через головы сидящих, вытянув шеи, смотрят на сцену. Мне хочется кричать от радости, хочется обнять их всех и крепко-крепко прижать к сердцу.

Маяковский говорит. Это сама новая Россия говорит. Сто пятьдесят миллионов рабочих и крестьян говорят его устами, и все присутствующие жадно прислушиваются к каждому его слову — свободному слову человека, приехавшего из нового мира.

Маяковский говорит. Все, что он говорит здесь сегодня, — ново. Никто еще не говорил здесь до него таких новых слов, не высказывал таких мыслей.

Эти мысли горды, эти слова дерзновенны — никто еще не высказывал здесь до него таких дерзких мыслей.

Но мы понимаем эти слова, воспринимаем эти мысли. Более того — нам кажется, что это наши собственные мысли, что это мы сами произнесли все эти слова. Настолько близки, настолько понятны они нам. Настолько правдивы.

Маяковский говорит. Это сама новая Россия говорит. Сто пятьдесят миллионов рабочих и крестьян поют его устами песнь освобожденного мира.

Маяковский воспевает новую жизнь. Его стихи дробят и крошат, куют и строят.

Маяковский поет, и мы слышим, как вся Россия поет, но не так, как Америка в стихотворении Уолта Уитмэна «Я слышу Америку поющей».

Когда Уитмэн писал:

Каменщик поет,
уходя на работу
или же оставляя ее, —

то это была песня будущего, но не сегодняшнего дня, оглашаемого стонами.

Сегодня (в Америке. — С. К.) не поет ни один рабочий — он стонет или в ярости скрипит зубами.

По всему миру слышен этот стон и скрежет зубовой, и глух тот, кто не слышит его.

И только одна страна псет — Советская Россия.

Когда выступает Маяковский, нам кажется, что это поет Россия.

Правдива эта песня, горделива эта песня, и слышатся в ней бас разрушения и пафос стройки, ощущаешь через нее дух нового мира.

Маяковский говорит — и наши сердца встрепенулись, спины выпрямились, мы чувствуем, как вливается в нас, капля за каплей, новая жизнь.

Мы как бы оттаиваем на глазах у всех, мы воодушевляемся и совершенно забываем, что находимся в Централ Опера Хауз, в 9000 миль от России.

Маяковский декламирует свои стихи, и нам кажется, что мы — в России»¹.

Молчание крупных американских буржуазных газет вынудило одного из слушателей Маяковского обратиться со следующим письмом в редакцию «Нью-Йорк таймс».

«Я, может быть, ошибаюсь, но мне кажется, что наша печать умышленно игнорирует пребывание выдающегося иностранного гостя на наших берегах. Я имею в виду знаменитого русского — не следует ли мне сказать «большевистского»? — поэта Владимира Владимировича Маяковского. Я говорю «поэта» со слов других, так как он футурист, а я считаю себя недостаточно компетентным, чтобы судить об этом.

На днях я ходил вместе с 2000 других слушать, как он читает свои стихи. Маяковский — огромный малый, с потрясающим голосом. Своим густым басом он обращался к нам, держа в руке бутылку шипучки, из которой с известными промежутками тянул небольшими глотками воду через соломинку. Множество других бутылок, пустых и полных, стояло на столе.

Поэт сказал, что намерен вести честную игру и соблюдать все законы, установленные здесь, в Америке.

Но его стихи, безусловно, чертовски насыщены.

---

¹ И. Платт. К Маяковскому. Впечатления. «Фрайгайт», 23 августа 1925 г.

О Соединенных Штатах Маяковский говорил с серьезным уважением, но он сказал, что во время своих футуристических походов в России видел девушку с позолоченным носом. Теперь он встретил эту девушку здесь, в виде башни с позолоченной крышей.

Маяковский сказал, что в России сейчас наблюдается повальное увлечение поэзией. Стихи Демьяна Бедного разошлись в трех миллионах экземпляров, а его, Маяковского, — в двух. Интересно было бы знать, кто оплачивает эти тиражи — читатель или правительство?

Наши местные поэты и писатели могут получить для себя много ценного от этого необыкновенного человека. Почему бы не перевести его?»¹

«Третьего дня вечером в огромном помещении Централ Опера Хауз состоялось первое выступление в Америке знаменитого русского поэта-футуриста и руководителя крайне левого направления искусства современной молодой России — Владимира Владимировича Маяковского», — писал «Русский голос».

Сентрал Опера Хауз был переполнен сверху донизу. Огромная аудитория с крайним нетерпением ожидала выступления поэта. Интерес к Маяковскому, как к живому свидетелю «исторических дней» ...можно было прочесть на лице каждого рабочего, пришедшего посмотреть на него и послушать его стихи в его собственном оригинальном чтении.

---

¹ Генри Слободин. Письмо в редакцию. «Стихи с изюминкой, но что они означают?». «Нью-Йорк таймс», 30 августа 1925 г.

Официальные приветствия «Где Маяковский!»

Вечер открыл председатель русской секции Уоркерс-парти редактор «Нового мира» Радванский. После нескольких вступительных слов приветствия он предоставил слово редактору революционной газеты «Фрайгайт» Эпштейну, который в теплых, сильных выражениях дал краткую характеристику творчества Маяковского.

Появление Эпштейна вызвало долгие, продолжительные рукоплескания. После него Радванский произнес приветствие от имени русской федерации. Он указал, что только Маяковский мог создать поэму-памятник вождю СССР — Ильичу. Он имел в виду блестящую поэму Маяковского «Ленин».

Выступил с кратким словом от имени «Русского голоса» и его читателей сотрудник газеты, поэт З. Гисенькин. От имени секции пролетарских писателей «Резец» выступил Фома Брэдбрей.

Вызвало восторг публики слово комсомольца Рыжака. В лице Маяковского он видит «путеводителя» комсомола.

Публика с жадным вниманием слушала все эти приветствия и награждала каждого рукоплесканиями.

Но вдруг — казус... Где же сам Маяковский? На эстраде его не оказалось. Не оказалось и за сценой. Но он стоял в толпе и внимательно слушал, что происходит «на вечере Маяковского».

Ураган аплодисментов. Маяковский говорит

Наконец на эстраде появился сам Маяковский. Сильный, большой, здоровый. Трудно описать, что произошло в публике. Посыпались аплодисменты. Маяковский пытался заговорить. Но аплодисменты не прекращались. Все поднялись со своих мест. Стучали о пол.

Наконец Маяковского «пощадили». И раздался его громовый голос: «Товарищи и граждане!»

Маяковский говорит превосходно. Его речь плавная, внушительная и уверенная.

В своем «вступительном слове», как он назвал свою речь, Маяковский провел грань между старым, умершим искусством символистов, декадентов и проч. и новым. . .

Он начал с указания на безвкусицу и бесполезность нынешних художников буржуазного мира и на задачи нового поэта и художника новой России.

Маяковский громит старый мир

Маяковский резко отмежевался от таких прежних футуристов, как Северянин, которые очутились в лагере контрреволюции, между тем как все истинные новые поэты с первого момента революции оказались в первых рядах восставшего пролетариата.

Он сравнил при этом изысканно-слащавый северянинский «Ананас» со своим собственным стихотворением, четверостишие из которого распевали

революционные матросы «Авроры» во время борьбы:

Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
День твой последний
приходит,
буржуй.

Маяковский рассказал, как в первые дни революции рабочие корявые пальцы принялись за литературу, а «соль земли русской» сбежала за границу.

Маяковский протягивает руку Америке

Маяковский утверждает, что вся работа художника и поэта должна найти себе оправдание в самой жизни. Вещь должна стать в центре творчества, а вдохновение — это только остаток давно ушедших времен, не находящий себе оправданий в жизни.

В заключение своей речи он указал на отношение молодой России к Америке. Маяковский приехал в Америку учиться, по его собственному признанию. «Не шапками закидать», — говорит он. В новой России «американизм» своего рода заслуга, но это в лучшем смысле слова. Он надеется, что, когда океан лжи будет переижден, СССР и Америка протянут друг другу свои мощные руки.

«Вступительное слово» было покрыто долгими продолжительными аплодисментами.

Вся остальная часть вечера была посвящена поэтом чтению своих прекрасных стихотворений.

Маяковский декламирует

Маяковский — необыкновенный декламатор. Не всякий может читать свои произведения, как он. Его великолепные «Роста» и «Юбилейное» (посвященное Пушкину) в его чтении превратились в шедевр.

После нескольких декламаций Маяковского выступил с запоздалым, но необыкновенно сильным и красивым словом старый товарищ и друг Маяковского, Давид Бурлюк. О нем вспоминал в своей речи Маяковский. Публика прервала тогда слова Маяковского бурными аплодисментами. Но Бурлюк был в то время в публике.

Закончил Маяковский свой первый вечер в Нью-Йорке декламацией своих новых стихов и ответами на вопросы публики.

Вечер прошел блестяще. Он надолго останется в памяти всех почитателей поэта»¹.

27 августа 1925 года утонули, катаясь на лодке, в озере Лонг-Лейк (под Нью-Йорком) председатель «Амторга» И. Я. Хургин и приехавший за несколько дней до этого в Америку Э. М. Склянский. По свидетельству газет, о гибели «советских представителей друзья узнали поздно ночью»². Рассказывая о пребывании Маяковского в Нью-Йорке, Ш. Эпштейн вспоминает: «Внешне суровый и твердый, он был удивительно сердечным другом, когда товарищ Хургин —

---

¹ «Вечер Маяковского прошел с огромным успехом». «Русский голос», 16 августа 1925 г.

² «Нью-Йорк таймс», 29 августа 1925 г.

представитель советско-торгового американского общества «Амторг» — утонул, Маяковский не отходил от гроба, стоявшего несколько дней в Нью-Йорке. Тысячи людей прошли мимо гроба, и высокая фигура Маяковского возвышалась над ними, как символ скорби. Он очень глубоко переживал смерть товарища Хургина, хотя до Америки Маяковский почти не знал его»¹.

Церемония отправки урн с прахом погибших в Советский Союз была запечатлена в документальном фильме. По свидетельству видевших этот любительский фильм, там было много кадров с Маяковским.

6 сентября Маяковский телеграфировал Л. Ю. Брик «...несчастье Хургиным расстроило визные деловые планы»².

...Прошло более трех недель со дня первого выступления Маяковского в Нью-Йорке. На 10 сентября было назначено второе.

«Этот вечер является ответом на многочисленные просьбы лиц, не имевших возможности быть на первом вечере, — писали газеты. — Поступило также много писем с просьбой устроить второй вечер...

В ближайшие дни будет объявлена программа вечера».

«Все идем 10 сентября в Сентрал Опера Хауз на лекцию великого поэта Советского Союза Владимира Владимировича Маяковского!» — призывал «Новый мир».

«Первая лекция Маяковского прошла с необычно-

---

¹ Ш. Эпштейн. Встречи с Владимиром Маяковским. «Червоный шлях». Харьков, 1930, № 5—6.

² «Литературное наследство», т. 65. М., 1958, стр. 151.

венным успехом, — писал «Русский голос». — Зал был переполнен. Сегодня — вторая лекция и чтение поэтом своих новых произведений.

И сегодня зал будет переполнен. . .

Не забудьте же: сегодня второе выступление поэта СССР Владимира Маяковского!»

«Он будет говорить на тему: «Что представляет собой новая русская поэзия и каковы ее задачи?», а также прочтет третью часть своей великой поэмы «Ильич» (Ленин)», — сообщала «Фрайгайт».

Вот программа второго вечера В. В. Маяковского в Нью-Йорке:

«1. Что и зачем новая поэзия? (доклад о критиках, о себе и о других).

2. Стопудовая весть (третья часть поэмы «Ильич»).

3. Памятник рабочим Курска (отрывок из поэмы о Курской магнитной аномалии).

4. Стихи: «Вульворт и барышня», «Внутри небоскреба», «Стихи для детей» и др.

По окончании — ответ на записки».

Настал день второго выступления. Оригинальную заметку-шутку поместил в этот день «Новый мир». Набранная крупным шрифтом, она была напечатана на первой странице, рядом с заголовком газеты:

«Сегодня вечером все нью-йоркские маяки потухнут. Будет светить только один, но зато громадный СССРовский маяк — Владимир Владимирович Маяковский».

Сходите посмотреть на него и послушать в Централ Опера Хауз.

Просят пароходы к Маяковскому не приставать, так как мест мало, а желающих послушать много. . .»

Никто не записал первого выступления Маяковского в Нью-Йорке. В этом отношении второму больше повезло. «Новый мир» поместил подробное изложение лекции, полностью приводимое ниже:

«Лекция тов. Маяковского была построена на пояснении трех основных тезисов, характеризующих советскую поэзию и глубокой гранью отделяющих ее от поэзии буржуазных стран, — говорилось в газете.

Первый тезис — советская поэзия есть производительное искусство.

В чем выражается «производительность» ее?

Не в том, конечно, что она «механизировалась», превратилась в простое производство. Советская поэзия остается поэзией, творчеством в истинном смысле этого слова. Но советский поэт в своем творчестве стремится стать и становится лицом к лицу с рабочим. Он черпает свое вдохновение в каждодневном, но вместе с тем геройском, часто в полном самоотречения и самопожертвования советском строительстве, в созидании новых, лучших форм социальной жизни.

Первая задача искусства — найти свое место в мире.

Этот лозунг вначале был встречен враждебно некоторыми представителями искусства даже в самой Советской России.

Второй тезис — искусство есть творчество сегодняшнего дня, искусство не вечно. Оно должно отражать в себе нужды, заботы и чаяния настоящего момента, а не витать в небесах.

Мещанство восстает против этого положения.

Этот тезис чужд мелкобуржуазному мировоззрению «успокоившихся граждан», для которых искусство своего рода удобный диван, на котором так приятно отдохнуть и возноситься мечтами к звездам.

Эти «успокоившиеся граждане» не могут, конечно, понять, что революционное искусство должно выковываться в каждодневных горестях и радостях широких трудовых масс, черпать свое вдохновение из корней жизни.

Каждый революционный поэт должен — и в этом заключается третий тезис — связать себя с классовой борьбой, честно и сознательно связать себя с чаяниями и стремлениями рабочего класса, бросить вызов буржуазии.

Эти три положения, легшие в основу новой советской поэзии, советского искусства, заставляют буржуазных критиков обрушиваться на советских поэтов, как на «бездушных людей», «советских вандалов», отрицающих старое искусство, душу, ту мистическую «душу», которую они сами никогда не видели, но о которой знают понаслышке или из богословских книг.

Их душа представляет собой, в сущности, их собственные лирические переживания, и буржуазные поэты и критики сильно скорбят о ее потере.

Должны ли поэты Советской России стать на сторону этой таинственной «душонки», к которой мещанство и буржуазия всех капиталистических стран (и особенно Америки) относятся так нежно?

— Нет! — отвечает Маяковский. — Советские поэты стоят твердо, обеими ногами, на земле.

Но мещанство и буржуазия боятся реализма. Их

мелкая покупательская психология не переносит реализма и пытается затушевать его разными «душевными» излияниями, мягкой музыкой, мягким светом свечей.

В Советской России нет и не должно быть места мещанской лирике. Там идет борьба с мещанским укладом жизни.

Из этого не следует, что ревлюция исключает лирику. Но лирика революции и лирика мещанства — два борющихся мотива. Они по своему существу прямо противоположны друг другу.

Каждое искусство создается классом во время его подъема. Потом оно становится ретроградной силой.

Как на иллюстрацию этого, тов. Маяковский сослался на Сергея Городецкого и других поэтов царской России, тонкая поэзия которых часто скрывала наглые помыслы империалистических захватчиков.

Вопрос об отделении искусства от жизни, сказал Маяковский, вздорный вопрос. Искусство выражает интересы того или иного класса. Советские поэты вполне сознают это и в этом видят новые возможности. Им чужда кружковщина русского иммигрантства, их не обольщает отвлеченная лирика, внешность. Они знают, что каждое стихотворение — оружие для борьбы, а не для отдыха. Революционные советские поэты, освободившись от буржуазных пут, отвечают презрением на предложения о соглашательстве. Их не поймает на молочных реках и кисельных берегах «свободного» искусства.

Они знают, что единственное место, где гордый, уважающий себя художник не подвергается необходи-

мости продавать свои достижения, это — Советская Россия, страна железной диктатуры пролетариата»¹.

Вот отчет, опубликованный в «Русском голосе».

«В четверг вечером, — говорилось в отчете, — в огромном помещении Централ Опера Хауз состоялось второе выступление поэта пролетарской России В. В. Маяковского. Как и в первый раз, зал был набит поклонниками таланта поэта и теми, кто вообще интересуется современной русской литературой.

На этот раз, — пишет газета, — вступление Маяковского к чтению стихов носило литературно-политический и полемический характер.

Ответ критикам

Поэт коснулся критиков его первого выступления. Упомянул он и об упреке, раздавшемся по его адресу со страниц «Русского голоса» в связи с его отзывом о творчестве крестьянского поэта Есенина.

Маяковский считает Есенина безусловно талантливым, но консервативным поэтом. Есенин оплакивал гибель старой кулацкой «деревенщины», в то время как пролетариат Советской России вынужден был с этой «деревенщиной» бороться, так как кулаки прятали хлеб и не давали его голодающему городу. Талантливость Есенина усиливает необходимость бороться с есенинским движением в России, — заявляет Маяковский. Он, однако, отдает должное последним работам Есенина, начавшего осознавать необходимость «засесть за Маркса».

---

¹ Б. Сельцов. Маяковский о советской поэзии. «Новый мир», 14 сентября 1925 г.

Маяковский о лирике

В красивой форме и удачных выражениях охарактеризовал Маяковский мещанский лиризм старого искусства.

По его определению, лиризм поэта, мечтавшего о русском Константинополе, схож с мечтами того кадета, который произносил речи в пользу захвата Дарданелл. Оба — «лирики». Но за этой «лирикой» скрывается империализм. А империализм связан с гибелью.

Декламация собственных стихов

Вторая и третья часть вечера, — продолжает газета, — были заполнены удачной, как всегда, декламацией Маяковского. . .

Отрывок из поэмы «Ленин» приковал всеобщее внимание. Поэт говорил о смерти Ленина, о роковом известии, когда не стало пролетарского вождя, о похоронах. Двухтысячная масса была в буквальном смысле слова загипнотизирована.

Маяковский прочел еще несколько стихотворений, и каждое из них вызвало гром аплодисментов.

В заключение поэт отвечал на вопросы по запискам. Эти вопросы носили преимущественно политический, а не литературный характер. Естественно, что и поэт в своих ответах вынужден был держаться той же плоскости»¹.

Что же это за «упрек» в адрес Маяковского, раздавшийся со страниц «Русского голоса»? Каких кри-

---

¹ «Второе выступление поэта Владимира Маяковского». «Русский голос», 12 сентября 1925 г.

тиков его первого выступления имел в виду поэт? Чем был вызван полемический тон его речи?

20 августа «Русский голос» напечатал статью М. Драйверта, крайне раздраженного первым вечером Маяковского в Нью-Йорке, недовольного его творчеством послереволюционного периода, озаглавившего свою статью: «Два Маяковских (на началах дискуссии)».

«На вечер Маяковского в Нью-Йорке, — пишет М. Драйверт, — я шел с большим трепетом. Творчество этого поэта, автора «Облака в штанах», «Войны и мира», «Мистерии-Буфф», было мне в свое время чрезвычайно близко. Но со времени создания этих произведений прошло семь лет — все события русской революции, а у поэта за семь лет может быть семь эпох. Какая эпоха сейчас у Маяковского?»

По словам Драйверта, на этот вопрос «исчерпывающе ответил» в своем первом выступлении сам Маяковский. «Мощным голосом читал он свои произведения», и Драйверту «стало жаль, что муза поэта покинула его».

«Создалось впечатление, что у Маяковского нет настоящего, — до такой степени мелки его произведения последних лет по сравнению с 1915—1918 годами».

Драйверту не нравится все творчество Маяковского после революции. «Даже талант версификатора ослаб, — пишет он. — ...Только вещь о Пушкине трогает до слез своей искренностью...»

Несколько слов о нынешнем Маяковском. Трагедия его в том, что он — вне живой жизни, хотя и стремится к ней».

Автор статьи считает, что Маяковский «погряз в литературщине». Доказательство он видит в выступлении поэта на первом вечере в Нью-Йорке. «Не могу ему простить его выпада по отношению к другому русскому поэту — Есенину, — пишет он. — Кто-то из публики запиской спросил Маяковского: какое течение в поэзии представляет Есенин? И что же ответил Маяковский? Есенин, ответил он, представляет собой не течение, а сам истекает водкой».

Вот этот ответ и вызвал бурное негодование Драйверта, «упрек» в групповщине («литературщине»). «Такой ответ, — возмущается он, — мог дать только завистник. В Америке, где вся буржуазная пресса затравила Есенина за его болезнь, Маяковский добавил свою каплю яда. . .»

Драйвертом дело не ограничилось. Может быть, Маяковский прошел бы мимо единичного выпада — слишком ясно было лицо автора, не понявшего или не захотевшего понять шутку Маяковского и вменившего ему в вину то, что Маяковский никогда в виду не имел. Но 1 сентября в той же газете прозвучал еще один упрек — был напечатан фельетон А. В. (А. Ветлугина) «Кружковщина в русской литературе». Фельетонист не присутствовал на лекции Маяковского — он постоянно проживал в Калифорнии, откуда слал свои корреспонденции в «Русский голос». Тем не менее он счел возможным подхватить сочиненную М. Драйвертом версию и сделать из нее свои выводы.

«Мне передавали, — писал А. Ветлугин, — что большой русский поэт в докладе, прочитанном за границей, более чем отрицательно отозвался о другом

русском поэте, чье имя и на волах не вытащить из истории литературы.

Поэт, прочитавший доклад, принадлежит, видите ли, к другой литературной группе».

Хотя имя Маяковского и не было названо в фельетоне, поэт счел необходимым ответить на содержащееся в нем обвинение. Он отверг «упрек» в групповщине и разъяснил свое отношение к Есенину.

Вот что означал тезис «О критиках, о себе и о других» (смотри программу второго выступления в Нью-Йорке).

Откликнулись на второй вечер Маяковского в Нью-Йорке и читатели газеты «Фрайгайт». Впечатления одного из них были напечатаны в разделе «Из жизни и борьбы».

«Второе выступление Маяковского. Централ Опера Хауз переполнен молодежью. Это не случайно. Молодость тянет к своему певцу.

Внешне — высокий, широкоплечий мóлодец, без особых примет поэта. Язык — крепкий и уверенный, как и должно быть у человека, имеющего под ногами здоровую основу. Шутка ли: весь освобожденный народ великой страны чувствует он за своей спиной, разделяет его горести и радости и готов обнять и прижать к своему сердцу всех угнетенных и помочь им, как это делает его правительство.

Его лекция? Каждому сознательному пролетарию, кажется, теперь ясно, что нет литературы бестенденциозной. Каждый класс имеет свою идеологию и свою литературу.

О его декламационном таланте уже писалось. Для меня он представитель и символ новой России, обно-

вившей все области человеческой культуры. Не хочу даже сравнивать его с нашими поэтами, пишущими для очень ограниченного круга читателей и оторванными от широких масс, потому что они смотрят на эти массы сверху вниз, как на неравных. Поэтому и наблюдается у них упадок творчества. Сидят они по своим углам и занимаются сплетнями. Себя превозносят, а других унижают. Даже наиболее молодые из молодых заражены этим духом. . .

Хочется ведь каждому показать в своем кружке, что он жив и творит, и вот выдавливают он из себя стихотворение или рассказ, чтобы успокоить свою художественную совесть.

Пусть возьмут наши поэты пример с Маяковского. Тогда их влияние не ограничится лишь четырьмя стенами своей комнаты»¹.

Незадолго до отъезда в Америку Маяковский обратился к машинисткам со странной на первый взгляд просьбой: снова перепечатать поэму «Владимир Ильич Ленин», уже вышедшую к тому времени отдельной книгой, на машинке. Но перепечатать так, словно это не поэма, а рассказ: сплошным текстом, без разбивки на стихотворные строки и уж конечно без его знаменитой «лесенки». По возможности убористой — через один интервал, с «оборотом», то есть и на другой стороне листа.

Просьбу выполнили. Текст уложился в восемна-

---

¹ Яков Фиш. Слушая Маяковского. . . (Впечатления пролетария). «Фрайгайт», 2 октября 1925 г.

дцать страниц. Маяковский сложил рукопись пополам, затем согнул ее еще раз, сунул в боковой карман пиджака. Так она и пропутешествовала с ним в Америку и обратно. Она и сейчас хранится в Библиотеке-музее поэта — слегка протершаяся на сгибе, без последнего листа.

Затерялись последние две страницы в Америке или Маяковский подарил их кому-либо по возвращении — не известно. Можно только гадать и по поводу того, зачем понадобился Маяковскому такой «камуфляж». Наиболее вероятное предположение — в целях экономии места. Если будут обыскивать на границе, книгу могут изъять, а рукопись, в таком виде напоминавшая деловые бумаги, уцелеет, останется.

Уцелела. Однако, если бы даже и пропала, «про Ленина рассказ» прочно сидел в памяти Маяковского, он мог бы читать поэму почти всю наизусть, читать, почти не заглядывая в текст.

Всю свою жизнь, всю свою деятельность Маяковский строил «по Ильичу»:

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.

Величайшее достижение мировой литературы — поэму о вожде — и «сердце, полное любовью к Ильичу», вез Маяковский в Америку. Это был его подарок трудовому народу этой страны, лучшее, что он мог дать.

Почти на всех своих вечерах в Америке Маяковский читал отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин». Чаще всего — третью часть называвшуюся в программах его выступлений «Стопудовая весть».

Сообщая о втором выступлении Маяковского в Чикаго, «Дейли уоркер» писала в номере от 25 октября 1925 года:

«Прекрасная поэма о Ленине произвела огромное впечатление на слушателей. Остальные произведения также вызвали всеобщее одобрение и аплодисменты»¹.

Один из слушателей Маяковского вспоминает:

«Поэма произвела колоссальное впечатление. Даже те, кто не понимал русского языка, всеми фибрами души ощущали мощь этой поэмы».

12 сентября 1925 года В. В. Маяковский выступил в Куни-Айланде — этом «Острове Увеселений», где, по словам поэта, «в отдельных киосках собраны все отвратительнейшие уроды мира».

«Кони-Айланд, — делится впечатлением Маяковский, — приманка американского девичества.

Сколько людей целовалось в первый раз по этим вертящимся лабиринтам и окончательно решало вопрос о свадьбе в часовой обратной поездке собеем до города! Таким идиотским карнавалом кажется, должно быть, счастливая жизнь ньюйоркским влюбленным»².

---

¹ «Последнее выступление Маяковского в Чикаго». «Дейли уоркер», 22 октября 1925 г.

² В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 311—312.

Карнавал, состоявшийся в указанный день в Куни-Айланде, носил иной характер. Вот что сообщают о нем американские газеты:

«Икор» — общество, содействующее земледельческой колонизации евреев в СССР, — устраивает сегодня вечером, 12 сентября, в Куни-Айланде большой концерт — бал-карнавал с весьма интересной программой.

Знаменитый русский поэт В. Маяковский прочтет некоторые из своих произведений»¹.

В газетах был опубликован отчет о карнавале (под рубрикой «Из жизни и борьбы»). Вот что говорится в отчете:

«...Пишущий эти строки уполномочен горячо поблагодарить от имени комитета всех участников концерта 12 сентября и заявляет, что прогрессивные трудящиеся Куни-Айlanda давно уже не помнят такого прекрасного вечера.

Само собой разумеется, что в центре вечера был известный русский поэт В. Маяковский. Народ встретил его бурной овацией, криками приветствия и пением «Интернационала», что, возможно, явилось сюрпризом для него. Он передал привет из России и сказал, что все национальности пользуются теперь там самыми широкими демократическими правами, всеми человеческими свободами, что там теперь нет разницы между русским и евреем, армянином и татаринном, — все, все равные граждане великой освобожденной России...

---

¹ «В. Маяковский сегодня в Куни-Айланде». «Новый мир», 12 сентября 1925 г.

Это, — сказал тов. Маяковский, — достигнуто только в результате Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, которая предоставила всем народам бывшей царской России равную возможность жить по-человечески.

Тов. Маяковский прочитал также одно из последних своих стихотворений — «Вульворт билдинг», и это тоже вызвало шумное одобрение присутствующих»¹.

...Спустя неделю Маяковский выступил в Пикскилле. Об этом выступлении у нас долгое время ничего не было известно.

...Небольшой американский городок Пикскилл на левом берегу Гудзона, близ Нью-Йорка, некогда преуспевающий речной порт, а ныне ничем не выдающийся торговый центр, «забытый, дряхлеющий и смрадный, как гниющая рана», по выражению самих американцев, приобрел в 1949 году широчайшую известность в связи с гнусной попыткой американских фашистов линчевать выступавшего там Поля Робсона — великого певца и борца за мир. Попытка не удалась только благодаря великолепному отпору, данному ей борцами против фашизма. «Многие поколения будут не раз вспоминать пикскиллский инцидент и размышлять о нем», — отмечалось в печати.

Но не только этим может быть памятен людям Пикскилл.

19 сентября 1925 года там побывал величайший поэт нашей эпохи... В это время Маяковский жил в

---

¹ И. Шик. Первое выступление объединенного комитета «Икор» в Куни-Айланде. «Фрайгайт», 20 сентября 1925 г.

Манхэттэне — деловой части Нью-Йорка, окруженной со всех сторон серыми коробками небоскребов. По субботам же он выезжал за город — на север, километров за 60 от Нью-Йорка, туда, где находился воспетый им кемп «Нит гедайге».

Это был своеобразный дом отдыха выходного дня, созданный по инициативе коммунистов нью-йоркскими рабочими на свои сбережения. Главную массу отдохавших составляли представители так называемой «игольной индустрии» — портные, белошвейки, вышивальщицы, члены профсоюза работников дамского платья, одного из самых крупных в Нью-Йорке. В 1923 году несколько прогрессивных «локалов» (отделов) союза сложились и приобрели за восемнадцать тысяч долларов близ Бикона дом с прилегающим к нему участком земли в двести пятьдесят акров. Разбили палатки на семьсот человек, провели электричество, устроили душ. В красивом горном ущелье, неподалеку от кемпа, соорудили дамбу — получилось озеро, куда, ни на минуту не смолкая, ниспадал горный ручей.

Отдыхающие за два доллара в день получали палатку на двух человек, кровать с теплым одеялом, завтрак, обед, ужин.

Некоторые палатки были расположены по склону прямо на высоком, крутом берегу Гудзона, с нескольких сторон омывавшего территорию лагеря. Из входа в палатку ночью открывался феерический вид: небо, усеянное мириадами звезд, река с движущимися по ней ярко освещенными пароходами, море огней на горизонте. Все это настраивало на философский лад:

Запретить совсем бы
ночи-негодяйке
выпускать
из пасти
столько звездных жал.
Я лежу, —
палатка
в кемпе «Нит гедайге».
Не по мне все это.
Не к чему...
и жаль...
...Прямо
перед мордой
пролетает вечность —
бесконечночасый распустила хвост.

...У одного из отдохавших в кемпе, Г. М. Гринблата, живущего в настоящее время в Москве, удалось разыскать снимок: палатка в кемпе «Нит гедайге», Брезентовый тент, деревянный настил, две кровати... В такой точно палатке жил Маяковский. Он часто приезжал в кемп «Нит гедайге».

Нью-Йорк
до вечера тяжек
и душен...

Из пыльного, душного, раскаленного, как сковорода, Нью-Йорка поэт подымался на пароходе вверх по Гудзону от остановки на углу Сто двадцать пятой улицы до Нью-Бурга — такого же, как Пикскилл, крошечного городка, — пересекал на пароме реку, затем еще добрых полчаса трясся в автобусе, пока не достигал наконец кемпа «Нит гедайге», где его уже ждали сотни людей — рабочие и их семьи.

Первое выступление Маяковского в кемпе состоялось в конце августа, а не 5 сентября, как сообщают

некоторые источники¹. («Неделю назад здесь читал Маяковский». — Д. Бурлюк. «В кемпе «Нит гедайге». «Русский голос», 2 сентября 1925 г.) Затем Маяковский еще несколько раз выступил там. Привожу объявление, напечатанное в первых числах сентября в одной из газет:

«Три праздничных дня в кемпе «Нит гедайге» с тов. Маяковским в качестве главного гостя.

Ввиду того, что «уик энд» (конец недели. — С. К.) продлится на этой неделе несколько дольше обычного, правление лагеря решило расширить намеченную ранее большую программу и сделать ее еще более богатой и содержательной. Она откроется в пятницу вечером живой газетой у ярко пылающего костра. В субботу состоится концерт, в котором примут участие лучшие артисты сцены, а в воскресенье — веселый бал-маскарад, под лозунгом: не унывай!

Понедельник — «нечто новенькое!», как это называет правление, а именно — прощальный вечер.

Во всех трех вечерах примет самое активное участие пролетарский поэт тов. Владимир Маяковский².

В другом случае газета назвала вечера с участием Маяковского «самыми праздничными из всех праздничных вечеров»³.

Пребывание в кемпе открывало перед Маяков-

---

¹ См. например: В. Катанян. Маяковский. Литературная хроника. Издание третье. М., Издательство художественной литературы, 1956, стр. 241.

² «Фрайгайт», 4 сентября 1925 г.

³ «Фрайгайт», 22 сентября 1925 г.

Только
        сталью глушит элевейтер
хрип
        и кашель
                        чахотки портняжьей. . .

Он сам слышал этот хрип, этот глухой, надсадный стон и кашель, сам нередко заглядывал, по свидетельству товарищей, в окошки нью-йоркских мастерских, и все полнее раскрывалась перед ним непоказная, нефасадная сторона американского образа жизни.

. . . В нескольких милях от «Нит гедайге», в такой же живописной местности, только чуть поближе к Нью-Йорку, существовал еще один летний рабочий лагерь — «Юнити кооператив кемп». Здесь также пожелали услышать Маяковского. Вот объявление, напечатанное 17 сентября в «Новом мире»:

«В единении — сила,
Кто в субботу сидит
        дома?
        Н и к т о!
Кто идет в мувис? ¹
        Н и к т о!
Кто спит в восемь тридцать?
        Н и к т о!
        Все! Все! Все!
        едут в
Юнити кооператив кемп
на лекцию-декламацию
        поэта
Владимира Маяковского
в субботу 19 сентября».

---

¹ М у в и с — кино.

В других газетах сообщалось:

«Исключительно празднично и интересно будет в Юнити кооператив арбейтер кемп в Пикскилле, штат Нью-Йорк, девятнадцатого сентября. В субботу вечером здесь состоится концерт. Известный русский поэт Владимир Маяковский прочтет лекцию, а также некоторые свои произведения»¹.

...Последнее выступление В. В. Маяковского в кемпе «Нит гедайге» состоялось в конце сентября.

«Суббота, воскресенье и понедельник были подлинно праздничными днями для всех отдохавших в кемпе, — писали газеты. — Пролетарскими праздничными днями.

Особую торжественность придал вечеру великий советский поэт тов. Маяковский.

В своей речи Маяковский остановился на значении таких институтов, как кемп «Нит гедайге», для революционного рабочего движения, на значении для классовой борьбы в США таких газет, как «Фрайгайт», «Дейли уоркер», «Новый мир». После этого тов. Маяковский читал некоторые из своих лучших стихотворений, причем прочел так, что в каждой строчке чувствовался бунт против старого мира. Впечатление от его чтения осталось огромное»².

---

¹ «Фрайгайт», 17 сентября 1925 г.

² «Три праздничных дня в кемпе «Нит гедайге» с товарищем Маяковским в качестве главного гостя». «Фрайгайт», 1 октября 1925 г.

йоркской филармонии, хор под его управлением ежегодно давал традиционный концерт в Карнеги-холл.

Единственный отчет о лекции был напечатан в «Русском голосе».

«В пятницу вечером, при переполненном зале, прошла третья в Нью-Йорке открытая лекция популярнейшего поэта Советской России В. В. Маяковского.

Недоразумение с устройством

Веселый фарс разыгрался вначале, когда устройства лекции — певческое хоровое общество — попросили лектора включить в его доклад что-нибудь о музыке. Маяковский заявил, что он музыки не любит и не признает даже Рахманинова.

Успех лекции

Остроумно начатая лекция прошла с большим подъемом. Маяковский исполнил, между прочим, свои новые произведения: «Небоскреб в разрезе», «Вилли», «Открытие Америки», «Монашенки» и др.

Присутствовало до 1000 человек. Было продано 400 книжек «На память американцам».

Сегодня В. В. Маяковский, в сопровождении Д. Бурлюка, выехал на читку в подгородные рабочие кемпы»¹.

---

¹ «Лекция Маяковского в Вебстер-холл». «Русский голос», 27 сентября 1925 г.

Очевидно, устроители лекции не до конца согласовали с Маяковским тему его выступления. Поэт вообще не собирался говорить о «музыке и поэзии». Только о поэзии. Отсюда — «недоразумение с устройством», «веселый фарс», разыгравшийся, когда Маяковский отказался включить в свой доклад «что-нибудь о музыке».

Члены же общества интересовались именно музыкой, недаром оно было певческим.

Маяковский, как видно из отчета, быстро овладел аудиторией. Сделанный им доклад удовлетворил слушателей. Как всегда, с восторгом были приняты стихи.

Среди тысячи присутствовавших нашлись, однако, недовольные. Спустя много дней после лекции газета «Фрайгайт» напечатала письмо в редакцию, озаглавленное: «Против неправильного отношения Маяковского к музыке».

Автор письма, Х. Голусман, обижен на Маяковского.

«Дорогой товарищ редактор! — пишет он. — Выпады Маяковского против певческого общества «Фрайгайт» на вечере, организованном этим обществом в честь поэта, представляются мне крайне неуместными и грубыми.

Можно не чувствовать музыки, оставаясь при этом хорошим человеком и поэтом. Но когда кто-нибудь говорит, что музыка вообще не нужна, что он лично не любит ее и поэтому она не имеет значения, — это эгоизм.

— Я, Маяковский, заявляю, что музыка мне

безразлична... Певческое общество меня не интересует...

Словно весь мир существует только для того, чтобы доставить удовольствие Маяковскому...»

Из письма в редакцию видно, что автор его ничего не понял в лекции Маяковского. Именно поэтому он и доказывает, что «музыка — прекраснейшее искусство. Она украшает жизнь, помогает рабочим в их борьбе с угнетателями. Кто не знает, — пишет он, — какой энтузиазм рождают в массах революционные песни.

Пусть же растут ряды рабочих певческих обществ, — заканчивается письмо в редакцию, — пусть возбуждают они и впредь своими песнями боевые настроения в массах».

Письмо это нуждается в комментариях. Разумеется, Маяковский и не думал выступать против певческого общества «Фрайгайт», в целом. Он лишь раскритиковал некоторые вещи из его репертуара. Дело в том, что наряду с действительно революционными, поднимающими настроение песнями — такими, что «заставляют течь в Москву Гудзон», — были в его репертуаре песни, не отвечавшие этой задаче, представлявшие собой «мелодизированную скуку».

В Москве мне довелось встретиться с одним из членов общества, Минной Розенман. «Я несколько раз слушала Маяковского в Нью-Йорке, в частности в кемпе «Нит гедайге», где я работала официанткой, — рассказывает она. — Содержание его лекций помню смутно. Но один момент до сих пор ярко стоит в памяти: Маяковский спорит с руководителями

певческого общества «Фрайгайт» по поводу репертуара, что-то горячо доказывает им. . .»

«Америка в воображении русского» — так назвала газета «Новый мир» отчет о новом большом публичном вечере Маяковского в Нью-Йорке 4 октября 1925 года. Сам Маяковский озаглавил тему этого своего выступления: «Что я повезу в СССР?» (в иных объявлениях — «Итого»).

. . . Шла десятая неделя со дня приезда поэта в США. Он уже собирался покинуть эту страну. «Дейли уоркер» писала:

«Театр не убежит, кино не исчезнет, знакомые не уедут, а Маяковский уезжает в СССР.

Поэтому все идем в воскресенье, четвертого октября, в два часа дня, в Иорк-

**Theater Wouldn't
Run Away—
Movies Wouldn't—
Friends Wouldn't—**

but Mayakovsky goes
back to U. S. S. R.

THEREFORE

LET'S GO

Sunday, Oct. 4, 2 P. M.

**to Yorkville Casino,
210 E. 86th St.**

**to the last lecture and recitation
of the great poet**

**VLADIMIR
MAYAKOVSKY**

in New York.

**Get your tickets at Novy Mir,
30 Union Square**

Объявление о выступлении Маяковского в Нью-Йорке 4 октября 1925 г., напечатанное в газете «Дейли уоркер».

вилл Казино на последнюю лекцию и чтение стихов великого поэта Владимира Маяковского в Нью-Йорке».

«Кто, бессердечный, не придет четвертого октября в Иорквилл Казино проститься с уезжающим Владимиром Маяковским?» — спрашивал «Новый мир».

Ниже приводится программа вечера:

«1. Товарищи прощаются с Маяковским и подводят итоги посещения им Америки.

2. Лекция: «Что я повезу в СССР?» Прочтет В. Маяковский.

3. Впервые в Нью-Йорке Маяковский прочтет отрывки из знаменитой поэмы «150 000 000».

4. Маяковский прочтет впервые еще не читанные и не напечатанные стихи о Нью-Йорке: «Небоскреб в разрезе», «Олл райт»¹, «Бруклинский мост» и другие.

5. Новые отрывки из поэмы «Ильич».

6. Разговор и записки.

Все идем 4 октября на последнее прощальное выступление В. Маяковского!»

Эта программа дает, между прочим, возможность уточнить, когда было написано стихотворение «Небоскреб в разрезе». Долгое время считалось, что оно написано 16 октября 1925 года. Но как мог Маяковский прочитать это стихотворение на вечере, состоявшемся почти двумя неделями раньше? Нет ли здесь ошибки? Если внимательно присмотреться к дате,

---

¹ «100%».

поставленной Маяковским в записной книжке под стихотворением, то окажется, что поставлена она другими чернилами — фиолетовыми, в то время как текст стихотворения написан черными. Следовательно, Маяковский внес дату в записную книжку позже — произошла описка. Видимо, он хотел написать «шестнадцатого сентября».

Стихотворение под названием «Внутри небоскреба» фигурировало и в программе второго вечера Маяковского в Нью-Йорке. Но ни в одном отчете оно не упоминается. Видимо, Маяковский еще не закончил его к этому вечеру, и в программу третьего выступления оно вошло, как «еще не читанное и не напечатанное».

Подготовка вечера потребовала больших усилий со стороны его устроителей. Они вынуждены были обратиться к помощи общественности.

«В субботу, третьего октября, в семь часов вечера состоится в помещении «Нового мира»... собрание комиссии по лекции В. Маяковского (в воскресенье, четвертого октября), — сообщалось в газете.

Должны присутствовать по три делегата от каждого отдела и комиссия, избранная на последнем собрании хозкомиссии.

Р. С. Всех товарищей, желающих помочь в успешном проведении лекции, просят быть в воскресенье в Иорквилл Казино в двенадцать тридцать дня. Работы много — нужны работники»¹.

«Какой» представляет себе Америку русский на-

¹ «Заседание лекционной комиссии». «Новый мир», 2 октября 1925 г.

род, представители русского искусства вообще и футуристы в частности? Какой представлял себе ее сам В. Маяковский?

На этот интересный вопрос он ответил в своей лекции в воскресенье, передав вкратце содержание своей поэмы «150 000 000».

Представление об Америке у русского вообще, у русского художника и футуриста в частности, выражаясь в различных образах, сводится, в сущности, к одному: к представлению о грандиозности. В воображении крестьянина она рисует в виде безграничных тучных полей, на которых пасутся огромные стада сытого скота. Перед футуристами она встает в форме многосаженного, многоверстного чудища Вудро Вильсона, символа американской буржуазии.

Чикаго — чудовище город с «14 000 улиц», от каждой — «семьсот переулков» и весь он залит морем электрического света, в сравнении с которым свет солнца — «не ярче грошовой свечи». У каждого жителя — «не меньше генеральского чин».

Это, конечно, сатирическое преднамеренное преувеличение, поэтическая «работа красок», в отличие от сухой «работы слова» в путеводителе. Однако же за всем этим скрывается идеализация усовершенствованной «бесконечной техники» Америки, представление ее в головокругительном «карусельном» масштабе.

Эстетические законы в Америке не соблюдаются. Ее города — сплошная скученность. Шум американских городов — это неорганизованный, случайный шум, нагромождение шумов, рев, а не организованный

мотив. Основная черта жизни американских городов — максимальная быстрота при минимальном соблюдении удобств.

Но в этом хаосе нагромождений тов. Маяковский подмечает здесь и там отдельные эстетические продукты технического созидания. Один Бруклинский мост с его стальными канатами чего стоит!

В Америке, конечно, есть много интересного, удивительного.

«Мы приезжаем сюда, — говорит Маяковский, — не учить, а учиться, но учиться тому, что нужно, и так, как нужно для России». Но Америка в целом непригодна для Советского Союза как образец. Америка для СССР — лозунг устройства советской индустрии, но американизм, как уклад жизни, для Советского Союза неприемлем.

И в восторженном восхвалении Америки футуризмом проявляется его коренная ошибка — восхваление техники, как таковой, техники ради техники.

Футуризм имел свое место и увековечил себя в истории литературы, но в Советской России он уже сыграл свою роль.

Стремление и работа Советского Союза находят себе отражение не в футуризме, а в Лефе, воспевающим не голую хаотическую технику, а разумную организованность, — заявляет Маяковский. — Футуризм и советское строительство не могут идти рядом. Отныне, — говорит он, — я против футуризма; отныне я буду бороться с ним»¹.

---

¹ Б. Сельцов. Америка в воображении русского (лекция В. Маяковского). «Новый мир», 8 октября 1925 г.

Большой успех предыдущих выступлений Маяковского в Нью-Йорке, сообщение о его скором отъезде из Америки и «паблисити» сделали свое дело. Впервые вечер Маяковского «удостоил» своим посещением корреспондент «Нью-Йорк таймс». Привожу отчет, появившийся в еженедельном литературном приложении к газете спустя несколько дней. Отчет этот любопытен как показатель отношения к великому советскому поэту одной из крупнейших капиталистических газет США.

Вспомним, что еще 26 августа 1925 года в «Нью-Йорк таймс» было напечатано письмо в редакцию Г. Слободина, протестовавшего против замалчивания буржуазной печатью «пребывания выдающегося иностранного гостя на наших берегах». Письмо напечатали, но продолжали ту же тактику. И лишь в середине октября, когда, с одной стороны, замалчивать было уже невозможно, а с другой, предполагался отъезд поэта из США, с завидной «оперативностью» откликнулись на его приезд.

«В России поэты пользуются таким же влиянием, как и ее комиссары, — писал автор отчета в «Нью-Йорк таймс». — Бросается в глаза, что песня и стих формируют там сознание масс и настраивают их сердца в унисон с советской властью. Только в век классицизма можно было наблюдать что-либо подобное.

Генералиссимус армии революционных менестрелей находится в настоящее время в нашей стране. Это — Владимир Владимирович Маяковский, поэт — лауреат русской революции, ее лирический оратор...

...Маяковский приехал в Америку увидеть собственными глазами те вещи, которые он воспеваает. Он приехал проверить воочию все то, что он прославлял как будущее России, — машины, самолеты, радио, многочисленные заводы, колоссальные здания, метро, словом, все то, что составляет торжество индустриализма. Являясь главой футуристов в России, он хочет посмотреть, что из его футуристических идеалов претворено в жизнь в этой величайшей промышленной стране мира.

Все, что он видит, производит на него впечатление, но, как это обычно бывает в жизни, не вполне оправдывает его ожиданий. Индустриализм, который он представлял себе и своим читателям, значительно отличается от того, что он нашел здесь.

Высокий, широкоплечий человек с коротко остриженными волосами и крупными чертами лица, чей «бас-профундо» волнами перекачивается по залу, когда он читает стихи или же рассказывает о своих американских впечатлениях, считает, что он стал противником больших городов с тех пор, как увидел Нью-Йорк. Этому трудно поверить, если принять во внимание, что Маяковский еще совсем недавно пел дифирамбы переполненным народом улицам и площадям, с их вертящейся, как волчок, массой автомобилей...

Убеждения Маяковского

Человек, вышедший из низов, несмотря на то, что он принадлежит к древней дворянской фамилии, Маяковский сочетает в себе все те противоречивые

черты, которые делают русских одновременно и обворожительными и загадочными. . .

. . . Он взял основной лозунг русской революции и сделал из него символ веры и отваги, воинственный клич освобожденных рабов, стремящихся стереть малейший след их недавнего рабства.

Именно это сделало Маяковского самым «разговорным» русским поэтом наших дней. Подобно Оскару Уайльду, он считает, что искусство не должно плестись в хвосте у жизни; писать нужно больше для слуха, чем для глаза. Поэтому Маяковский сочиняет стихи на ходу, вслух, охотнее, чем сидя за столом. Он делает это, как композитор, создающий музыкальное произведение. Он оркеструет их при помощи гибкого инструмента своего голоса.

Никто из тех, кто слышал, как Маяковский читает свои стихи, не забудет легко этот голос — густой, бархатный, подобный органу по глубине и полноте звучания. Когда нужно, этот голос становится громовым, резким, пронзительным. Маяковский знает чары своего голоса.

Ему тридцать три года, и у него уже тридцать три книги на его счету. Его влияние ощущает вся Россия.

Предвидел революцию

Маяковский предвидел и воспел революцию задолго до того, как она свершилась. Он ринулся в самый водоворот ее. В качестве красногвардейца при-

нимал участие в кровавых схватках с белыми и интервентами, был членом продотрядов, посылавшихся в деревню отбирать хлеб у крестьян (! — С. К.); с оружием в руках защищал сокровища царских дворцов от разграбления их чернью.

После 1917 года Маяковский стал одним из самых активных организаторов и выразителей революционного общественного мнения. Советы дали ему ясную цель в искусстве...

С одинаковой готовностью воспеваает русский поэт все предполагаемые добродетели советского быта. Разъясняет законы или истолковывает, с советской точки зрения, события. Он утверждает при этом, что делает это совершенно свободно, по своей доброй воле, не как платный агент (! — С. К.)

В этом смысле Маяковский является одним из самых полезных работников для Советов. Его высоко ценил Ленин. Сам он, однако, не является членом партии, и никто не принуждает его вступить в нее...

В одну из душных ночей на той неделе две тысячи мужчин и женщин уплатили деньги, чтобы послушать его лекцию об искусстве и чтение его стихов, из которых некоторые написаны здесь, в Америке. Аудитория не вся была на его стороне. Там были поэты и писатели, которые чувствовали себя не совсем в своей тарелке. Они не одобряли ни его художественных методов, ни его взглядов. Но и они были увлечены духом этого события.

..Наш русский гость считает, что Нью-Йорк невообразимо грязный город, превосходящий в этом отношении Москву. Нью-Йорк, по его мнению, слиш-

ком насыщен механической культурой, в нем чересчур много таких слоев населения, которые являются лишь посредниками, промежуточными звеньями между производителями и потребителями. Распределение излишков механической культуры по другим городам страны принесло бы, по его мнению, пользу.

Считает нас удрученными

Что его особенно поразило в этой стране, так это флегматичное поведение наших жителей. Он сказал, что заметил это везде, где бы он ни находился, — в метро и магазинах, официальных учреждениях и местах для развлечений. Он отметил также молчаливость и удрученность нью-йоркцев. Люди способны часами сидеть бок о бок друг с другом, не обмениваясь ни словом. Их лица печальны и апатичны. Ему казалось порой, что американцы совсем утратили молодой, полный сил энтузиазм тех дней, когда они были в этой стране пионерами...

Единственное, что его действительно потрясло в Нью-Йорке, так это вид на город с Бруклинского моста в восемь часов вечера.

Говоря о литературной и художественной жизни в России, Маяковский сказал:

«Гегемония во всех областях искусства теперь перешла к России. Литературная и культурная жизнь в России бьет ключом и все больше и больше расширяет свой размах. Миллионы людей начинают свою духовную жизнь под ее влиянием... Литература и искусство переживают сейчас в России процесс демо-

кратизации и приспособления к своей новой роли водителя масс.

Положение людей искусства в России теперь также неизмеримо улучшилось. Прежде всего ни один писатель не зависит более от доброй воли того или иного невежественного издателя, который судит о ценности произведения только с точки зрения того, сколько он может на нем заработать. У нас каждому заслуживающему внимания произведению дается возможность доказать свою ценность перед публикой»¹.

Однако «Нью-Йорк таймс» не была бы «Нью-Йорк таймс», если бы ограничилась изложенным.

Оставим на совести автора утверждение, что «самый популярный поэт в России» Маяковский будто бы «является также самым богатым, — насколько богатство вообще разрешено в его стране». И что «последняя книга принесла ему десять тысяч долларов в американской валюте». Не будем придираться также к утверждению, будто «поэт, гостящий в Америке, любит одеваться, как денди, и заказывает себе костюмы у лучших портных Парижа; любит комфорт и роскошь и в то же время презирает их». Но вот автор отчета начинает рассуждать о революции. И сразу обнаруживает свою позицию. В его представлении она олицетворяется «властью толпы, убийствами и

---

¹ Луи Рич. Пламенный русский поэт бранит Нью-Йорк. Владимир Маяковский говорит, что мы флегматичны и невежественны. Его стихи — пропаганда за Советы. Журнальное приложение к «Нью-Йорк таймс», 11 октября 1925 г.

погромами, героизмом и жестокостью». Все это будто бы «нашло идеального интерпретатора в лице Маяковского».

«Исповедуя философию Ницше (?! — С. К.), разделяя романтические фантазии и вызывающее бунтарство человеческого дна и не будучи в то же время чужд фантастическим мечтам науки, он кажется олицетворением дерзкого, безжалостного, эгоистического и самовлюбленного духа рыцарства, столь характерного для современной России».

Вот автор отчета прямо клеветает на Маяковского, называя его одним из «чемпионов карточной игры в России», выигрывающим иногда за одну ночь «больше, чем он зарабатывает своими стихами», и живущим «на эти выигрыши», далее сказано, что сам Маяковский будто бы «именует себя в своих стихах шулером и восхваляет человека, который изобрел столь легкий и опрятный способ очищать карманы»¹.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» пытается изобразить Маяковского эдаким громилой, единственная страсть которого — разрушение:

«Однажды, когда он (Маяковский. — С. К.) гостил у своей знакомой персидской княжны, пригласившей его в свой летний замок на Кавказе почитать стихи, Маяковский был охвачен такой страстью к разрушению, что два других члена футуристической

---

¹ Так «своеобразно» изложил автор отчета дореволюционное сатирическое стихотворение Маяковского «Теплое слово кое-каким порокам» (1915).

тройки, Бурлюк и Каменский, с трудом удержали его»¹.

По возвращении из Америки Маяковский рассказывал своим слушателям о нравах американской буржуазной печати. «Некоторые американские репортеры, говорил он, очень напоминают ростовских жуликов.

— Про меня там распространялась всякая чепуха, — говорил поэт. — А когда я спросил у репортера, почему он еще не написал, что я, например, убил свою тетку, он задумался и сказал:

— И правда, почему не написал?»²

Трудно отказаться от предположения, что в данном случае Маяковский имел в виду именно автора отчета в «Нью-Йорк таймс». Выступления эти, как и вся поездка, представляют собой одну из интереснейших страниц в истории советской литературы.

«Полпред стиха», Маяковский имел право назвать себя также «полпредом мира», полномочным представителем всей советской культуры, советского образа жизни, живым и убедительным примером которых он был.

В «вечерней сереющей мерещи» одного из первых дней своего пребывания в Нью-Йорке взошел Маяковский на Бруклинский мост.

---

¹ Луи Рич. Пламенный русский поэт бранит Нью-Йорк... Журнальное приложение к «Нью-Йорк таймс», 11 октября 1925 г.

² Е. Добрушин. Маяковский у рабкоров. «Пролетарская правда». Киев, 2 февраля 1926 г.

Как в церковь
идет
помешавшийся верующий,
как в скит
удаляется
строг и прост, —
так я
в вечерней
сереющей мерещи
вхожу,
смиранный, на Бруклинский мост.

Давно мечтал он об этой минуте. Еще тогда, когда «ездил Россией», выступал с лекциями, один из тезисов которых был озаглавлен: «Город-дирижер» (1913—1914).

«Вместо низких, прибитых к земле городов, — читаем мы в отчете об одной из таких лекций, — выросли города-гиганты, с гордо высящимися небоскребами, с целым лесом труб, своими спиралями дыма как бы ввинтившимися в небо; через реки шагнули ажурные мосты; с бешеной скоростью несутся экспрессы, и не осталось почти клочка земли, на котором не было бы никогда следов автомобильных шин...»¹

Построенный в 1883 году, соединяющий Манхэтэн — центр Нью-Йорка с одним из основных его районов — Бруклином, имя которого он носит, Бруклинский мост был одним из тех чудес техники, ради которых так упорно стремился Маяковский «за 7000

---

¹ П. Сербу. Что они сказали. «Бессарабская жизнь». Кишинев, 24 января 1914 г.

Библиотеке-музее поэта (№ 33), оно занимает четыре страницы. Но на этих страницах нет знаменитых строк о безработных, кончающих жизнь самоубийством, бросаясь с моста вниз. Нет ни единого слова критики в адрес американской техники, американской капиталистической системы.

...4 октября 1925 года В. В. Маяковский впервые прочел «еще не читанные и не напечатанные стихи о Нью-Йорке» во время своего выступления в Иорквилл Казино. В программе выступления значился и «Бруклинский мост».

Маяковский выступает. Он читает стихотворение «Бруклинский мост». Звучат заключительные строки:

Смотрю,
                  как в поезд глядит эскимос,
впиваюсь,
                  как в ухо впивается клещ.
Бруклинский мост —
да...
                  Это вещь!

Он ждет обычных аплодисментов. Их нет.

...Перелистывая страницы газеты «Русский голос» за декабрь 1925 года — Маяковский к этому времени уже уехал из США — в воскресном приложении к одному из номеров обратил я внимание на очерк «Два Нью-Йорка». В нем, между прочим, говорится:

«Когда Маяковский прочел перед многочисленной рабочей аудиторией Нью-Йорка свое новое стихотворение «Бруклинский мост», в котором поэт вы-

ражал восхищение гигантской техникой человеческого гения, кто-то с балкона бросил:

«Не забудьте, товарищ Маяковский, что с этого же моста часто безработные бросаются в воду, разочарованные и измученные жизнью»¹.

Маяковский не «забыл».

Реплика нью-йоркского безработного не осталась не услышанной. В стихотворении появилось еще несколько строк. В уста «столетий геолога», который, возможно, попытается в случае мировой катастрофы по одному только вздыбленному над «пылью гибели» Бруклинскому мосту воссоздать нашу эпоху, Маяковский вкладывает следующие слова:

Здесь
жизнь
была
одним — беззаботная,
другим —
голодный
протяжный вой.
Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой.

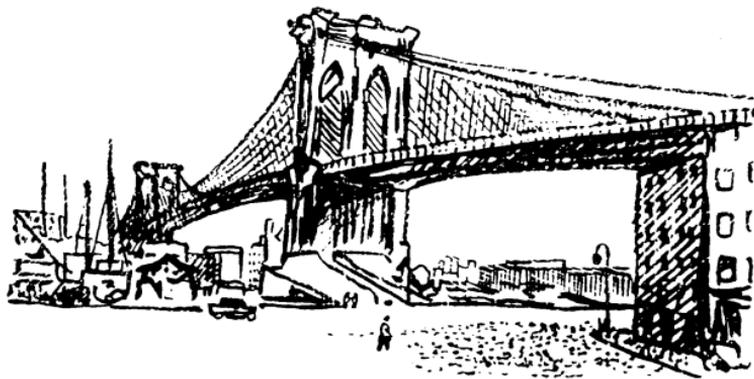
Мы видим эти строки в той же записной книжке записанными отдельно, на другой странице и други-

---

¹ Зах. Гисенькин. Два Нью-Йорка. «Русский голос», 13 декабря 1925 г. (Воскресное приложение к газете).

ми чернилами, после первоначального текста стихотворения.

«Американские» стихи Маяковского писал вместе с ним весь народ, простые люди Америки, трудящиеся Нью-Йорка. Великий советский поэт был также и их поэтом, советский патриотизм органически сливался в нем с пролетарским интернационализмом, международной пролетарской солидарностью.

4

Сочувствием и вниманием относился Маяковский во время своего пребывания в США к борьбе негритянского народа. В его бумагах сохранилось письмо:

«ГОСТИНИЦА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬ.
ИСААКИЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ.
ПЕТРОГРАД, 19 АПРЕЛЯ 1923 Г.

Дорогой товарищ Маяковский!

Я очень сожалею, что не был в состоянии посетить Вас и поговорить с Вами о Вашей работе до моего отъезда из Москвы. Самое большое затруднение было в том, что я не смог получить вовремя проводника. Надеюсь, что встречу Вас когда-нибудь в Америке. Я пошлю Вам один экземпляр моей книги, когда прибуду туда.

С братским приветом

К л о д М а к - К е й¹.

---

¹ Письмо хранится в Государственной библиотеке-музее Маяковского. Опубликовано С. Кэ м р а д. Полпред стиха. «Дружба народов», 1960, № 4, стр. 209.

Известный негритянский поэт Мак-Кей приезжал в 1923 году в Советский Союз, встречался здесь со многими поэтами и писателями. Письмо написано перед его возвращением в США. Встретился ли он потом там с Маяковским? Не могу ответить на этот вопрос. Никаких данных пока нет. Но с другими представителями негритянской культуры Маяковский встречался, и не раз.

С. А. Тальми, проживающая в настоящее время в Москве, рассказывает об одной такой встрече, происходившей у нее в доме, на Шеридан-сквер, близ Гринвич-Виллэджа, района, населенного преимущественно художниками и артистами. Было это, должно быть, в сентябре. Муж С. А., журналист Л. Тальми, пригласил группу негритянских артистов и художников. Кроме того, пришло еще шесть-семь белых, среди них Хелен Блэк — ирландка, в то время работавшая представительницей фотохроники ТАСС в Нью-Йорке. Возможно, был и Майкл Голд.

Во время этой встречи Маяковский впервые прочитал «Блэк энд уайт». Пели негритянские песни. Особенно запомнилась одна, в которой есть такие слова:

Мужчины должны работать,
а женщины — плакать,
потому что мало денег
и много ртов.

Грустная такая песня, народная, широко известная в Америке. Она очень понравилась Маяковскому. Запевала, кажется, Хелен Блэк. Кто-то аккомпанировал на гитаре. Остальные подтягивали. Было весело и непринужденно. На столе стояла бутылка виски

«Уайт хорс» («Белая лошадь»). Такие этикетки Маяковский впервые увидел в Гаване, спасаясь от дождя в пакгаузе, от пола до потолка начиненном ящиками с виски. Таинственные надписи: «Кинг Жорж», «Блэк энд уайт», «Уайт хорс» — чернели на ящиках контрабанды, вливаемой отсюда в соседние «трезвые» Соединенные Штаты. Маяковский взял бутылку, произнес:

Белая лошадь —
Уайт хорс.
На ножках — калошки,
на задике — хвост¹.

Других подробностей встречи, имен присутствовавших ни С. А. Тальми, ни В. Н. Жданович, также участвовавшая в ней, не помнят.

В «Моем открытии Америки» Маяковский упоминает о негритянской периодике, издающейся в США. Возмущаясь белым расизмом, который «даже еврея считает чернокожим, негру не подает руки», поэт пишет:

«Почему американцами считать этих, а не негров, например?

---

¹ И. Г. Эренбург вспоминает этот экспромт несколько в иной редакции: «Он приезжал в Париж незадолго до смерти. Он сидел мрачный в маленьком баре и пил виски «Уайт хорс». Он повторял:

Хорошая лошадь —
Уайт хорс.
Белая грива —
белый хвост».

(И. Эренбург. Книга для взрослых. М., 1936, стр. 140.)

Негров, от которых идет и так называемый американский танец — фокс и шимми, и американский джаз! Негров, которые издают многие прекрасные журналы, например «Opportunity»¹. Негров, которые стараются найти и находят свою связь с культурой мира, считая Пушкина, Александра Дюма, художника Генри Тэна и других работниками своей культуры.

Сейчас негр-издатель Каспер Гольштейн объявил премию в 100 долларов имени величайшего негритянского поэта А. С. Пушкина за лучшее негритянское стихотворение.

Первого мая 1926 года этот приз будет разыгран.

Почему неграм не считать Пушкина своим писателем? Ведь Пушкина и сейчас не пустили бы ни в одну «порядочную» гостиницу и гостиную Нью-Йорка. Ведь у Пушкина были курчавые волосы и негритянская синева под ногтями.

Когда закачаются так называемые весы истории, многое будет зависеть от того, на какую чашку положат 12 миллионов негров 24 миллиона своих увесистых рук. Подогретые техасскими кострами, негры — достаточно сухой порох для взрывов революции»².

Маяковский редко хвалил что-нибудь с чужих слов. Если он называет «Opportunity» прекрасным журналом, значит, он видел его, интересовался им. Как разыскать этот журнал? Как узнать, что понравилось в нем Маяковскому, что представлял он собой?

---

¹ «Современность».

² В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 329.

Журнал выходил двадцать три года — с 1923 по 1946. В Библиотеке имени В. И. Ленина отыскался только один экземпляр, как раз тот номер, о котором пишет Маяковский (№ 34, Нью-Йорк, октябрь 1925).

Перелистаем журнал. Вот портрет «негра-издателя» Каспера Гольштейна. Под ним подпись:

«Пожег жертвовал журналу тысячу долларов для содействия конкурсу на лучшее художественное произведение, написанное негритянским писателем».

Вот объявление о конкурсе:

«Второй ежегодный конкурс журнала «Opportunity». Ассигновано 1000 долларов для стимулирования и поощрения творческих усилий негров в области литературы; для выявления скрытых в их среде талантов; для создания благоприятных условий, в которых могла бы развиваться литература о негритянской жизни.

Условия конкурса:

1. Могут участвовать все негритянские поэты как этой, так и любой другой страны мира.

2. Стихи должны быть самостоятельными и ни разу не напечатанными. Каждый имеет право прислать не более трех произведений.

3. Размер — не более 300 строк.

4. Язык — английский.

5. Будет присуждена лишь одна премия. Остальные заслуживающие внимания произведения будут отмечены почетными грамотами».

«Летом прошлого года, — пишет дальше журнал, — в Московской ежедневной газете «Известия» появилась серия статей русской женщины-журналист-

ки З. Рихтер. Она предприняла путешествие по диким местам Кавказа и привезла в Москву много интересных открытий, собраний и фактов. Она писала, что недалеко от Сухуми в маленькой, ничем не примечательной деревне на берегу Черного моря, живет несколько негритянских семей. Негры жили здесь в течение нескольких поколений, но русские не знали об их существовании до этих статей Рихтер.

В начале XIX века предки теперешних негров были вывезены из-за границы в качестве слуг абхазской принцессы, чья страна была полузависима от России. Позднее негры были освобождены, но ни они, ни их дети не подумали покинуть свою новую родину. Они обосновались в селе Аджуйбисс, в Кодорском районе Абхазии. Переняли многие обычаи, привычки и манеры белых, а также абхазский язык.

Абхазские негры — гордый народ. Рихтер пишет, что князь Ольденбургский, кузен покойного царя, владелец Гагр, богатого летнего курорта на Черном море, «долгое время старался соблазнить их заработками, восхитительной едой со своего стола и богатыми одеждами, но они не пошли к нему в услужение... Но ничего необычного в существовании негров в России нет. Об этом известно давно. В России имела старая привычка привозить черных людей — мужчин, женщин и детей — в качестве подарков и для продажи царям и дворянам Московии, хотя никогда не было недостатка в белых слугах. Негры были прозваны в России «арапами».

Наибольшую известность получила история Ибрагима, или Абрама Ганнибала...

Его сыновья также были генералами¹, а его великий правнук Александр Пушкин открыл своими произведениями новую эпоху в русской литературе.

В основном негры были привезены в Россию в период с 1700 до 1850 г. Конечно, негры и мулаты живут не только на Кавказе, но и в других местах.

Негры хорошо переносили морозы. Примером может служить Абрам Ганнибал. В 1727 году всемогущий князь Меншиков сослал его в Сибирь в надежде, что сибирские холода скоро убьют юного африканца, но через 3 года Ганнибал вернулся в Петербург совершенно здоровым. Его белая жена родила 7 сыновей-мулатов и 5 из них никогда не жаловались на русский климат.

Простой русский народ никогда не относился с ненавистью к неграм... Были смешанные браки между русскими и неграми.

Известно также, что в более позднее время негритянские акробаты, атлеты и борцы и даже несколько актеров и певцов варьете ездили на гастроли в Россию. Наиболее выдающийся пример — поездка Айры Олдриджа, талантливого негритянского трагика. Он покинул Америку и поехал по странам Европы. В России он получил орден и был избран почетным членом Императорской Академии искусств и науки в Петербурге.

Были и другие примеры. Многие негры оставались

---

¹ Генералом стал достигший высокого служебного положения сын «арапа Петра Великого» Иван Абрамович Ганнибал. В статье допущен ряд неточностей. — *Ред.*

в России долгое время, говорили свободно по-русски и чувствовали в России себя как дома».

Стихотворение Джоржа Д. Дэвиса «Коричневый мальчик»:

О, коричневый мальчик!
Какие крови людей иных рас текут в твоих жилах?
Какие древние, древние противоречия
гармонично
слились под твоей кожей?
Каков мир твой?
Когда начался этот спор?
Если кто-нибудь назовет тебя черным, а кто-то
другой — белым, — сможешь ли ты когда-нибудь
ответить на это?
Ты молчишь. . .
Простишь ли ты им их вспышки гнева и взрывы
страсти — тем, кто создал тебя? . .

И вот, наконец, то объявление о премии в сто долларов имени «величайшего негритянского поэта А. С. Пушкина», о которой упоминает Маяковский.

На второй странице обложки граммофонная фирма рекламирует пластинки «в исполнении цветного артиста — певца Поля Робсона».

«Поль Робсон, — говорится в объявлении, — имя хорошо известное во всем мире. . . Его триумф в пьесе «Император Джонс» выдвинул его на первое место среди актеров. Но он не только актер, а и певец больших масштабов, певец совершенно исключительной силы».

Здесь же портрет молодого Робсона, когда ему еще не было тридцати лет. . .

Маяковский пишет именно об этом номере жур-

нала. Значит, он видел портрет. Знал о Робсоне. Может быть, даже слышал его? Ведь, по свидетельству Майкла Голда, он часто бывал в Гарлеме, посещал негритянские кабаре.

«Есть у Поля боевой девиз, — рассказывает жена певца, Эсланда Робсон, — повторенный им десятки, сотни раз:

И песня
и стих —
это бомба и знамя,
и голос певца
подымает класс,
и тот,
кто сегодня
поет не с нами,
тот
против нас.

Автор этих строк, Маяковский, когда-то выступал здесь, в Америке... Мог ли забыть об этом Поль, преклоняющийся перед памятью советского поэта-трибуна?!»¹

Едва Маяковский приехал в Нью-Йорк, как в газете «Новый мир» появилась заметка:

«Экстренное собрание группы «Резец» состоится в субботу 1 августа, в 4 часа дня, в помещении 431, Ист, 6-я улица».

В день первого выступления поэта группа поместила в газете следующее приветствие:

«Кружок пролетарских писателей в Америке «Резец» приветствует певца рабоче-крестьянской России В. В. Маяковского».

---

¹ Цит. по книге В. Горохова «Робсон». М., 1952, стр. 213.

Кружок пролетарских писателей «Резец» объединял в своих рядах пишущих по-русски. Были тут старые рабочие, давно эмигрировавшие из России, была и зеленая молодежь.

На собрании было решено выпустить журнал, называли его «Спартак».

«Скоро выйдет из печати журнал «Спартак», — писал 1 сентября «Новый мир». — Что будет в этом «Спартаке»? В литературном отделе — новые стихи В. В. Маяковского, которые появятся впервые в этом журнале. . .»

Журнал вышел в первых числах октября.

«Сегодня выходит из печати первый номер ежемесячного журнала «Спартак», — писал «Новый мир». — Номер будет содержать материалы на трех языках. Среди разнообразного материала — еще не изданное стихотворение Владимира Маяковского»¹.

Спустя несколько дней газета напечатала рецензию. В ней говорилось:

«Наконец-то мы имеем журнал, в котором давно чувствовалась потребность, и от души приветствуем его.

...Журнал сразу занял пролетарскую позицию и с первого же номера обещает быть интересным. Поэтому мы считаем своим долгом серьезно отнестись к нему, подчеркнуть слабые стороны и отметить хорошие.

...Интересен «опыт разбора» т. Менделевского о Маяковском и Сендберге, даже если мы не соглашаемся с его оценкой этих поэтов. Хороша и сочна

---

¹ «Новый мир», 3 октября 1925 г.

только первая половина стихотворения Бурлюка о Маяковском. Не совсем понятно, правда, посвящается оно Маяковскому или дореволюционной России. Пускай читатель решает.

...Конечно, стихотворение Маяковского, написанное для «Спартака», в высшей степени украшает журнал, и мы надеемся, что в дальнейших номерах будет побольше таких украшений. Но репутация «Спартака» зависит в первую очередь от американских пролетарских писателей — и в этом залог его успеха»¹.

Окрыленные успехом, члены кружка решили устроить «бал». В газете появились два объявления. Одно гласило:

«Все подземные и наземные дороги ведут в Парк-Палас в пятницу, 16 октября, в 8 час. веч. на концерт-бал кружка пролетарских писателей «Резец».

В честь выпуска журнала «Спартак» Вл. Вл. Маяковский прочтет свои лучшие стихи.

Богатая концертная программа. Выступит Саут-Бруклинский спортивный кружок. Конферансье — Давид Бурлюк»².

В другом говорилось:

«Вниманию всей русской колонии.

Сегодня в пятницу, 16 октября, в 8 ч. веч. в Парк-Палас... состоится грандиозный концерт-бал кружка пролетарских писателей «Резец».

---

¹ М. Ф и о р е. Наши новые журналы. «Новый мир», 17 октября 1925 г. Е. Наумов в своем «Семинарии по Маяковскому» пишет, что журнал был целиком посвящен Маяковскому. Это не соответствует действительности — там было много других материалов.

² «Новый мир», 9 октября 1925 г.

По случаю выпуска журнала «Спартак» Вл. Вл. Маяковский прочтет свои лучшие стихи.

В концертной программе примут участие: 1. Саут-Бруклинский спортивный клуб — парад и атлетика; 2. Исидор Гринберг — румынский скрипач; 3. Мей Гортвири — сопрано; 4. Леонард Ифернути — балет; 5. Бейби Келиген — 5-летняя танцовщица; Критов — танцы.

В заключение — бал. Большой оркестр музыки. Русские и американские танцы до утра».

«Русский голос» поместил короткий отчет о концерте:

«Состоялся вечер, организованный новым журналом «Спартак».

Центром вечера явилось выступление поэта Маяковского.

Маяковский прочел несколько своих стихотворений, уже напечатанных и публике известных, и между ними одно свеженькое «Русский язык в Нью-Йорке». Оно очень насмешило публику. . . Публика тепло приветствовала поэта»¹.

Все ясно. Выпустили журнал, устроили вечер. Отпраздновали выпуск. Неясно только одно. Какое стихотворение Маяковского было напечатано в «Спартаке»? Это можно установить, только просмотрев журнал. Но где его взять? Маяковский привез с собой вырезку — несколько страниц из журнала. Его собственного стихотворения там нет. Если Маяковский читал на вечере стихотворение «Американские

---

¹ «В. В. Маяковский на вечере «Спартака». «Русский голос», 25 октября 1925 г.

русские» (или, как его называют в газете «Русский голос», — «Русский язык в Нью-Йорке»), то, вероятно, оно и было напечатано.

Нет. Известный литературовед М. О. Мендельсон, живущий и работающий в Москве, рассказывает: «Я принимал участие в выпуске «Спартака». Мне поручили сходить к Маяковскому за стихотворением, которое он обещал. Пришел. Поэт сам открыл дверь. Сказал несколько слов, но я их не запомнил — очень робел, смущался по молодости лет. Возможно, я даже не зашел в комнату — остался на пороге, и, получив стихотворение, тотчас бросился бежать. Остались в памяти только лестница и удивление, которое я испытал, — какой Маяковский высокий, настоящий гигант...».

— Что это было за стихотворение, Морис Осипович?

— «Шесть монахинь». Именно оно было впервые напечатано в «Спартаке».

В «Новом мире» появилось сообщение:

«На днях будет издана книжечка лучших стихотворений Влад. Влад. Маяковского (на память американцам).

Цена — 20 центов. Пересылка — бесплатно. Организациям — обычная скидка.

Количество экземпляров ограничено»¹.

Вскоре в той же газете появилось второе объявление:

«Поступила в продажу книжечка лучших стихотво-

---

¹ «Новый мир», 9 сентября 1925 г.

рений поэта Вл. Маяковского (на память американцам).

Издание «Нового мира». Цена — 20 центов. Организациям — обычная скидка. . .»¹

«На всех своих выступлениях в Америке, — вспоминает Д. Д. Бурлюк, — Маяковский продавал в публике свои произведения. Сначала он издал сборничек «Американцам»; он был напечатан в типографии «Нового мира», на титульном листе был помещен портрет Владимира Владимировича. . .

Вскоре 10 000 экземпляров этой книги разошлись полностью. . .»²

Естественен вопрос: что вошло в сборник?

Один экземпляр Маяковский привез с собой в Москву. Он хранится в Библиотеке-музее поэта. Вот его содержание: «Юбилейное», «Тамара и Демон», «Ода революции», «Революция. Поэтохроника», «Наш марш».

Можно гадать о причинах, побудивших поэта включить в сборник то или иное произведение. Одно несомненно: «на память» американцам оставил он лучшее, что было у него к тому времени.

. . . Уже после отъезда В. В. Маяковского из Америки в газете появилась корреспонденция, подписанная «Рабкор Максимов». Автор подытоживает впечатления, произведенные лекцией Маяковского в Чикаго.

«Лекция Маяковского взбудоражила русскую ко-

---

¹ «Новый мир», 23 сентября 1925 г.

² Д. Бурлюк. В. В. Маяковский в «Новом мире». «Новый мир», 14 апреля 1936 г.

Рисунок Д. Д. Бурлюка к стихотворению В. В. Маяковского «Необычайное приключение...», изданному в Нью-Йорке (1925).

лонию, — рассказывает он. — Пошли рассуждения о литературе и поэзии. За старую и против нозой. За новую и против старой...

С. Отормский, умеющий так слащаво описывать выступления наших колониальных «звезд», констатирует... что в Чикаго был вечер поэта. И больше ничего. Как видно, не под силу, никак не может он

понять новое, которое требует речи точной и нагой...

Священник Желтонога, земной представитель одного из богов, как видно, по святому внушению небес, начал призывать добрых людей ума и сердца устроить в Америке «Новую свободную Русь»:

«...Оторвитесь от политики и займитесь созидательной работой на льготных условиях...»

Эх, вы, желтоногие! Довольно дурачить народ и разрезать воздух оступевшими остриями копий!.. Нам, Поселянам Земли, каждый Земли Поселянин родной. Все по станкам, по конторам, по шахтам братья»¹.

Это точная, хотя и сокращенная цитата из стихотворения Маяковского «Революция. Поэтохроника».

Нам,
Поселянам Земли,
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам братья.
Мы все
на земле
солдаты одной,
жизнь созидающей рати.

Пробеги планет,
держав бытие
подвластны нашим волям.
..Наша земля.
Воздух — наш.

---

¹ Рабкор Максимов. Мимоходом. «Новый мир», 3 ноября 1925 г.

Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда,
никогда,
никому,
никому не позволим
землю нашу ядрами рвать,
воздух наш раздирать остриями отточенных копий.

Со словами мира и дружбы приехал Маяковский в Америку. «Маяковский протягивает руку Америке», — писали газеты. Он страстно хотел, чтобы эти слова мира и дружбы запомнились американцам, он оставлял их им «на память».

Трудящиеся этой страны правильно реагировали на его призыв. Небольшая сценка, нарисованная корреспондентом «Русского голоса».

«Группа русских шахтеров из Пенсильвании, — рассказывает корреспондент. — Там забастовка... Невольный праздник...»

Этим «праздником» воспользовалась небольшая группа русских шахтеров и приехала в Нью-Йорк.

Назвали захолустный городок Пенсильвании. Уголок, забытый богом и людьми. Там работали непрерывно, годы добывая черный уголь, роясь под землей... Вся жизнь была под землей, в вечном страхе, в вечном опасении.

Попробовал я заговорить с ними о России, новой, молодой, революционной России. Мало знают, скупое, бедно...

Здесь только впервые услышали о Донбассе, сибирских шахтерах.

А встретил я ту группу на лекции Маяковского там, где... Маяковский говорил о новом искусстве,

молодой России, о своих американских впечатлениях.

— А понравился вам Маяковский?

— Хи из олл райт, — ответила группа...»¹

Ненависть к войне, стремление к миру — эти черты в творчестве Маяковского отметила также вторая, после «Нью-Йорк таймс», ведущая буржуазная газета Америки «Нью-Йорк геральд трибюн». В статье «Маяковский — поэт новой России» газета писала 27 сентября 1925 года:

«...Четыре чувства, неразрывно связанных с величием Маяковского. Одно — чувство революции, которая должна освободить русский народ. Другое — необходимость наиболее полного выражения всех тех качеств, духовных и физических, которые составляют его «я». Третье — чувство времени, его «евангелие» индустриального века. И, наконец, четвертое — ненависть к войне.

Эти чувства объединились под влиянием войны 1914 года в первой большой поэме Маяковского «13-й апостол» («Облако в штанах». — С. К.).

Действительно, через все творчество Маяковского, начиная с истоков, проходит упорная и непримиримая, страстная и настойчивая тема борьбы за мир.

Я
от первых дней
войнищу эту проклял,
плюнул рифмами в лицо войне.

---

¹ З. Гисенькин. Из пенсильванских недр. «Русский голос», 8 октября 1925 г.

В одном из «Окон Роста», выпущенном накануне нового, 1920 года, Маяковский мечтал:

В этом новом году
верим,
к миру всемирному
проложим двери!

С этой верой, неизменной и твердой, живем мы и боремся, строим и побеждаем.

5

«Владимир Владимирович Маяковский совершит короткое турне по Америке. Он посетит города: Филадельфию, Бостон, Детройт и Чикаго. Во всех этих городах он прочтет лекции, а также лучшие из своих произведений.

Турне Маяковского устраивается по просьбе организаций этих городов. Дни его выступлений будут объявлены в ближайшем будущем...».

Такое сообщение появилось 27 августа 1925 года — через месяц после приезда В. В. Маяковского в США — на страницах русской коммунистической газеты «Новый мир», выходившей в Нью-Йорке. Газета широко освещала пребывание великого советского поэта на западном берегу Атлантики.

Однако только через полмесяца смогла она вернуться к вопросу о поездке. 12 сентября газета напечатала новое сообщение:

«Первое грандиозное небывалое турне по Америке поэта Советского Союза Владимира Маяковского. Четыре города — четыре лекции: 1. Филадель-

фия — 25 сентября (пятница); 2. Бостон — 27 сентября (воскресенье); 3. Детройт — 30 сентября (среда); 4. Чикаго — 2 октября (пятница).

После лекций — декламация.

Ответы на вопросы по запискам.

Подробности позже».

«Подробности» не заключали в себе ничего нового, если не считать некоторого изменения плана поездки.

Согласно программе турне, напечатанной в «Новом мире» спустя пять дней после предыдущей, выступление в Филадельфии переносилось на полторы недели вперед. В Детройте должен был состояться еще один вечер — на другой день после первого. В программе появился еще один город — Кливленд.

Новый план выглядел так:

«Лекции В. В. Маяковского: ...27 сентября — Бостон, 29 сентября — Кливленд, 30 сентября — Детройт, 1 октября — Детройт, 2 октября — Чикаго..., 5 октября — Филадельфия»¹.

Однако уже через два дня и в него были внесены изменения. Опять исчез Кливленд. А вместе с ним — Бостон. В Детройте снова решили ограничиться только одним выступлением.

«Маяковский будет... 29 сентября — в Детройте, 2 октября — в Чикаго, 5 октября — в Филадельфии.

Маяковский читает лекцию: СССР и новое искусство.

Маяковский декламирует о Мексике, об Америке и массу своих стихов об СССР.

---

¹ «Новый мир», 17 сентября 1925 г.

Детройтцы, чикагцы, филадельфийцы, торопитесь единственный раз увидеть и услышать поэта СССР Владимира Маяковского.

Печальная весть: Маяковский уезжает.

Радостная весть: перед отъездом Маяковский даст совершенно новый прощальный вечер в Нью-Йорке.

Ждите объявлений о месте вечера и программе.

Все на Маяковского!»

Это объявление было напечатано в газете 19 сентября. Двадцать седьмого, когда поездка уже должна была начаться, газета «Русский голос», также выходившая в Нью-Йорке и хорошо информированная о планах Маяковского (в ней работал Д. Д. Бурлюк), писала:

«Поэт В. В. Маяковский выступил три раза в Нью-Йорке, в настоящее время совершает турне по Америке. Им намечены выступления: ...29 сентября — в Детройте, 2 октября — в Чикаго, 5 октября — в Филадельфии. Везде выступления поэта прошли при переполненных сборах. Явление небывалое для Америки, коль скоро дело касается поэзии»¹.

Здесь также ничего не говорится о выступлении в Кливленде. Значит ли это, что оно окончательно выпало из плана? Нет, не значит. Вот объявление, напечатанное в «Новом мире» днем раньше:

«Эй, кливлендец, послушай! Театр не уедет, мувис не уедет, знакомые не уедут, а Маяковский уезжает в СССР.

---

¹ «К прибытию Маяковского в Америку». «Русский голос», 27 сентября 1925 г. Говоря о том, что «везде выступления поэта прошли при переполненных сборах», газета, очевидно, имела в виду выступления в Нью-Йорке.

Но до отъезда он посетит Кливленд.

Поэтому все идем 29 сентября в Карпентер Холл видеть его и слушать лекцию и декламацию Вл. Маяковского»¹.

В газете «Фрайгайт» заметка о предстоящем выступлении Маяковского в этом городе была озаглавлена: «Дорогой гость в Кливленде».

«Знаменитый русский поэт Вл. Маяковский, — говорится в ней, — прочтет во вторник вечером, 29 сентября, в Кливленде интереснейшую лекцию о литературе в Советской России, а также с присущим ему мастерством продекламирует лучшие свои произведения.

Вход — 50 центов»².

Наконец, можно сослаться на листовку, привезенную Маяковским с собой, в СССР (хранится в Государственном Литературном музее). Она озаглавлена: «Небывалое в Кливленде».

«Русский и еврейский отделы РПА³, — говорится в этой листовке, — устраивают 29 сентября в Кливленде лекцию-реферат.

Прочтет известный русский поэт и писатель Вл. Маяковский, приехавший недавно из СССР...»

Мне не удалось найти ни одного отчета о выступлении Маяковского в Кливленде. Состоялось ли оно? Был ли он вообще в этом городе? Вопрос тем более законный, что в схеме поездок Маяковского за границу, свыше четверти века висевшей в Библиотеке-

---

¹ «Новый мир», 26 сентября 1925 г.

² «Фрайгайт», 27 сентября 1925 г.

³ РПА — Рабочая (коммунистическая) партия Америки.

музее поэта, в Москве, этот город совсем не фигурировал. Не упоминает о нем в своем «Семинарии по Маяковскому» и Е. Наумов, в то время как остальные города США, в которых Маяковский побывал, им перечислены¹.

Был. И даже сам засвидетельствовал это в книге очерков «Мое открытие Америки», с первых же строк введя читателя в курс поездки:

«Моя последняя дорога — Москва... Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Питсбург, Кливленд...»² (курсив мой. — С. К.)

Он оставил также краткое описание этого города, не вошедшее в окончательный текст книги³.

А вот в Бостон ему так и не удалось поехать. Нет никаких доказательств его пребывания в этом городе. Я считаю необходимым особо подчеркнуть это, потому что в некоторых источниках нет полной ясности по этому вопросу. Вот что писал, например, В. А. Катанян в своей книге «Маяковский. Литературная хроника». Ссылаясь на анонсы о предстоящем выступлении Маяковского в Бостоне, он заявляет: «Состоялось ли это выступление, мы не установили»⁴.

Думается, сейчас это можно считать окончательно установленным.

---

¹ Е. И. Наумов. В. В. Маяковский. Семинарий. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Л., 1963, стр. 218.

² В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 265.

³ Там же, стр. 352.

⁴ В. Катанян. Маяковский. Литературная хроника. Издание третье, дополненное. М., Государственное издательство художественной литературы, 1956, стр. 448.

В чем дело? Почему так часто менялся план поездки?

«Ларчик» открывается просто. Прогрессивные организации США, — а именно они, и только они, были заинтересованы в выступлениях поэта, — как правило, не имеют собственных помещений для собраний. Тем более таких, которые вмещали бы не сотни, а тысячи человек (такова была численность аудитории Маяковского в Америке). Приходилось снимать. И не было уверенности в том, что удастся достать на определенное число необходимое помещение.

25 сентября в «Дейли уоркер» появилась крохотная заметка:

«В Детройте! Лекция Маяковского, русского поэта, прибывшего из России..., состоится в среду, 30 сентября, в 8 часов вечера, в Хаус оф месес».

«Новый мир» напечатал следующий призыв-обращение к своим читателям:

«Кто 30 сентября работает вечером у Форда и кто — у Дейча?»¹

Кто не интересуется одним из величайших поэтов Советской России?

...Кто не заинтересован в новой литературе России?

Прогрессивные организации Детройта обращаются ко всем организациям и товарищам не идти на работу, оставить вечерние школы, отложить митинги, собрания и т. п.

---

¹ После Форда Дейч считался вторым автомобильным «королем» Америки.

Все на литературный вечер Маяковского!»¹.

«30 сентября весь Детройт на Маяковского! — призывала газета. — Подробности в местной прессе»².

И об этом выступлении Маяковского не сохранилось никаких отчетов. Если иметь в виду прогрессивную печать, конечно. Но есть свидетельства из другого лагеря. Мы вообще ничего не узнали бы о выступлении Маяковского в Детройте, если бы не газетенка «Рассвет», выходившая там. Выступление Маяковского вывело ее из равновесия, если она когда-либо им отличалась.

Белоэмигрантский листок посвятил пребыванию Маяковского в Детройте довольно много материалов. Поэт привез вырезки из нее с собой. Наибольший интерес представляет статья «Чеховский писатель», подписанная псевдонимом «И. Н.», появившаяся в газете 5 октября 1925 года:

«До сих пор никто в Детройте не интересовался поэзией, — пишет автор. — Но вот, как назло стихи, откуда ни возьмись, приезжает к нам Маяковский. Вся коммунистическая братия зашевелилась. Как грибы после дождя, посыпались ленточки. С его портретом.

Пришло назначенное время, и я подумал: как быть? Не пойти... — скажут отстал от века... Решил пойти.

...Известный русской колонии певец Стефан

---

¹ «Маяковский в Детройте». «Новый мир», 22 сентября 1925 г.

² «Новый мир», 29 сентября 1925 г.

Казакевич начал петь... Затем вышел Маяковский.

С первых же слов он начал хвастаться.

— В Америке, — сказал он, — напишет какой-нибудь гений книгу, а ее печатают всего в четырехстах или пятистах экземплярах.

У нас же, в России, книги печатаются в миллионах экземпляров...

Потом он перешел к цензуре. Сказал, что наивны и ничего не понимают те люди, которые говорят, будто в Советской России существует очень строгая цензура. Он сослался при этом на свое стихотворение, посвященное советским собраниям¹.

Он прочел это стихотворение...

Вышло так, — жалуется И. Н., — что вместо литературной лекции Маяковский пел хвалебные песни советской власти.

Потом он обернулся назад и увидел занавес, на котором была нарисована какая-то картинка. Картинка действительно была убогая. Он посмотрел на нее, усмехнулся и сказал:

— Если бы я имел сзади глаза, я давно удрал бы со сцены...

Публика разделилась на два лагеря: одни аплодировали, другие произносили длинное «гу-гу-гу» в знак негодования...

Вот такую-то поэзию привез к нам, в Детройт, Маяковский...

После перерыва Маяковский читал свои оды

---

¹ Речь идет, как легко догадаться, о стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся».

советскому правительству. Но эти имена давно известны, поэтому нет надобности о них распространяться...»

Меня заинтересовало: какие «оды советскому правительству» читал в Детройте Маяковский? Что за «имена» в них упоминались?

Ответ дала та же газета. Она разразилась длинной «поэмой», настолько гнусной по тону и по содержанию, что не заслуживала бы вообще упоминания, если бы не одно обстоятельство. Из этой «поэмы» нам становится известным, чье имя прозвучало в выступлении Маяковского в Детройте, какие «оды» советскому правительству читал он.

По словам автора «поэмы», подписавшегося псевдонимом «Я. Футурист», Маяковский в Детройте

об Ильиче декламировал,
зал до упаду
ему аплодировал¹.

...2 октября 1925 года В. В. Маяковский приехал в Чикаго — второй по значению, после Нью-Йорка, город США и крупнейший центр американской промышленности, «вторую столицу» США, «столицу промышленности», как назвал его поэт («первой столицей», как известно, «столицей американских долларов», Маяковский считал Уолл-стрит). В Чикаго — «место сенсационных убийств, легендарных бандитов». В город, где «из каждых четырех детей один

---

¹ Я. Футурист. Лекция и Маяковский. «Рассвет», 2 октября 1925 г.

умирает до года». В тот самый «электро-динамо-механический» Чикаго, который он однажды заочно описал уже — пять лет назад в своей... поэме «150 000 000».

Слух о предстоящем выступлении Маяковского в Чикаго разнесся по городу задолго до его приезда. Еще в начале сентября газета «Новый мир» писала:

«Как только появилось в газете сообщение о том, что товарищ Маяковский будет в Чикаго, местная контора газеты получила ряд запросов — когда он будет, где выступит и т. д.

К сожалению, контора не могла дать удовлетворительных ответов, ибо еще не все детали выяснены. Как только они будут выяснены, об этом будет объявлено в чикагском отделе «Нового мира» и в других газетах.

Товарища Маяковского здесь ждут с нетерпением»¹.

«Дейли уоркер» 12 сентября напечатала такую информационную заметку:

«В. В. Маяковский, один из самых выдающихся поэтов русской революции, приедет в Чикаго в пятницу, 2 октября. Он расскажет здесь, в Темпл Холле, о новой русской литературе и поэзии... Талантливый поэт и в высшей степени интересная личность, товарищ Маяковский прочтет некоторые свои произведения и будет выступать от имени новой России, России Советов...»

---

¹ «Товарища Маяковского ждут в Чикаго». «Новый мир», 3 сентября 1925 г.

В. В. Маяковский на плоской крыше здания Советского полпредства в Мексике (1925).

Mexican Communist Deputy Murdered

FRANCISCO J. MORENO, shown on the right, Communist deputy of Veracruz, assassinated because of his exposure of the traitorous policy of the Calles government. Moreno was assassinated a few hours before President Calles was due to arrive in the city for a visit. On the left is shown Vladimir Mayakovsky, the Russian proletarian poet.

В. В. Маяковский и Морено.

MANIFEST

U. S. DEPARTMENT OF LABOR
IMMIGRATION SERVICE

Serial No. _____

Name MAJAKOWSKY		Given name VLADIMIR		Place of birth Laredo Texas	
Age 30		Sex M		Date of entry July 27, 1925	
Height 5		Complexion fair		Hair brn	
Eyes brn		Education Artist		Place Russia	
Place of birth Bagdad, Russia		Languages spoken yes Russ. French		Profession Russian	
Last permanent residence Russia, Moscow (Mex. lmo)		Naturalized yes		Amount of money \$600.00	
Country Russia, Moscow (Mex. lmo)		Port of origin France (Via New York)		Where no	
Accompanied by self		Status no		Address St. 11084	
Time remaining in U. S. 5 months		Purpose in coming visit		Intends to become U. S. citizen no	
Accompanied by		Of what country a citizen before becoming citizen of Canada		Head tax status St. 11084	
Name and address of nearest relative or friend in country whence alien came		Name		Address	
Sponsor of landing		Date of landing		Name of U. S.	
				Traveling by Tex-Mex	

Records by 623.	Previously examined at	Date	Previous disposition	Present disposition on B. S. I. Held B. S. I.
Form 514 No.	Via (Port and Ry.)		DISPOSITION BEFORE B. S. I.	
514—Visitor	Final disposition		Deferred for	Date deferred
90 day memo	S. S. Line		Rejected as	Date rejected
514—Transit	Steamship or R. R.		Date appealed	Decision and date
Ticket No.	Date ticket issued		File No.	Date admitted 7-27-25 under
Class	Remarks		\$500 temp. bond - form # 637 - for six months stay	

LAPROD

Surgeon
Health Service

(Sgd) J. J. [Signature]

Chairman of B. S. I.

Important to officer

Здесь живут одни белые
буржуазия
и другие владения, крошечные
основа буржуазии
в изгон Кидальс выш

Страницы из «американской» записной книжки В. В. Маяковского.

Орел о мамине сердце вот это
соображение сварно-оружья ли
это сарь ~~одна~~ ^{спасительная} корон на манерах
и же куду кривд. иважи бривелин
но ирводале элекфуреккой ир
я знаю много поше кара
здесь мои чие орал и краде
здесь в небо чие взлетал по
и давшие каржане моя дед за
по орфане ^{воздуху} канаров-ам
я знаю ^{звезде} ^и ^{ночь}
сочин и очес ^{отсюда} ^{исполн}
^{над} ^{кавалит}
^{словам}

Смошно рек на илуд илуд
внубаров рек в ^{Золотос} село Гинбай
Бривкин ики ^{Клеи} мост
га
это бемб!

В. Маяковский, Д. Бурлюк и А. Маневич в Раковей-бич, близ Нью-Йорка (1925).

Время. Начиная про Ленина рассказ, но не потому что горя нету боле. Времи потому, что разкая тоска стала леною осознанною болью. Времи снова ленинские добулки раввихрь Нам ли растекается слезною лужей Ленин и теперь кивает всех живых Наше знание сила и оружие. Люди лодки. Хотя и на суше. Проживешь свое пока - Много всяких грязных ракушек Налипает нам на бока. А потом пробивши бурю революционную Сядешь чтобы солнце близь И смываешь водородсней бороду зеленую и медуз малиновую слизь. Я себя под Лениным чащу Чтобы плыть в революцию дальше. Я боюсь этих строчек тысячи Как мальчишкой боишься федашки. Рассияют голову венчик я тревожусь не зварили чтоб - Настоящий мудрый человекий Ленинский отрунный лоб. Я боюсь чтоб шестая и мзаводеи поклонений установленный статут не задли-б приторным слезом Ленинским простоту. За него дрожу как за венцу глаза чтоб конфетной не был красотою оболган. Голосует евриде и писать обязан по ментату долга.

Ван Москва. Промерзшая бочка дрожит от гуда. Над кострами обмороженны с ноци Что он сделал? Кто он и откуда? Почему ему такая почесть? Слово из словен из памяти таская не скажу ни одному на место сядь. Как бедна у мира слова мастерская подходящее откуда взять? У нас семь дней у нас часов двенадцать. Не прожить себя длинной. Смерть не умеет извиняться. Если ж с часами плехе мала календарная мера мы говорим "эпоха" мы говорим "эра". Мы спим ночь. Днем совершаем поступки. Любим свою толочь воду в своей ступке. А если во всех смог направлять потоки плений мы говорим "Пророк" мы говорим "гений". У нас претензий нет не воут мы и не даем. Правимся своей жене и то довольны до нельзя. Если-же телом и духом слит прит на нас недохожий говорим "царственный вид" удивляемся "дар Божий" Скажут так и вышло не умно ни глупо повисят слова и улизнут как дымы. Ничего не выискупить из таких скорлупок Ни руками ни голозе не ошутими. Как же Ленина таким аршином мерить?! Ведь глазами видел каждый всяк "эра" эта проходила в двери даже головой не задевая о косяк. Неужели про Ленина томе "воидь милостью Божьей". Если-б был он царствен и божествен Я -б от ирости себя не поберег. Я бы стал бы в перехоре шестый

Первая страница текста поэмы «Владимир Ильич Ленин», перепечатанной на машинке без разбивки на стихотворные строки, перед отъездом в Америку.

В. В. Маяковский в Нью-Йорке.

Предполагают, что Темпл Холл будет заполнен до отказа. Подробности — в следующих номерах газеты»¹.

Газета сообщила, что Маяковскому готовят «торжественную и радушную встречу».

«Желанный гость в Чикаго», — так озаглавила свое сообщение газета «Фрайгайт».

«Новый мир» писал:

«Товарищ Маяковский будет всего один день в Чикаго. Для его приветствия организуется грандиозный митинг. В митинге примут участие представители американской прессы. . .»²

«Любители поэзии, айда на Маяковского!» — призывала газета³.

«Приобретайте билеты заблаговременно и скажите своим друзьям, чтобы они последовали вашему примеру», — советовала «Дейли уоркер». И сообщала, что билеты «на Маяковского» продаются во многих местах.

О том, насколько велик был интерес к предстоящему приезду Маяковского в Чикаго, красноречиво говорит также следующая заметка, напечатанная в «Новом мире» дня за три до выступления:

«Русская колония г. Чикаго с нетерпением ждет приезда Маяковского. Все интересуются им. Не только русские рабочие, но и выходцы из России других

---

¹ «Известный русский поэт приедет в Чикаго; Маяковский будет говорить о русской поэзии». «Дейли уоркер», 12 сентября 1925 г.

² «Маяковский будет в Чикаго 2 октября». «Новый мир», 23 сентября 1925 г.

³ «Чикаго и поэзия». «Новый мир», 26 сентября 1925 г.

национальностей раскупают билеты на его лекцию, которая состоится в пятницу, 2 октября.

Американская интеллигенция также интересуется им. Местная буржуазная газета «Дейли ньюс» поместила характеристику Маяковского в связи с его приездом...»¹

О какой «характеристике» идет речь? К сожалению, статью в «Дейли ньюс» пока не удалось обнаружить. По другим данным статья о Маяковском была напечатана также в «Гералд энд экзаминаер». Она также пока не обнаружена.

Каких выходцев из России «других национальностей» имела в виду газета? В альбоме с вырезками из газет, привезенными Маяковским с собой, в СССР, есть вырезка из газеты «Вильнюс», выходившей в Чикаго.

«В пятницу вечером, 2 октября, Маяковский будет здесь говорить на тему: «Русская поэзия», — писала газета.

В. В. Маяковский — один из гениальнейших поэтов современности. Он не свернул в лагерь буржуазии, как другие, а бросился в бурные воды революции и пошел с новой Россией. Он будет говорить о литературе и поэзии этой России. Все те, кто оплакивал «разрушение цивилизации» большевиками, кто шипел по этому поводу, смогут теперь воочию увидеть новую культуру, новую цивилизацию, созданную в России.

Местные русские готовят ему грандиозную встречу. Литовцы, не упустите со своей стороны возмож-

---

¹ «Маяковский в Чикаго». «Новый мир», 29 сентября 1925 г.

ности принять участие в этой встрече — возможности своими глазами увидеть великого поэта новой России!»¹

Листовки, отпечатанные на плотной бумаге и на картоне, очень небольшого размера — с ладонь величиной — и всех цветов — красные, розовые, синие, зеленые (Маяковский и их привез из Америки несколько экземпляров), — призывали:

«Приходите слушать одного из лучших поэтов Революционной России!»²

В программе вечера значились: «...Лекция. Футуризм и левые поэты СССР. Асеев, Каменский, Крученых, Пастернак, Третьяков и др.

Третья часть поэмы «Владимир Ильич».

Третья часть поэмы «150 000 000». Чикаго.

Стихи об СССР и США.

Маяковский отвечает на записки».

«Прочитав, передай товарищу!» — говорилось в листовке.

Исключительный интерес представляет приветствие, напечатанное в «Дейли уоркер» в день приезда Маяковского в Чикаго (газета выходила в то время в этом городе). Ниже оно приводится полностью.

«Из далекой красной России, сквозь кордоны лжи, клеветы и дезинформации, — писал центральный орган Американской компартии, — является к нам луч света, отражение нового мира, строящегося под ру-

¹ «Великий русский поэт в Чикаго». «Вильнюс», 2 октября 1925 г.

² Как и альбом с вырезками, листовки хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

ководством Коммунистической партии в Союзе Советских Социалистических Республик.

Товарищ Маяковский, поэт новой революционной России, приезжает сегодня в Чикаго.

Умственные банкроты буржуазии, все эти социаллакеи и другие враги революции объединились в своих атаках против Советского Союза. Они утверждают, что революция способна только разрушать, ничего нового она создать не может. Вопреки всем этим утверждениям, новый мир создается из наших глаз. Не только в области материальной культуры, но и в сфере искусства, в науке, литературе новое возникает, а старое вынуждено уступать ему место. Культурный уровень масс подымается как на дрожжах. Появляются новые поэты, новые писатели, ученые, художники.

Товарищ Маяковский — один из них. Он служит интересам масс и не пресмыкается перед буржуазией.

Никогда раньше не имела Академия наук таких возможностей, как при Советском строе; нигде в Европе нет ничего нового, достойного внимания в области музыки, кроме Советского Союза, свидетельствует дирижер Чикагского симфонического оркестра, недавно вернувшийся из России. Все это создается там вопреки помехам, в изобилии чинимым капиталистическим миром при содействии наших «либералов». Все это создается в интересах самой массы производителей, а не крохотной кучки паразитов, как в других странах.

Товарищ Маяковский один из этих творцов. Он певец масс, певец революции.

Добро пожаловать в наш город, товарищ Маяковский!»

Заключительная фраза была набрана крупным шрифтом на двух языках — русском и английском.

Газета писала также:

«Мы воспроизводим здесь одно из стихотворений Маяковского — «Наш марш» — в оригинале, на русском языке. Мы надеемся, что сможем напечатать в ближайшем будущем его стихи в переводе, на английском языке. Многие его произведения уже переведены на другие языки, но мы пока не сумели обеспечить удовлетворительного перевода».

Удалось ли газете осуществить свою надежду и напечатать стихи Маяковского в переводе, на английском языке? На этот вопрос пока не удалось ответить. В подшивке «Дейли уоркер» за 1925 год таких стихов нет. Но, может быть, они были напечатаны в каком-либо приложении? Это еще предстоит выяснить.

Краткую заметку в связи с приездом Маяковского в Чикаго, его портрет и стихотворение «Третий Интернационал» в переводе на чешский язык поместила также газета «Дельник», выходившая в этом городе.

Выступление состоялось в назначенный день и час. «Дейли уоркер» напечатала подробный отчет о вечере. Он ярко рисует атмосферу этого события. Вот что в нем говорится:

«Одно из самых бурных, насыщенных энтузиазмом собраний, происходивших когда-либо в русской колонии в Чикаго, состоялось в пятницу, 2 октября, когда полторы тысячи человек забили до отказа Темпл Холл,

чтобы послушать известного русского поэта Вл. Маяковского.

Собрание было открыто «Интернационалом» в исполнении хора певческого общества «Фрайгайт». После краткого вступительного слова председателя, товарища Столяра, Вл. Маяковский начал свою речь. С самого начала и до конца ее он держал аудиторию под своим обаянием. Она то раздражалась громкими одобрительными возгласами, то хохотала до слез.

Театр с 40 000 артистов

Маяковский рассказал о новом театре, созданном в России великим режиссером Мейерхольдом, — возможно, самым великим из всех режиссеров в мире. О театре, на сцене которого может одновременно выступить более 40 000 человек. . . Он рассказал о многом таком из жизни Союза Советских Социалистических Республик, что это покажется фантазией и гротеском большинству здешних «благоразумных» и респектабельных драматургов, поэтов и режиссеров.

Сравнение культур

Сравнивая интерес к литературе и поэзии в «варварской» стране большевиков с подобным же интересом в «цивилизованных» странах, Маяковский сослался, в частности, на тот факт, что крупнейший чикагский поэт Сэндберг едва-едва собрал в Нью-Йорке аудиторию в 300—400 человек, в то время как русские поэты выступают обычно перед тысячной аудиторией.

Уже одно то, что более 1500 человек собралось здесь, в этом зале, послушать его, говорит само за себя.

Он сказал, что когда он попытался как-то выяснить у одного американского издателя, каким тиражом издаются стихи в Америке, то этот издатель сообщил ему, что так называемая «интеллигенция» — все эти зубные врачи, адвокаты и т. д. — покупают иногда томик-другой стихов, но не для чтения, а для того, чтобы украсить ими книжную полку у себя в кабинете. Это считается здесь признаком «хорошего тона».

В то время, как русский поэт Демьян Бедный выпустил уже после революции, начиная с 1917 года, более двух с половиной миллионов экземпляров своих произведений, в то время, как тираж его, Маяковского, книг достиг полутора миллионов, — книги поэтов «цивилизованных» стран расходятся только в немногих тысячах или даже сотнях экземпляров.

Пишет стихи об Америке

После короткого перерыва, между двумя глотками русского чая, — продолжает газета, — Маяковский отвечал на вопросы и читал некоторые свои новые, еще не опубликованные произведения. Публика едва не сорвала крыши криками восторга от его произведений, посвященных Америке, — таких, как «Открытие Америки», «Барышня и Вульворт» и «Вилли из Гаваны». Пятьсот экземпляров его стихов, оказавшихся под руками, были распроданы в два счета.

Следующее выступление Маяковского в Чикаго

Следующая лекция тов. Маяковского в Чикаго состоится 20 октября. Это будет его последняя лекция в Соединенных Штатах Америки перед его возвращением домой. Настойчивая просьба слушателей еще раз выступить в Чикаго заставила его отложить отъезд, хотя он собирался покинуть эту страну, примерно, через неделю»¹.

Газета сообщает, что Маяковский «обещал написать для «Дейли уоркер» статью о русской литературе». Такую статью пока не удалось разыскать. Была ли она написана — неизвестно.

Отчет о первом вечере Маяковского в Чикаго напечатала также польская газета «Трибуна роботнича». Она столь же ярко рисует атмосферу собрания².

Четвертого октября Маяковский выступил в Нью-Йорке с лекцией, в которой подытожил свои американские впечатления. «Русский голос» в этот день писал:

«Поэт только что вернулся из поездки по Америке, в городах: Чикаго, Кливленде и Детройте состоялись лекции Маяковского.

Лектор повсюду имел исключительный успех... Прекрасная дикция, образность выражений, быстрота и четкость мышления ставят его в один ряд с самыми выдающимися ораторами нашего времени. . .»

---

¹ М. А. Скромный. Великий русский поэт воодушевляет массы; Маяковский рассказывает о советской культуре. «Дейли уоркер», 5 октября 1925 г.

² «Маяковский еще раз выступит в Чикаго». «Трибуна роботнича», 10 октября 1925 г.

На другой день Маяковский выступил в Филадельфии. Единственный отчет об этом вечере напечатала «Фрайгайт». Вот он:

«Несмотря на то, что филадельфийская публика не привыкла принимать участие в каких-либо культурных мероприятиях в будни, — писала газета, — вечер Маяковского прошел с большим успехом. Сотни людей вынуждены были уйти ни с чем, так как зал оказался не в состоянии вместить всех желающих. . .

Тов. Ш. Эпштейн охарактеризовал творчество Маяковского и подчеркнул его значение не только в русской, но и в мировой поэзии.

Тов. Маяковский произнес блестящую речь, в которой рассказал о больших культурных достижениях в Советском Союзе и провел параллель между ними и положением искусства в капиталистических странах.

С очень теплой речью выступил. . . Давид Бурлюк. Он прочитал также свое стихотворение о Маяковском, в котором называет последнего «трубадуром революции».

Потом Маяковский прочел целую серию своих произведений, среди них такие, в которых отразились его американские впечатления.

Многочисленная публика была так зачарована его стихами, что долго еще не хотела расходиться из зала»¹.

На этом закончилась первая поездка Маяковского по городам США.

---

¹ «Маяковский в Филадельфии. Колоссальный успех». «Фрайгайт», 10 октября 1925 г.

Он испытывал прилив советской национальной гордости и тогда, когда сравнивал отношение к поэзии в США и в СССР. «Сравнение культур» — так озаглавила соответствующий раздел отчета о его выступлении в Чикаго «Дейли уоркер». Трудно переоценить это свидетельство американской газеты.

Чаще, чем на других, он ссылался, рассказывая об отношении к поэзии в богатейшей стране мира, на «знаменитейшего американского поэта» Карла Сэндберга и упоминает о нем в книге очерков «Мое открытие Америки».

Но встречался ли он лично с Сэндбергом? Этого он не пишет. Вплоть до последнего времени на этот вопрос не было ответа.

В 1959 году Сэндберг приехал в Москву. Редакция журнала «Советская литература» пригласила его посетить редакцию. Состоялась беседа, во время которой автор этих строк спросил поэта, виделся ли он с Маяковским в Чикаго.

— Да, — ответил Сэндберг. — Но, к сожалению, наша встреча была слишком кратковременной. Маяковский пришел к нам, в редакцию газеты, где я тогда, чтоб заработать на жизнь, работал в отделе хроники. Нас познакомили — не помню, кто. Пожали друг другу руки. Ни он английским, ни я русским языком — оба мы не владели. Поговорили минуту, другую через переводчика и расстались.

Так стал известен факт встречи великого советского поэта со старейшим американским.

Вернувшись в Москву, Маяковский не забыл о Сэндберге. Может быть, тот подарил ему томик своих произведений «Сталь и дым», изданный в 1921

году в Нью-Йорке. Возможно, Маяковский приобрел эту книгу в одном из книжных магазинов США. Но вот что примечательно. Раскрыв эту книгу, хранящуюся сейчас в Библиотеке-музее поэта, мы обнаружим в ней ряд карандашных пометок, сделанных его рукой, — переводы отдельных слов. Пытался ли Маяковский понять стихи Сэндберга или задумал перевести его? Что-то помешало ему, видно, осуществить это намерение.

Во второй половине октября состоялась вторая поездка Маяковского по Америке. Эта поездка не входила вначале в план его путешествия. Несмотря на то, что срок его визы истекал только в декабре, несмотря на то, что, отправляясь за океан, он собирался приложить «все усилия и объездить все, что себе положил», — уже через несколько недель после приезда Маяковский начинает стремиться обратно, на Родину. «Десятого начинаю лекции Америке, — телеграфировал он в первых числах сентября в Москву. — Если месяц не устрою все — около десятого октября еду домой»¹.

В газете «Вечерняя Москва» даже появилась информация, основанная, видимо, на одном из его писем на Родину.

«Пятого октября он заканчивает свои выступления в Америке, — писала газета, — и пятнадцатого предполагает выехать в Европу».

Он бы уехал, если бы не многочисленные и весьма настойчивые просьбы его слушателей еще раз приехать в Детройт, Чикаго, Филадельфию, прочесть еще одну лекцию в Нью-Йорке.

---

¹ «Литературное наследство», т. 65. М., 1958, стр. 151.

«Анонс! Анонс! Где Маяковский выступит? Питтсбург — 17 октября, Детройт — 18 октября, Чикаго — 20 октября, Филадельфия — 23 октября...»

Такое объявление появилось в «Новом мире» за пять дней до этой поездки.

Во всех перечисленных городах Маяковский уже побывал по одному разу. За исключением Питтсбурга. Этот город даже не упоминался в плане его первой поездки. Однако в начале сентября в районе Питтсбурга произошли события, приковавшие внимание к этому городу.

В Пенсильванском угольном районе, в окрестностях Питтсбурга, в маленьких городках и поселках живет много шахтеров. Невыносимые условия труда, мрак шахтерской жизни сделали их одним из самых боевых отрядов пролетариата США.

В районе Питтсбурга то и дело вспыхивают забастовки. Вся Пенсильвания становится тогда ареной ожесточенной классовой борьбы.

Такая забастовка вспыхнула и во время пребывания Маяковского в США. В ней приняли участие около 150 тысяч человек. Утром 1 сентября они отказались спуститься в шахты, потребовав очень скромной прибавки к заработной плате: всего один доллар в день.

Шахтовладельцы отказали. Желая сломить забастовку, они вызвали штрейкбрехеров. Начались столкновения, в которых приняла участие полиция. В помощь ей вызвали войска.

В этой раскаленной обстановке Питтсбургский обком русской секции Рабочей (коммунистической) партии Америки принял решение пригласить в Питтсбург великого советского поэта.

13 октября «Новый мир» напечатал такое объявление:

«Владимир Маяковский выступит в субботу, 17 октября, в Питтсбурге в помещении Российского технического общества.

Маяковский уезжает. Не услышите Маяковского — не услышите лекции о новом искусстве».

Под заголовком «Ждут Маяковского» газета «Русский голос» напечатала в самый день выступления следующую информацию:

«Питтсбург, Па¹. Здесь с большим интересом ожидается выступление известного поэта Владимира Маяковского. ...Летучки усиленно распространяются среди населения».

Одну из таких летучек Маяковский привез из Америки. В ней говорится:

«Лекция Маяковского, одного из лучших поэтов Советского Союза, состоится в субботу, 17 октября, в 8 часов вечера, в помещении Российского технического общества, на третьем этаже.

Вход — 35 центов».

К сожалению, газеты напечатали очень краткий и маловыразительный отчет о выступлении, написанный почти в протокольном стиле. В нем говорится:

«На состоявшейся 17-го сего месяца лекции Маяковского публики было очень много. Все присутствующие на этой первой лекции в Питтсбурге остались довольны... Своими чрезвычайно интересными декламациями товарищ Маяковский доставил необыкновенное удовольствие».

---

¹ Па — штат Пенсильвания.

По окончании декламации посылались разные вопросы по запискам из среды посетителей, на которые поэтом были даны ответы».

Газета отмечает, что «некоторые товарищи обижались — почему лекция началась слишком поздно? Но, — отвечает автор, — это не вина лектора, а самих присутствующих, которые приходят не в назначенное время, а каждый раз с опозданием...»¹.

«Знаменитый русский поэт вернется в Чикаго 20 октября». Заметка о предстоящем втором выступлении Маяковского в Чикаго, напечатанная 20 октября 1925 г. в газете «Дейли уоркер».

FAMOUS RUSSIAN POET RETURNS TO CHICAGO OCT. 20

Mayakovsky Will Give Last Lecture Here

Altho he was supposed to leave this week for Soviet Russia, the famous Russian poet Vladimir Mayakovsky yielded to the request of his Chicago admirers to give another lecture in Chicago. He will speak here on Tuesday, Oct. 20, at Schoenhofen Hall, corner Ashland and Milwaukee Aves.

Характерная особенность. Как правило, билеты на все вечера Маяковского в США стоили 50 центов (первые пять рядов — доллар). В Питтсбурге цена была снижена на одну треть.

В объявлении о втором выступлении Маяковского в Детройте говорилось:

«...Маяковский приезжает в Детройт по просьбе присутствовавших на его первой лекции. Он прочтет

---

¹ Посетитель Н. Суслов. Лекция Маяковского. «Русский голос», 26 октября 1925 г.

свои новейшие произведения об Америке, в том числе — о Детройте»¹.

Такого стихотворения, как известно, у Маяковского нет. Нет даже «заготовок» к нему в записной книжке. Что имела в виду газета — трудно сказать. Можно предположить, что речь шла об отрывке из «Кемп «Нит гедайге» — там есть несколько строк, посвященных некоронсванному королю Детройта, Форду.

Ни одного отчета о втором выступлении В. В. Маяковского в Детройте газеты не поместили.

В этом отношении Чикаго больше повезло.

20 октября Маяковский вторично приехал в этот город. Вот что писала за несколько дней до приезда «Дейли уоркер»:

«Несмотря на то, что он предполагал на этой неделе уехать обратно, в Советскую Россию, знаменитый русский поэт Владимир Маяковский пошел навстречу чикагским почитателям его таланта и согласился прочесть здесь еще одну лекцию, в Шенхоффен Холле.

Существует, откровенно говоря, серьезное опасение, что это помещение окажется недостаточно вместительным. Но оно единственное, какое удалось достать на этот вечер.

«Холл» вмещает более тысячи человек.

Восторженная масса слушателей, с таким энтузиазмом приветствовавшая Маяковского на его первой лекции, вероятно, снова заполнит до отказа весь зал.

---

¹ «В. В. Маяковский выступит в Детройте». «Новый мир», 17 октября 1925 г.

Предполагается также устроить банкет с участием знаменитого гостя»¹.

Повторив через несколько дней свои опасения, что зал, возможно, окажется слишком тесным для всех желающих, газета советовала своим читателям:

«Поэтому приходите пораньше».

«Более 1200 человек заполнило во вторник, 20 октября, до отказа Шенхоффен Холл, чтобы послушать вторую и последнюю лекцию Владимира Маяковского в Чикаго, — писала «Дейли уоркер». — Нападки на Маяковского местных русских контрреволюционных листов только привлекли еще большую аудиторию.

Он дал крепкий отпор этим белогвардейцам в короткой, но яркой речи.

Прекрасная поэма о Ленине произвела огромное впечатление на слушателей. Остальные произведения также вызвали всеобщее одобрение и аплодисменты. . .»²

Привлекает внимание отчет о выступлениях Маяковского в Чикаго, напечатанный в «Новом мире».

«Когда разнеслась весть о том, что тов. Маяковский приезжает в Чикаго, (вся русская) колония всколыхнулась. С его приездом рабочие и крестьяне почувствовали близость русской революции. Приехал поэт Союза Советских Социалистических Республик!

Это чувствовали не только друзья, но и враги. Первые радовались живому общению с представите-

---

¹ «Знаменитый русский поэт снова посетит Чикаго». «Дейли уоркер», 10 октября 1925 г.

² «Последнее выступление Маяковского в Чикаго привлекло огромную аудиторию». «Дейли уоркер», 22 октября 1925 г.

лем новой русской культуры, вторые сжали зубы и наскулились.

В рабочей среде можно было слышать радостные восклицания:

— Слышали? Маяковский приезжает!

Среди «чистой» же публики раздавалось:

— Н-да, еще один чекист приезжает...

— Тоже... поэт хамский...

— И как только сюда пускают таких?

— Чего правительство смотрит?

Наконец приехал. Зал, вмещающий 1500 человек, был переполнен. Пришли как друзья, так и некоторые враги. Большинство врагов, конечно, отсутствовало.

Владимир Владимирович сделал доклад о положении поэзии в СССР и декламировал свои стихи. Время так быстро прошло, что никто не заметил, как наступил двенадцатый час. А на столе накопилась целая гора записок. Вопросы, как это обычно делается в Америке, были не только по поводу лекции, а и вообще. Публика, задававшая вопросы поэту, думала, что он не только поэзию должен знать, но должен уметь отвечать и на все другие вопросы.

Был задан целый ряд вопросов и на тему лекции. Из вопросов стало ясно, что публика хочет, чтобы он еще говорил.

Комиссия по устройству лекции тут же решила устроить еще одну, но любопытствовала узнать у публики, что она об этом думает. На вопрос председателя: желает ли публика повторения лекции? — раздался гром аплодисментов. Когда поставили вопрос на голосование, все единодушно проголосовали «за».

Была устроена и вторая лекция. Но в промежутке между первой и второй лекциями местная «интеллигенция» расшевелилась и разразилась целым потоком грязи по адресу тов. Маяковского. Много столбцов на страницах местной русской реакционной газеты, у которой «не поймешь, где голова и где хвост», как выразился тов. Маяковский, было посвящено его выступлению в Чикаго.

На второй лекции зал был также переполнен публикой. И так же восторженно отнеслась она к поэту. Рабочие и крестьяне почувствовали в нем своего человека.

— Это, брат, свой парень, — сказал один рабочий председателю после лекции. — Недаром местная шваль его ненавидит».

Газета пишет далее, что «во время пребывания в Чикаго товарищ Маяковский посетил самое святое место в Чикаго — могилу повешенных в 1887 году рабочих лидеров, погибших в борьбе за восьмичасовой рабочий день.

Он посетил также и самое гнусное место в Чикаго, — пожалуй, самое гнусное во всей Америке, — знаменитые чикагские бойни.

Впрочем, в Америке столько гнусных мест, что трудно сказать — какое самое гнусное»¹.

Здесь я позволю себе на минуту остановиться и обратить внимание читателей на одну немаловажную, на мой взгляд, деталь. Без нее рассказ о путешествии Маяковского в Америку был бы неполным.

---

¹ М. С к р о м н ы й. Товарищ Маяковский в Чикаго. «Новый мир», 29 октября 1925 г.

...Есть старое заброшенное кладбище в одном из районов Чикаго. Давно не копают на нем новых могил, давно никто не приходит сюда в «день поминовения усопших».

Но кладбище это священо для американских рабочих. Священо оно и для трудящихся других стран.

В Волдгейме похоронены жертвы американского «правосудия» — революционные вожди чикагских трудящихся, впервые поднявших в 1886 году знамя борьбы за рабочее дело.

«Не сегодня и не вчера вступили рабочие-чикагцы на революционный путь, — пишет Маяковский. — Так же, как в Париже приезжие коммунисты идут к обстрелянной стене коммунаров, — так в Чикаго идут к могильной плите первых повешенных революционеров.

1 мая 1886 г. рабочие Чикаго объявили всеобщую забастовку. 3 мая у завода Мак-Кормик была демонстрация, во время которой полиция спровоцировала выстрелы. Выстрелы эти явились оправданием полицейской стрельбы и дали повод выловить зачинщиков.

Пять товарищей: Август Спайес, Адольф Фишер, Альберт Парсонс, Луи Линг и Жорж Энгель — были повешены.

Сейчас на камне их братской могилы слова речи одного из обвиняемых:

«Придет день, когда наше молчание будет иметь больше силы, чем наши голоса, которые вы сейчас заглушаете»¹.

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 335.

«VI конгресс. Гостевой билет № 469, с правом входа в зал заседаний.

Тов. Маяковскому.

Секретарь ИККИ

Пятницкий»¹.

...23 октября Маяковский вторично выступил в Филадельфии. Об этом его выступлении газета «Русский голос» на другой день писала:

«Вчера В. В. Маяковский в сопровождении сотрудника «Русского голоса» выезжал в Филадельфию, где состоялась при переполненном зале последняя в Филадельфии лекция популярного поэта.

В. В. Маяковский предполагает 28 октября уехать через Париж в СССР»².

«Это, брат, свой парень, — сказал, как мы помним, один из слушателей Маяковского после его выступления в Чикаго. — Недаром местная шваль его ненавидит».

Что он имел в виду? И о каких «нападках на Маяковского» местных русских контрреволюционных листков сообщают и «Новый мир» и «Дейли уоркер»?

Ответ на этот вопрос дает нам возможность восстановить еще одну из интереснейших страниц поездки великого поэта за океан.

Его выступления вызвали бурную дискуссию среди слушателей. Отзвуки этой дискуссии и сейчас

---

¹ Библиотека-музей В. В. Маяковского.

² «Русский голос», 24 октября 1925 г.

можно слышать, листая страницы американских газет, перебирая вырезки из них, которые он тщательно собрал и привез с собой, в СССР.

Еще в августе газета «Русский голос» поместила передовую статью, в которой писала:

«Первое — блестящее и успешное — выступление Маяковского в Нью-Йорке явилось в полном смысле слова историческим в нашей русской колонии.

Маяковский сделает еще несколько выступлений. Он появится и в крупнейших центрах русско-американской трудовой провинции... Маяковский сумеет одухотворить, укрепить и спаять наши ряды, в которые внесли некоторое разложение гастролеры белогвардейщины. ...Громкий голос Маяковского, сильная правда пролетарского поэта должны быть услышаны всяким русским колонистом, стремящимся к истине»¹.

И она была услышана, эта правда. Услышана — и вызвала бешеную ярость клеветников.

Особенно вывело их из себя первое выступление Маяковского в Чикаго. Вскоре после этого выступления на страницах газеты «Русский вестник», выходящей там, — это именно о ней Маяковский сказал, что «у этого четвероногого не поймешь, где голова и где хвост», — развернулась дискуссия о Маяковском. Начало ей положили два письма в редакцию, напечатанные в разделе «Свободная трибуна», за который — предупреждала редакция — «она никакой ответственности не несет».

---

¹ «Маяковский и русская колония». «Русский голос», 17 августа 1925 г.

Письма были подписаны псевдонимами. Под одним стояла подпись «Посетитель», под другим — «Один из многих».

«Посетитель» остался очень недоволен вечером.

«Вопреки всем ожиданиям, — писал он, — вечер этот навевал на присутствовавших уныние и страх за свою далекую родину.

«Великий поэт Свободной России» вовсе не являл собой чего-то «великого». Впечатление осталось только о его голосе. . . Но и голос этот ничего не представляет. «Солнце» и «Не верим» (на смерть Ленина) оставили бы большее впечатление из уст хорошего чтеца. . . Жаль, очень жаль, и непонятно, как это «свободная Россия», желая ознакомить с собой мир, выбрала своим глашатаем Маяковского.

Остался только страх и вопрос жуткий: неужели такие Маяковские — светочи нашей несчастной родины?!»

«Один из многих» был чуть более снисходителен. Он признавал кое-какие достоинства за Маяковским.

«Его небольшая речь, — писал он, — была весьма занимательна. Мне больше всего понравилась внешняя сторона его речи, то есть тот ораторский прием, который он применяет. Он остроумен, находчив. . ., по времени колко и метко отмечает недостатки современного искусства Европы и Америки. . . Прекрасно читает. Его «Солнце» великолепно, как по содержанию, так и по отделке. Стихотворение о Ленине прочувствованно, от него веет скорбью. . . Несколько стихотворений новейшей формации об Америке тоже весьма удачны».

Написав все это, «Один из многих» спохватывается и, начав «во здравие», кончает «за упокой»:

«Словом, Маяковский, без сомнения, поэт талантливый, но до большого ему далеко»¹.

Оба эти письма немедленно вызвали третье. Уже на другой день «Русский вестник» вынужден был поместить (за подписью «Артист Леонид Копелевич-Луганов») «Ответ посетителю» и «Одному из многих».

«Господин «Посетитель», сначала отвечу вам. В продолжение всей вашей статьи ведь вы ни словом не обмолвились о поэзии Маяковского. Начали с голоса, потом перешли к декламации, по дороге лягнули Советскую Россию. Некомпетентный аноним, ведь вы вообще не имеете понятия о голосе, о постановке его, дыхании. У Маяковского исключительный голос...

Несколько слов «Одному из многих»... Поэт талантливый, но до большого далеко. Смотря на чей взгляд... Вкусы разные...»

Еще через день — новый отклик. Озаглавленный «Торжествующая посредственность (по поводу лекции г. Маяковского)» и тоже подписанный псевдонимом («Интеллигент»), исключительно длинный и злопахотельский, он, казалось, вобрал в себя всю ту ненависть к Маяковскому, которую вызвал среди клеветников его приезд. Невозможно даже вкратце привести его. Вот несколько выдержек:

«Ответом на призыв послушать лекцию об искусстве в России явилась аудитория свыше чем в тысячу

---

¹ «Один из многих». На вечере В. Маяковского. «Русский вестник», 15 октября 1925 г.

человек, — признает «Интеллигент». — Но, к сожалению, мы не имели лекции об искусстве. Мы разошлись с тем же багажом, который был у нас до лекции. С одним исключением: теперь мы знаем о Маяковском больше, чем знали раньше.

В доброе старое время мы знали о Маяковском только то, что он был футуристом и размазывал лицо красками... Это было все, что мы знали о нем в то время. Теперь мы знаем, что под флагом литературных лекций он занимается пропагандированием советского строя и прелестей советской жизни (подчеркнуто в газете. — С. К.).

Мы ожидали услышать о литературе и искусстве в России... А на деле лекция была сплошным восхвалением строя.

Мы узнали, что «поголовно грамотные рабочие и крестьяне» (ибо в России ведь теперь все «грамотные») только то и делают, что читают г. Демьяна Бедного и г. Маяковского... А другие перлы? Можно говорить наивным простачкам, что в России газетам разрешается писать все. Но мы, недавно приехавшие из России, знаем, что там все газеты экспропрированы и сотрудничают в них государственные чиновники, которые так же, как и государственные поэты, пишут только то, что начальство прикажет...»

...Дискуссия захватывала все более и более широкий круг читателей. Мало кто остался к ней равнодушным. Вскоре после выступления «Интеллигента» газета вынуждена была напечатать еще одно письмо в редакцию, содержавшее другую точку зрения.

«Большой, воистину, дар — способность к объективному мышлению, — говорится в нем. — Но, к со-

жалению, в наш век переоценки всех ценностей вряд ли отыщешь его в ком-либо.

И когда читаешь статьи, появившиеся в газете, посвященные выступлению Маяковского, лишний раз убеждаешься в этом. Видишь людей озлобленных, с разлившейся желчью, не желающих, а может быть, действительно не способных видеть правду.

Маяковский волнует их своим появлением прежде всего как представитель ненавистного им строя, а потому их раздражает в нем решительно все: и голос, и манера говорить, и даже тема. «Мы ожидали услышать о литературе и искусстве в России. А на деле лекция была сплошным восхвалением строя...»

Не желающие услышать и не услышали, что Маяковский отметил большое оживление во всех областях искусства. А те, кто слушал внимательно, уловили, что он говорил о грандиозной творческой работе на театре, о таких постановках, о каких только могли мечтать западноевропейцы..., не могли из нескольких фраз Маяковского не сделать вывод, что мечта, сказка претворяется в жизнь.

И единственное, в чем можно упрекнуть Маяковского, — это что он слишком сжато и кратко коснулся выставленных им положений.

...Нам это может не нравиться, нам может быть ближе к сердцу лирический тон старых песен, но мы не имеем права видеть «грядущего хама» или «торжествующую посредственность» в Маяковском только потому, что он является одним из искателей новых форм, новой сущности в искусстве.

Даже недалекий «Геральд энд экзаминер» критикует форму, размер стиха Маяковского, абсолютно

отрицая такого рода творчество и очень обижаясь за «своего» Шекспира и Байрона, но не обрушиваясь на самого Маяковского.

Но в том-то и беда, что из наших «критикующих» никто не критикует новый вид поэзии по существу, а авансом раздражается только потому, что Маяковский посмел заметить: в России безграмотность исчезает и рабочие, красноармейцы посещают литературные вечера. . .»¹

Из Чикаго, со страниц «Русского вестника», дискуссия перекинулась в Нью-Йорк. В ней приняли участие читатели «Нового мира». Они также дали достойную отповедь хулителям поэта, не посмевающим выступить с открытым забралом.

«Рискнул полтинником и пошел послушать торжествующую «посредственность» — так выразился некий «Интеллигент» в местной затхлои газете, — писал один из слушателей поэта. — Под псевдонимом сей муж скрылся, но не трудно догадаться, что это — трехцветная птица².

«Торжествующая посредственность»? А скажите вы, «Интеллигент», . . . разве может беленькая ваша душонка понять Маяковского — певца Советской России?

Его поэзия, как и доклад, неразрывно связаны политически и духовно с Республикой Советов. Но где вам понять это — врагу всеобщего народного образования?!»³

---

¹ Ольга Бральницкая. Где «хамство» и где «посредственность»? «Русский вестник», 16 октября 1925 г.

² Намек на трехцветное знамя царской России.

³ «Два слова «Интеллигенту». «Новый мир», 20 октября 1925 г.

...Клеветники не унимались. Когда Маяковский вторично приехал в Чикаго, его ознакомили с той кампанией, которая развернулась против него на страницах «Русского вестника». Поэт «дал крепкий отпор этим белогвардейцам в короткой, но яркой речи», — писала, как мы знаем, «Дейли уоркер».

Все это весьма характерно для тех процессов, какие происходили среди американских слушателей Маяковского — выходцев из России. Но, пожалуй, наиболее ярким отражением этих процессов является письмо, опубликованное в печати после первого его выступления в США. Представляющее собой интереснейший человеческий документ, оно заслуживает особого внимания.

«Всякому интересно знать правду о своей родине, — пишет автор. — Но не всякий может следить за советскими газетами, да и следящему, вследствие обилия материала, надо много времени, чтобы составить себе представление о жизни в Советском Союзе.

Большинство русских колонистов имеет хаотические, отрывочные сведения о нашей родине, часто сведения эти попадают к нам из третьих, далеко не чистых рук.

Кто был на вечере Маяковского, тот имел не только удовольствие познакомиться с этой большой величиной новой русской литературы, не только насладился мастерской передачей произведений этого художника слова, но и получил нечто гораздо большее, чем может дать обычный литературный вечер.

И ошибочно было бы ждать от Маяковского простой лекции о русской литературе. В своем вступительном слове он только талантливо наметил тот

сдвиг, который произошел в нем после великой русской революции.

Но Маяковский — живой человек с того света, о котором у нас всех еще так мало сведений, мало правдивого представления о том, что сделано там за последние семь лет.

Только прослушав Маяковского, можно было понять, что это были не семь лет, а семь, помноженные на двадцать.

С нашего русского света иногда приезжают сюда люди. Помню, как накинулись мы на одного молодого человека, полтора года тому назад прибывшего из Советского Союза. Он говорил о гигантской работе, которая там производится, о том, как население, особенно молодежь, помогает правительству в деле восстановления нашей много перенесшей Родины.

Но этот человек неделя за неделей откладывал свой отъезд из Америки, разменялся на флирт с американскими барышнями и погоню за долларами, и не раз я слышал от простых колонистов:

— Должно быть, врал нам этот молодой человек про Россию, иначе зачем же он околачивается здесь?

...Совсем другое впечатление получается от речей Маяковского, от него самого. Чувствуется вера, что на том, русском, свете работа действительно кипит, раз эта действительность создает Маяковских.

Каждое его слово проникнуто любовью к родной стране, к той, поистине гигантской работе, которая там сделана и которая производится.

Отдельными штрихами отвечает он на многие вопросы, до сего времени дебатирующиеся в русской колонии.

Головотяпы были в Советской России, есть, несомненно, и теперь, и вот, выудив из многообразия жизни нашей далекой родины какой-либо действительно неудачный факт, какое-либо малоудачное мероприятие, враги смакуют его:

— Вот, дескать, какие там правители!

Маяковский только напомнил несколько слов, сказанных Лениным:

— Нам приходится каждую кухарку обучать управлению государством.

Разве возможно, чтобы при таких условиях все шло гладко?!

Маяковский продолжает:

«После Октября литература осталась без литераторов.

Но это не значит, что она погибла.

Философовы, бежавшие из России и уверявшие, что они — соль земли, что с их уходом русская литература погибла, ошиблись или намеренно лгали».

Маяковский бросает одну мелочь: «Когда бежал Философов, думая, что вслед за этим будет крах (таким он себя считал нужным для страны), эта страна даже не заметила его ухода.

Полтора года еще выписывали на него паек, никто даже не обратил внимания, что Философов уже за границей».

Эта мелочь характерна.

Россия никогда не могла похвастаться обилием хороших работников, их и теперь еще немного, но из

этого не следует, что надо бросать работу и сложить руки. Новые силы растут, новые люди появляются на народной ниве.

Нет, кто видел Маяковского, кто слышал его, не может не поверить, что наша родина не погибла, что она работает, идет вперед, к поставленной цели, и эта цель все ближе и ближе.

Маяковский бросает:

— Я слышал, будто у нас нельзя открыть рта с критикой. А вот послушайте мою сатиру «Прозаседавшиеся».

И он читает так, как может читать только Маяковский. . .

Эта сатира не только не вызвала, как можно было ожидать по нашим сведениям, никаких репрессий, но даже понравилась Ленину.

Сатира существует в Советском Союзе, для нее, к сожалению, есть еще темы, но причина — в недостатке людей.

И у многих, убоявшихся русской революции, бежавших в разные стороны, быть может, зашевелилась тревожная мысль:

«Правильно ли мы поступили, не совершили ли мы преступления против своей родины, не отдав ей своих сил?

У меня эту мысль Маяковский расшевелил»¹.

Таково было впечатление от выступлений поэта в Америке. Такой силой обладала правда, которую он привез. Правда его лекций и стихов.

---

¹ А. Рович. Человек с того света (по поводу вечера Маяковского). «Русский голос», 19 августа 1925 г.

Из Филадельфии Маяковский вернулся в Нью-Йорк, где состоялось — 25 октября 1925 года — его последнее выступление перед американской аудиторией.

Мы располагаем, к сожалению, очень скудными сведениями об этом выступлении. Несколько газетных объявлений и программа — вот и все.

«Пароходные билеты куплены, — говорилось в объявлении, напечатанном в «Новом мире». — Маяковский уезжает в СССР. Но 25 октября, в 2 часа дня, в Иорквилл Казино, он прощается с Америкой.

Последнее выступление популярного поэта.

Все на последнее свидание с Маяковским!

Новые стихи. Новая программа»¹.

Есть еще несколько объявлений, выдержанных в столь же шутовском тоне. Знаю, что некоторым, не в меру пуритански настроенным, товарищам они не нравятся.

— Реклама. . .

Почему мы должны пренебрежительно относиться к рекламе? «Ни одно, даже самое верное дело, не движется без рекламы», — говорил Маяковский.

Кроме того, это весело. Это в духе Маяковского. «Надо стремиться жить и работать весело», — говорил он.

Наконец, из песни слова не выкинешь. Я пишу историю поездки. А это — пусть маленькая, но часть исто-

---

¹ «Новый мир», 24 октября 1925 г.

рии, дополняющая еще некоторыми штрихами ее атмосферу и колорит.

.. «Единственное утешение всем горюющим по поводу отъезда великого поэта современной Советской России В. В. Маяковского из Америки, — говорилось в другом объявлении, напечатанном в «Новом мире». — Все имеют возможность пойти и послушать его новые стихи об Америке.

Маяковский выступает в Америке в последний раз!
В последний раз!!»

«Сами виноваты! Вы требовали, чтобы Маяковский остался. Поэтому приходите в воскресенье, 25 октября, в Иорквилл Казино, на последнее, прощальное выступление популярнейшего поэта»¹.

В предыдущем номере газеты говорилось о том, что «167 записок и общее голосование заставили Маяковского еще на один день остаться в Америке».

«Когда? В воскресенье, 25 октября. Где? В Иорквилл Казино. Что? Последнее выступление великого поэта СССР».

«Запасайтесь билетами заранее, — рекомендовали газеты. — Всем! Всем! Всем! Все идем 25 октября, в 2 часа дня, в Иорквилл Казино, прощаться с Маяковским».

«Для этого выступления, — писала «Фрайгайт», — В. В. Маяковский избрал свою лучшую пьесу «Мистерия-Буфф», поэму «Человек» и «Этюды об Америке».

Вот программа этого последнего прощального вы-

---

¹ «Новый мир», 24 октября 1925 г.

ступления Маяковского в Америке, опубликованная 10 октября в «Дейли уоркер»:

«1. О новой литературе и Маяковском. Слова тт. Бурлюка, Ольгина, Радванского и Ш. Эпштейна¹; 2. Поэты СССР (доклад Маяковского)...; 3. Отрывки из пьесы «Мистерия-Буфф»; 4. Отрывки из поэмы «Человек» — Маяковский на небе; 5. Новые стихи: «Одесса и Нью-Йорк», «Бой быков» и др.; 6. Пять стихотворений по желанию присутствующих; 7. Записки».

«Одесса и Нью-Йорк» — это понятно. Это — «Американские русские». А вот что это за «Бой быков»? Такого стихотворения, как известно, у Маяковского нет...

В день выступления «Новый мир» напечатал такое письмо в редакцию:

«Раскатистым эхом с родного пролетарского берега прогремел яркий Маяковский. Забились трепетней сердца. Застучало сильнее в висках... Маяковский подчиняет всех и все на своем пути. Чеканит Маяковский громко и отчетливо в такт биения пролетарской души и нет больше устали — есть бодрость. Нет половинчатости — есть цельность.

..Привет вам, дорогой В. В. Маяковский!»²

«Русский голос» опубликовал коротенькое интервью и небольшую информационную заметку, написанную, судя по всему, Д. Д. Бурлюком:

«Сегодня, в 2 часа дня, в Иорквилл Казино, состо-

---

¹ Ольгин был редактором «Русского голоса».

² Л. Луганов. Привет В. В. Маяковскому. «Новый мир», 28 октября 1925 г.

ится последняя прощальная лекция В. В. Маяковского. Вчера он купил билет на пароход, отходящий 28 октября во Францию.

После краткого пребывания в Париже В. В. Маяковский поспешит в Москву, куда его вызывают дела, связанные с изданием Полного собрания его сочинений Госиздатом.

В. В. Маяковский в общем доволен своим пребыванием в Нью-Йорке и поездками по Соединенным Штатам.

— Но, — закончил поэт свою беседу с сотрудником «Русского голоса», — вначале поражает, а сейчас привык. Рвусь в Россию»¹.

..Кончался октябрь. После относительно теплых дней в Нью-Йорке неожиданно похолодало. Ртуть в термометре упала почти до нуля.

«Эти дни, — писали газеты, — были самыми холодными днями осени за все время существования метеорологического бюро в Нью-Йорке».

Накануне выступления над городом разразился страшный ливень. Дождь лил, как из ведра, день, ночь и весь следующий день.

Ливень сопровождался ураганом. Срывало крыши с домов, суда с якорей.

Ненастье прекратилось перед самым отъездом поэта, но в океане на обратном пути из Америки дождь снова настиг его. «Сплошной ливень, — писал поэт, — вспенил белый океан, белым заштриховал

---

¹ «Отъезд В. В. Маяковского в СССР». «Русский голос», 28 октября 1925 г. Сотрудник «Русского голоса», беседовавший с Маяковским, несомненно, также Д. Д. Бурлюк.

небо, сшил белыми нитками небо и воду» («Мое открытие Америки»).

Маяковский видел дождь в Гаване.

«Что такое дождь?» — спрашивает поэт.

«Это — воздух с прослойкой воды.

Дождь тропический — это сплошная вода с прослойкой воздуха»¹.

Видел в Мексике. «Вместо ожидаемого зноя, — общается корреспондент «Вечерней Москвы», присутствовавший на лекции Маяковского в Париже, — поэта встретил в Мексике проливной дождь, от которого, как он уверяет, ему пришлось высыхать целую неделю»².

Видел в Чикаго... Но такого дождя, как в Нью-Йорке перед отъездом, ему еще не приходилось видеть. Этот ливень надолго запомнился Маяковскому. Он даже задумал специальное стихотворение на эту тему. В статье «Как делать стихи» (1926) читаем:

«Есть темы разной ясности и мутности:

1. Дождь в Нью-Йорке...»³

Не отсюда ли, от этого небывалого потока воды, от холода и неуютности на чужбине (он уже пять месяцев был оторван от родины) хватающие за душу строки в стихотворении «Домой!», начатом на пароходе, в обратном пути на родину:

---

¹ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 269.

² С. Марголин. Намордник на голую технику или Вл. Маяковский в Париже. «Вечерняя Москва», 2 декабря 1925 г.

³ В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 90.

жек с бычком в овале и портретом Линкольна на обороте — долларов.

«Вы одеты довольно демократично — не похоже на человека, побывавшего за границей. Обычно оттуда являются, как с картинки. Что это — оригинальничание или подделка под господствующую мораль?»

«Чем вас так привлекает граница? Борьба — в стихах, а фокстрот тоже недурная вещь, тем более когда есть деньги».

Такие записки прислали Маяковскому слушатели его доклада «Мое открытие Америки» в Воронеже и Туле, после его возвращения на Родину.

Если бы они знали... Когда поэт уезжал из Нью-Йорка, не было денег даже на мало-мальски приличное пальто. Купил дешевую курточку с подкладкой из искусственного меха и таким же воротником. В этой курточке его сфотографировали в Париже. Снимок хорошо известен. Сейчас куртка висит под стеклом в Библиотеке-музее поэта. Но мало кто знает ее историю.

Снова, как летом в Париже, после кражи, когда И. Г. Эренбург ссудил ему 50 бельгийских франков (они ценились дороже французских), потом в Мексике, где его выручил секретарь советского посольства Хайкис, и в первые дни в Нью-Йорке пришлось занимать денег у знакомых и малознакомых людей. Через три дня по возвращении в Москву, получив гонорар за присланные из Америки стихи, Маяковский пришел в Наркоминдел, зашел в финчасть.

Сохранилась квитанция:

«Н.К.И.Д.СССР. Управление делами. Финчасть.

Квитанция № 493, 25/XI-1925 г.

Принято от Маяковского В. 1069 р. 75 к. на предмет пересылки в Мексику и Париж.

Заведующий финчастью Магалиф. . .»¹

Уцелело также письмо Маяковского, адресованное в Федерацию советских писателей:

«Прошу указать возможность возврата денег, взятых взаимобразно у тов. Вольф, кои могу и мог и хотел передать в любой момент любому лицу или учреждению по соответствующей доверенности.

В. Маяковский»².

Несколько лет потом вынужден был Маяковский погашать долги, сделанные во время поездки.

3

Среди других в бумагах Маяковского, связанных с американской поездкой, сохранилось письмо, объясняющее нам кое-что в творческой истории стихотворения «Бродвей». Письмо на английском языке, датировано 20 октября 1929 года, написано на бланке московской гостиницы «Гранд-отель».

«Дорогой Маяковский!

Помните вечер в доме Рехта — Ваш первый вечер в Нью-Йорке, нашу прогулку по Уайт-Уэй (Бродвею), испанские песни, которые мы пели, и то, как я каждые полчаса спрашивал Вас о Ваших впечатлениях от Нью-Йорка?

Если помните, и нет у Вас в настоящее время каких-либо других более или менее интересных дел, загляните в этот отель (комната 108).

---

¹ Библиотека-музей В. В. Маяковского.

² Там же.

Я рассчитываю пробыть здесь около двух недель и ничего мне не надо, кроме нескольких дружеских лиц, которых я знавал раньше.

Искренне ваш

Альберт Уолдовинн¹.

Кто такой Альберт Уолдовинн? И состоялась ли его встреча с Маяковским? Принял ли поэт его приглашение? Это выяснить не удалось.

Что касается упомянутого в письме Рехта, то о нем известно следующее.

Выходец из Богемии (нынешняя Чехословакия), нью-йоркский адвокат Чарльз Рехт был на шесть лет старше Маяковского. Четырнадцать лет эмигрировал в Америку. Натурализовался там, стал полноправным американским гражданином. Окончил нью-йоркскую школу законоведения. Работал в суде. Был советником «по делам Востока» одной из крупнейших профсоюзных организаций США — «Ай-дабль-ю-дабль» (Индустриальные рабочие мира).

После революции в России поступил на службу в первую советскую миссию в Нью-Йорке. Работал в смешанном русско-американском акционерном торговом обществе «Амторг».

В 1924 году приезжал по делам общества в Москву. Возможно, тогда и познакомился с Маяковским.

Вскоре после возвращения Рехта из Москвы, весной 1925 года, Д. Д. Бурлюк беседовал с ним о перспективах получения Маяковским визы на въезд в Нью-Йорк.

---

¹ Библиотека-музей В. В. Маяковского.

«Тщетно Маяковский добивался разрешения на въезд в «страну свобод», — писал Бурлюк. — По этому поводу автор этих строк имел беседу с юрисконсультом по делам СССР Чарльзом Рехтом. На мой вопрос, могут ли Маяковского впустить в Америку, адвокат ответил, покачав головой:

— Не думаю. Очень уж выражены в нем стихийная революционность и склонность к широчайшей агитации»¹.

Прохлопали. Впустили. «Ники Картеры мою недоглядели визу»...

В первый же свой вечер в Нью-Йорке Маяковский, как это видно из письма Уолдовинна, пришел к Ч. Рехту.

Что привело его к адвокату? Желание продолжить знакомство? Вряд ли. Думается, другое. Рехт был не только адвокат. Американские справочники, говоря о его профессии, на первое место ставят: «писатель» и уже на второе: «юрист».

В 1924 году Ч. Рехт выпустил в Нью-Йорке сборник сатирических произведений «Побасенки с намеками». Спустя некоторое время вышел другой сборник — «Манхэттэн». Им написаны роман «Вавилон на Гудзоне», памфлет «Право убежища». Переведено много пьес европейских авторов.

Во время своего пребывания в Москве в 1924 году Ч. Рехт был избран почетным доктором Московского университета.

Вот что представлял собой человек, в доме кото-

---

¹ Цит. по кн.: В. Катанян. Рассказы о Маяковском. М., 1940, стр. 250.

рого В. В. Маяковский провел свой первый вечер в Нью-Йорке.

Один из культурнейших людей Америки, один из лучших представителей ее интеллигенции, американский юрист и писатель Ч. Рехт горячо сочувствовал русской революции, отстаивал ее интересы.

...Помнил ли Маяковский свой первый вечер в Нью-Йорке и состоявшуюся после него прогулку?

Письмо А. Уолдовинна дает некоторые основания для этого.

Страничка творческой истории стихотворения «Бродвей» впервые стала нам известна благодаря письму А. Уолдовинна.

Три месяца пролегло между тем днем, когда Маяковский после вечера в доме Ч. Рехта принял участие в прогулке по Бродвею, и днем его отъезда из Нью-Йорка.

«После четырехмесячного пребывания в Америке поэт Владимир Маяковский уехал в среду на пароходе французской компании «Рошамбо» через Гавр в Париж», — информировала в последний день последнего осеннего месяца своих читателей газета «Русский голос»¹.

«Холод и дождь, — вспоминает Давид Бурлюк, — не помешали нью-йоркским рабочим прийти на последнее свидание с поэтом. Рабочие прощались со своим любимцем, словно предчувствуя, что они его уже больше никогда не увидят»².

¹ «Отъезд Маяковского из Америки». «Русский голос», 31 октября 1925 г.

² Д. Бурлюк. В. В. Маяковский в «Новом мире». «Новый мир», 6 апреля 1936 г.

«Чем дальше вглубь уходят года», тем яснее для нас значение поездки великого «агитатора, горлана-главаря» за океан на заре советской власти в те, далекие теперь, времена, когда наша «страна-подросток» не отметила еще и десяти лет своего существования.

Поездка эта и созданные в результате ее произведения сыграли огромную роль в становлении и развитии советской поэзии, оставили глубокий след в сознании не только советских людей. Это не просто одна из страничек истории русской литературы, годная для детализации общей картины процесса двадцатых годов. Это одна из драгоценнейших страниц истории всей мировой литературы, а также летописи советского общества.

В лице Маяковского впервые прибыл в богатейшую страну мира, хозяева которой кичились и кичатся своей «цивилизацией», «культурой», техникой, представитель иной цивилизации, иного, более высокого, совершенного и гуманного образа жизни. Его знаменосец, его певец.

«Сравнение культур», — озаглавила «Дейли уоркер» один из разделов своего отчета о выступлении великого русского поэта в Чикаго.

Это сравнение очень точно и правильно передает суть поездки.

В лице Маяковского американцы впервые увидели «коммунизма естество и плоть». Вместе с ним победно шагнула через океан литература Октября. Литература, одна из вершин которой — поэма о вожде.

Из уст ее создателя американцы впервые услы-

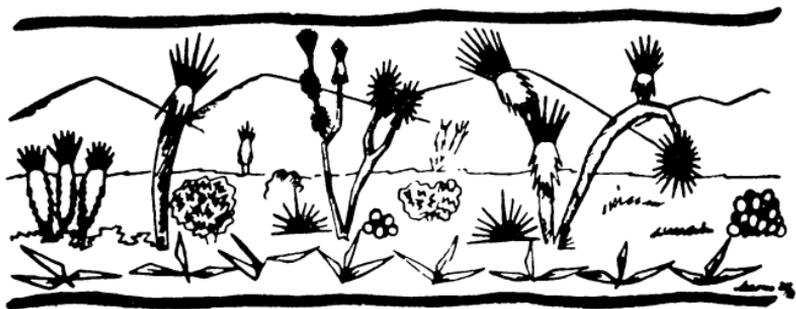
шали главы этой великой, вдохновенной, нестареющей поэмы.

Началось победное шествие молодой советской поэзии через океаны и материки.

Прошло сорок пять лет со дня поездки. Триумфальное шествие советской литературы продолжается. Влияние Маяковского, других советских поэтов на лучших представителей мировой поэзии — бесспорный и признанный всеми факт. Можно смело сказать, что вся она развивается сейчас под знаком Маяковского, под влиянием идей Ленина, которые он воспел.

Аргентинский поэт Рауль Гонсалес Туньон свою «Оду о Маяковском» заканчивает так:

И людям я скажу: — Не умер он!
Он жив. Его могучий пламень
Разлит во всем, и стих его гремит
В деяниях страны его великой,
В событиях жизни всех народов мира,
Ведущих революции бои.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Стр. 2. В. В. Маяковский. Рисунок Гуго Геллерта.

Стр. 14. В. В. Маяковский возле здания Советского полпредства в Мексике (1925).

Стр. 40. В. В. Маяковский в Мексике (1925).

Стр. 90. В. В. Маяковский на Уолл-стрите. Фото (1925).

Стр. 194. В. В. Маяковский у станции надземной железной дороги.

Стр. 214. В. В. Маяковский в Париже по возвращении из Америки.

На форзаце — карта путешествия Маяковского в Мексику и США.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	91
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	195
ГЛАВА ПЯТАЯ	215

**Кэмрад Семен Самуилович
МАЯКОВСКИЙ В АМЕРИКЕ**

М., «Советский писатель», 1970, 272 стр. Тем. план вып. 1969 г. № 306

Редактор М. И. Самойлова

Худож. редактор Е. Ф. Капустин

Техн. редактор З. Г. Игнатова

Корректоры Л. А. Матасова и И. Ф. Сологуб

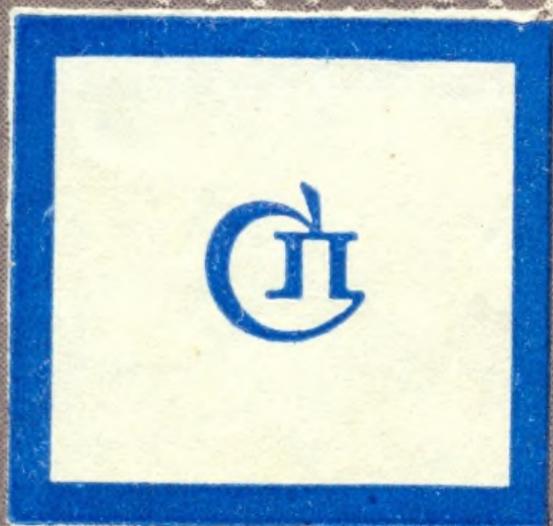
Сдано в набор 24/X 1969 г. Подписано в печать 5/III 1970 г. А 01025.

Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 8¹/₂+0,25 вкл. (12,25). Уч.-изд. л. 10,92.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 1480. Цена 64 коп.

Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

64 к.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

АМЕРИКАНЦАМ
ДЛЯ ПАМЯТИ

СТИХИ

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

64к.

СУББОТА

19
ДЕКАБРЯ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ЛУБИАНСКИЙ ПР., 41

СУББОТА

19
ДЕКАБРЯ

СОСТОИТСЯ
2 БОЛЬШОЙ ВЕЧЕР

ВЕРНУВШЕГОСЯ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ

ПОЭТА **ВЛАДИМИРА**

МАЯКОВСКОГО

I ДОКЛАД

ДИРИЖЕР ТРЕХ АМЕРИК

(С. Ш. С. А.)

ТЕМЫ: Бог доллар — доллар дух святой. Кино-Чаплин, золотая горячка, горячая в 15 тысяч в неделю. Ньюйоркский поэтический Конотоп. Фото-монтаж князя Бориса. Принцесса Сирилл. Земляные яйца в Москве. Неподкупность продажных гостей. Негритянский великий поэт А. С. Пушкин. Форд, как он есть. Американские рабкоры о Форде. Приключения мистера Браунинга. Какая Америка интересней — моя или всамделешняя. Горький и Короленко об Америке и С. Ш. С. А.

II **СТИХИ И ПОЭМЫ**

О ШЕНКЕ, АМЕРИКЕ, АТЛАНТИКЕ, ИСПАНИИ И ФРАНЦИИ

1 Статуя свободы	3 Сто этак	5 Га-ду-ду-ду	7 Брукленская мост	9 Петрос и Малли
2 Шантегума — астралийский поэт	4 Жарыга	6 Бов быков	8 Париж	10 Первое предостережение

ПОСЛЕ ДОКЛАДА ОТВЕТ НА ЗАПИСКИ.

Начало в 8 час. веч.

Салон Восточного музея — Институтский пер. Круг 9.
Почтовый ящик 1309

Иллюстрации и орнаменты подает «бухгалтер» по телефону 2-20-2

Мисс И. М. Г. У.

МАЯКОВСКИЙ В АМЕРИКЕ
С. НЭМРАД